

Elsa Winokurow

Эльза Карловна Винокуровна, ур. Раммельмейер (1883-1983).

Воспоминания

Ego-Dokumente zum östlichen und südöstlichen Europa

*Bereitgestellt und langzeitarchiviert durch die Bayerische Staatsbibliothek.
Ein Projekt des Fachinformationsdienstes Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa, mit Förderung der Deutschen Forschungsgemeinschaft.*

<https://www.bsb-muenchen.de/sammlungen/osteuropa/>

DOI: <https://doi.org/10.15463/ego-dok.rammelmeyer-2>

Empfohlene Zitierweise:

Elsa Winokurow: Эльза Карловна Винокуровна, ур. Раммельмейер (1883-1983). Воспоминания. München 2021. <https://doi.org/10.15463/ego-dok.rammelmeyer-2>.

Lizenzhinweis:

Creative Commons Namensnennung 4.0 International Lizenz

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Маттиас Раммельмейер

О воспоминаниях моей двоюродной бабушки

В 1994 году мне позвонила моя троюродная сестра Катарина Май, урожденная Винокуров: ее мать Натали Винокурова и ее бабушка Эльза Винокурова, сказала она, выразили ясное пожелание, чтобы после их смерти мне были переданы некоторые принадлежавшие им вещи. Среди этих вещей я нашел старые фотографии и три тетради в переплете из твердого картона: это были воспоминания моей двоюродной бабушки – «тети Эльзы», как ее всегда называли у нас в семье. В общей сложности рукопись насчитывала 328 страниц (по 28-30 строк на странице), написанных четким, по большей части довольно разборчивым почерком – и, к моему удивлению, по-русски!

Эльза Винокурова (урожденная Раммельмейер) была врачом; необходимые сведения о ее жизненном пути сжато представлены в ее биографии (см. в Сети, <http://geschichte.charite.de/aeik/biografie.php?ID=AEIK00013>, на нем. языке). Эльза родилась 20 апреля (3 мая) 1883 г. в Москве, в немецкой семье. В восемнадцатилетнем возрасте она выходит замуж, начинает изучать медицину за границей, потом краткое время учится в Москве и снова за границей, в 1908 г. защищает в Бонне диссертацию, работает врачом в России, во время первой мировой войны заведует госпиталем для тяжелораненых. Надеясь на скорое прекращение революционных беспорядков, в 1921 г. Эльза договаривается с мужем о своем временном отъезде из России с больной дочерью. Они уезжают в Германию; вернуться в Россию им не удастся, и, таким образом, с мужем Эльза расстается навсегда. До ухода на пенсию она работает врачом-ортопедом в Ганновере и Госларе. В 1972 г., т.е. почти в девяностолетнем возрасте, она начинает записывать свои воспоминания, начиная с детских лет, прожитых в России. Внучка ни разу не слышала от нее о работе над этими воспоминаниями, в которой Эльза явно не могла опираться на какие-либо дневниковые записи. Она упоминает этот факт только в письме к моему брату Андреасу от 2 ноября 1975 года: «писать мне трудно... В моих «мемуарах» запечатлено все – Сейчас пишу как раз о возвращении в Москву в крайне критический момент: 1900-1901 годы. Продолжение следует». Работа, по-видимому, движется все медленней. В своих воспоминаниях Эльза добралась до 1906 г., когда ей исполнилось двадцать три, но затем, видимо, в течение 1977 г. – мемуаристке уже 94 года – текст обрывается на середине фразы... 18 марта 1983 г. она умирает, не дожив несколько дней до ста лет. Город Ганновер почтил память выдающегося врача, присвоив имя Эльзы Винокуров одной из аллей в больничном парке.

Именно эти воспоминания содержались в переданных мне записях. Мне сразу стало ясно, что передо мной документ, во многих отношениях незаурядный. Кроме того, у меня возникло чувство, что я обязан не просто принять записки на сохранение, но в той или иной форме познакомить с ними других – по меньшей мере, моих детей, хоть я и сомневался, что они будут для них интересны.

Несколько лет я откладывал решение о дальнейшей судьбе этого текста. Наконец я попытался – без определенного намерения – перевести его на немецкий, но для меня оказалось трудно делать перевод с рукописного текста. Тогда я попросил о помощи знакомую русскую, филолога по специальности, и она выполнила кропотливую работу чтения рукописи вместе со своей коллегой. Затем, уже имея печатный текст, я смог его перевести.

Занимаясь переводом, я постоянно проверял факты и сведения, упоминаемые в записках, с помощью русской и немецкой Сети или бедекеровского путеводителя «Россия» 1897 г., не переставая удивляться точности, с какой Эльза более полувека спустя вспоминает старую Москву, имена людей, названия улиц, зданий и площадей, – а также ее прекрасному владению русским языком. То, что человек после столь длительной жизни и работы в немецкоязычном окружении, практически не имея возможности говорить по-русски, выбрал русский язык для записи своих воспоминаний, – факт в высшей степени необычный, если вообще не уникальный. Текст, написанный в 70-х годах XX века, отражает состояние русского языка на рубеже XIX-XX вв. – его лексику, фразеологию и орфографические нормы. Заслуживает внимания большой словарный запас; невероятной точности деталей отвечает точность терминов и тщательный выбор слов – надо заметить, что многие вещи и слова к сегодняшнему дню уже исчезли из обращения, и это серьезный вызов для переводчика.

Записывая свои воспоминания, Эльза явно не преследовала литературных целей, стилистически они временами сближаются со свободными набросками, предложения не всегда в полной мере развернуты, но все же – не говоря уже о многочисленных аллюзиях на произведения европейской и особенно русской литературы, – трудно не заметить, что автор литературно образован. Естественно, моя двоюродная бабушка и в Германии читала русские книги; мой отец, профессор-славист, преподававший в университетах Киля, Марбурга и Франкфурта, регулярно снабжал свою тетю, к которой питал любовь и благодарность (в трудное время после Второй мировой войны она приютила у себя дома нашу семью), русскими книгами и указывал ей на интересные литературные новинки. В тексте не просматривается какой-либо общий план, изложение попросту следует хронологическому порядку. Только начало, по-видимому, вызывало у нее затруднения. Я тогда его передвинул, поскольку оно, скорее всего, было задумано в форме письма к знакомому. (Этот прием, пожалуй, восходит к роману «Николай Переслегин» Федора Степуна, с которым с детских лет Эльзу связывали дружеские отношения). Работа над текстом оставила в рукописи четкие следы: первые 15 страниц написаны карандашом – видимо, чтобы сохранить возможность внесения небольших исправлений, – следующие 6 страниц – шариковой ручкой, остальные – чернилами. Несмотря на разного рода исправления и вставки, в основном текст, написанный четким почерком, читается хорошо. Хотя мемуаристка описывает события в хронологическом порядке, она нередко позволяет себе отступления, а затем, как правило, вновь подхватывает нить повествования; временами ее занимают детали, кажущиеся малозначительными, и это затягивает описание, – с другой стороны, благодаря этой любви к подробностям повествование выигрывает в живописности и достоверности.

Что побудило мою двоюродную бабушку писать воспоминания по-русски? Едва ли она могла рассчитывать, что этот документ найдет каких-либо читателей,

кроме моего отца Альфреда Раммельмейера (родился в 1909 г. в Москве, умер в 1995 г.) и меня, поскольку среди ее родственников только мы еще владели русским. Беглое употребление русского в воспоминаниях Эльзы наводит на мысль, что она, несмотря на немецкоговорящее окружение, все еще жила внутри этого языка, – и что язык этот, похоже, вплоть до конца ее жизни – а в последние дни особенно – был ей внутренне более близок, чем родной немецкий, на котором она всегда говорила абсолютно свободно, но с заметным русским акцентом. Когда в 1983 г., за две недели до ее смерти, я навел на тетю Эльзу в Ганновере, она, несмотря на смертельную болезнь, сохраняла ясное сознание, – и была заметно обрадована тем, что может поговорить со мной по-русски. Этот язык служил ей связью с детством и юностью, проведенными в России, – потому-то она и не хотела описывать особенно дорогой ей период жизни на немецком; только русский казался тете Эльзе пригодным для того, чтобы воскресить прошлое. Употребление русского указывает также, что она писала воспоминания прежде всего для себя самой, что это был своего рода акт самоутверждения.

Почему запись воспоминаний так резко обрывается? О причинах можно только догадываться. Помимо чисто физических трудностей, сопряженных с такой работой, существовали и другие факторы. Прежде всего, сознание, что она описала менее четверти своего жизненного пути и что попытка описать его целиком заведомо безнадежна, могло ее обескуражить. Но есть и более важная причина: лучший, наиболее значимый для нее период жизни, детство и юность, был уже описан; предстояло рассказать о последующих мрачных временах, о войне, о погроме немцев и о высылке из Москвы в 1915 г., о коммунистическом терроре, который навеки уничтожил былую Россию и, по ее мнению, низверг русский народ в нравственную пропасть, став (как она пишет в своей автобиографии) причиной «полного разрушения всякого этического начала в целом народе», – глубокое отвращение к коммунистическому режиму и превратившийся в *idée fixe* страх перед коммунистическими репрессиями были в ней неизменны до конца жизни. Далее следовали катастрофа Второй мировой войны и тяжелое послевоенное время... Стоило ли описывать эти тяжелые и мучительные страницы ее жизни?

Работа над текстом воспоминаний, обилие содержащейся в нем информации, а также незнакомые мне ранее фотографии второй половины XIX века побудили меня к исследованию моего собственного происхождения и поиску в сегодняшней Москве возможных следов, оставленных там нашей семьей (см. мою статью о сорокалетней «экскурсии» нашей семьи в Россию: <https://download.e-bookshelf.de/download/0000/1245/23/L-G-0000124523-0002314488.pdf>, стр. 1-14). Родственников с нашей стороны в России больше нет, все члены семьи вернулись в Германию, однако в воспоминаниях тети Эльзы играет заметную роль немецкая семья Киркальди, с которой Раммельмейеры в XIX веке много лет жили в одном доме, – и родители, и дети очень тесно дружили, и впоследствии дело дошло даже до родственных связей, которые произвели на свет двух детей. Детективный поиск в интернете членов семьи Киркальди в Москве поистине чудесным образом позволил мне свести воедино траектории, которые надолго – на целый век – разошлись. Очень хорошо помню, как во время моего приезда в Москву в 2011 г. я показывал потомкам семьи Киркальди старые московские фотографии из семейного архива и как одна из них, Галя, глядя на снимок незнакомому мне мужчины, внезапно воскликнула: «Да это же дядя Джон!» – и действительно, извлекла тот же снимок из собственного альбома. Потрясающий момент! (Тетя Эльза бы сказала: Потрясающий момент!)

Вот почему я думаю, что публикация записок тети Эльзы на ее утраченной родине вполне отвечает ее намерению: может быть, они вызовут у какого-нибудь потомка друзей ее детства и юности интерес к забытой истории этой семьи.

ELSA WINOKUROW
geb. Rammelmeyer

ЭЛЬЗА КАРЛОВНА ВИНОКУРОВА
ур. Раммельмейер
(1883-1983)

ERINNERUNGEN
ВОСПОМИНАНИЯ

Содержание

Для удобства читателя текст воспоминаний разделен на главы, снабженные заголовками.

Номера страниц, указанные в тексте, относятся к оцифрованной рукописи.

Ранние воспоминания о людях, местах, событиях. Смерть брата	1
Обучение и одежда детей. Школа. Репетиторы	8
Профессиональная деятельность отца. Квартира в доме Морозова, немецкая колония в Москве	19
Дачные сезоны. Организация переездов на дачу	31
Учителя моей гимназии. Семья Клемпнер	43
Музыкальные занятия семьи. Концерты. Коньки	48
Чтение. Мечта о профессии врача. Дача в Малаховке	55
Семейство Киркальди	60
Велоспорт в Малаховке	67
Питание на даче. Соседи по Малаховке. Друзья. Летние развлечения	71
Феррейны	86
Прогулка на лодке	91
Немного о воровстве в России	96
Театральные и музыкальные выступления в школе	99
Faux pas Карла	107
Дмитрий Винокуров. Московские развлечения детей. Ряженые	109

Окончание гимназии. Занятия фортепиано	113
Приглашение на свадьбу к родственникам в Германию. Восприятие родителями жизни в России. Катастрофа в бизнесе отца. Кухарка Ирина	124
Поездка с родителями в Германию	131
Возвращение в Москву. Дмитрий Винокуров и его товарищи. Большой театр. Первый поцелуй с Митей. Непонимание с родителями	169
Дружба Франца с Димитрием	169
Уход из дома. Знакомство с матерью Дмитрия. Помолвка. Приготовления к свадьбе	177
Свадьба. Дом Винокуровых в Москве. Отец Дмитрия. Принятие российского подданства. Запись на высшие женские курсы	188
Минеральные Воды , Пятигорск, Ессентуки. Поездка в Крым	201
Возвращение на дачу в Томилино. Истории жизни родственников мужа. Смерть матери Дмитрия	209
Занятия на курсах. Завалишины. Сокурсницы	216
Поездка на Кавказ. Репетиции с Богдановичем и его концерт. Прогулки верхом. Встречи со знаменитостями мира искусств. Дамская поездка по военно-грузинской дороге. Инцидент у станции Казбек. Поездка под Эльбрус Дмитрия с Францом	223
Учеба на курсах в Москве. Студенческие волнения. Дебют Богдановича в Большом театре и его женитьба	259
Третий курс естественного отделения. Сокурсницы. Вера Муромцева и ее помолвка с И.Буниным. Обыски. Арест Дмитрия. Встреча студентов с участием В.И. Качалова	263
Поездка в Нижний Новгород, Казань. Протоиерей? Исакиевского собора в Петербурге (отец) В. М. Смирнов	271

Дачная жизнь в Клязьме. Друзья. Смешная история с хирургом Постниковым. Рассказы друзей о поездке в Соловецкий монастырь	278
Поездка в Швейцарию на учебу. Встречи с Доброхотовым, скульптуром Гинзбургом (история о Л. Н. Толстом). Занятия в анатакуме. Забавная медицинская история. Акушерка М. Замыслова. "Неприличный скандал"	290
Поездка в Италию. Милан. Флоренция. Генуя. "Полудокторский" экзамен	318
Рост недовольства народа в России. Призывы к вооруженному восстанию. История с пистолетом Дмитрия. Учеба в университете Гумбольта	324

Band I¹

с. 23

Январь 1973.

Heidelberg, 1924.

Дорогой Евгений Адамович,

Я знаю, Вас давно нет в живых, но часто мои мысли возвращаются к Вам в те годы, когда мы переписывались. Как удивительно, что я совершенно случайно, сидя в Гейдельберге за чашкой чая с М-ме Новиковой, супругой бывш<его> ректора Моск<овского> унив<ерситета>, эмигрировавшего <так!> этак в году 1922, [принесшей русскую эмигр[антскую] газету «Руль»], в безнадежной германской инфляции неожиданно увидела в [занесенной] Берлинской газете «Руль», принесенной гостьей, Ваш анонс (в Руле) с сообщением о часах Вашей юридич<еской> практики в Берлине. Мир завертелся вокруг желанной встречи с Вами и сразу со страшной силой встало прошлое: оставленная мною Москва, оставленный мною Дим<итрий> (Фед<орович>), все мое прошлое моих первых 38-ми лет жизни – моя работа в научном институте с моими друзьями-сотрудниками, долголетняя работа в хирургии с друзьями коллегами в Басманной больнице. И опять встает в душе острая боль разлуки с миром совершенно иным, нежели ныне окружавшим

с. 24 меня ныне в послевоенной разбитой Германии 1924 года. К нашему [моему] обоюдному огорчению погибла наша с Вами богатая долголетняя переписка возникшая в тот же год – и утерянная в страшном военном пожарище

¹ Текст введен в компьютер М. Бобрик и И. Шиповой. Орфография, грамматика и пунктуация текста сохраняются. Исключение составляют буквы «фита» и «і десятиричное», которые заменяются, соответственно, на *φ* и *и*. Сокращенные написания раскрываются в угловых скобках. Очевидные описки поправляются. Вычеркнутые места не воспроизводятся. В тексте есть слой авторских поправок. Они внесены другими чернилами или карандашом. Новый текст может быть приписан на полях, но обычно он вписан над строкой, причем предыдущий вариант, как правило, не зачеркнут. Иногда новый текст должен заменить, а иногда лишь дополнить старый. Если место вставки-дополнения можно надежно определить по контексту, то надписанный текст вносится в основной и не выделяется скобками. Если место определить не удастся, то вставка вносится в конце тематически связанного с ней фрагмента и отмечается квадратными скобками. Вставки-варианты вносятся после соответствующего первоначального варианта и также отмечаются квадратными скобками. (Обработка/редакция текста: Марина Бобрик, Ирина Шипова)

1943 года в Hannover' e. В этот Hann<over> я попала случайно. В Heidelberg'e (год спустя) я встретила в гастрономическом магазине при покупке горчицы (мы ее готовили сами из горч<ичного> порошка) с приветливой молодой дамой, женой ассистента в хирург<ической> уни<верситетской> клинике проф<ессора> Enderlen д<окто>ра Valentin. Valentin'ом я была знакома, потому что, конечно, ходила в клинич<ескую> библиотеку читать и вместе с тем [надеясь попасть в клинику] стремилась к работе в клинике по моей любимой специальности – хирургии. Мне удалось представиться профессору End<erlen'у> и удалось держать лампочку над его именитым теменем, освещая в решающие моменты особые точки операционного поля – но дальше этого дело не шло.

с. 25 Geh<eim> Rat Enderlen был против высшего образования женщин и женщин-врачей он не признавал. Этот проф<ессор> был тот самый, что был призван ко двору царицы [к царскому двору в Петербург (1906 г.)] на спасение кровоточившего новорожденного наследника престола. При покупке горчицы оказалось, что Valentin'ы в дек<абре> 1924 года переселятся в Hannover: д<окто>р V<alentin> получил место шефа ортопед<ической> клиники Anna-Stift и вскоре получил титул профессора.

22/ I. В глазах моих и в речи моей милая дама прочитала мою душевную нужду [в тщетном] и стремление к врачебной работе, и передала мою просьбу мужу. В результате переговоров с ним, просмотром моих множественных университетских бумаг я очутилась в Hannover'e.

Ранние воспоминания о людях, местах, событиях. Смерть брата

Что такое университетская бумага в руках женщины в те и в предшествующие времена? В какие времена? Родившись в 1883 г., девочкой, в немецкой семье (отец и мать южногерманцы) в Москве царских времен

с.1 Девочкой я слышала в старой царской Москве, как мама моя на забавно ломаном немецко-русском языке рассказывала, как я родилась в доме графа Шереметева, на Воздвиженке, и в празднества коронования царя Александра III кормилица меня выносила на балкон на [зрелище царского] поглядение. Каким то чудом сохранилась фотографическая карточка: кормилица в подобающем ей в те времена наряде – с бусами на шее, в шелковом головном платочке, в широком полосатом платье с кисейными рукавами и при широком белом фартуке, держит на коленях беленького младенца с темными глазками. Лицо кормилицы внимательно, почти строго устремлено на зрителя, немного [слегка] смуглое, с правильными чертами лица, пожалуй с чуть

с. 2 намеченными усиками. Ее навещал муж, по видимому в деревне рос ея собственный ребенок. Мама побаивалась ее, сама не зная почему. В один прекрасный день кормилица исчезла, прихватив свой наряд, и оставив[-ла] меня в кровати.

Четко помню, как болел и умирал семилетний, второй по старшинству из моих четырех братьев, Федя в доме Шиллинга в Большом Кисельном переулке. Квартира была большая, двухэтажная. Наверху в мезонине была большая комната, где помещались мальчики с больным. Он, как выяснилось позднее, был заражен туберкулезом вследствие устарелого метода одного врача, д-ра Пфедфера, прививавшего оспу от детей воспитательного дома одновременно и в нашем доме. Мои родители слы-

с. 3 шали крупный разговор приглашенного второго врача – Д-ра Коппе с первым [ним]. Выяснилась картина болезни скоротечной чахотки (Miliartuberkulose). Бедный мальчик угасал в течение 7ми месяцев. Мама плакала по нем 19 лет. Я помню, как мы утром сидели внизу за завтраком и Frau Toburn, пожилая верная мамина помощница, бледная, каким-то особенным тихим взволнованным голосом позвала маму наверх к Феде. Он уже лежал без жизни. «Отчего он не говорит? – мой вопрос повис в воздухе без ответа. Мы много лет навещали его могилу на немецком кладбище. Извозчика нанимали на долгий путь со словами «На Введенские горы» [на немецкое кладбище].

При доме Шиллинга был сад. Помню запах бузины над левой дорожкой, утратившей песчаную наслойку, потому надо было бегать по ней осторожно из за

с. 4 из за кирпичей [острых кирпичей]. Однажды в этом саду папа сидел читая газету. Вдруг пролетевшая птица оставила след на его лбу и на бумаге. Нам детям это показалось очень неловким и вместе с тем очень смешным.

Был у хозяина дома кучер Степан и конюшня с парой лошадей. Однажды Степан взял меня маленькую на руки и поставил на стол или прилавок в конюшне. В разговоре снял с меня штанишки и поглядел на меня снизу. Помню, что мне было страшно. Он меня опять одел и я убежала. Я слышала, что он в то время собирался жениться. Мы много лет жили в Кисельном переулке. На пути в школу мне приходилось видеть этого Степана, правившего послушной парой лошадей нарядной кареты Шиллинга.

с. 5 Была зима, у нас была нежданная, не очень приятная, очень разговорчивая гостья, саксонка, Mme Allwart, имевшая отношение к очень в то время хорошей гостиннице Дюссо, на Тверской (где останавливалась милая моему сердцу Марья Федоровна Степун со своими сыновьями Федором и Оскаром – с ними мне суждено было встретиться, познакомиться, подружиться – 25 лет спустя! – Итак была зима, сидела гостья. Я спустилась на двор, копала снег, играла с детьми – было очень морозно, – я захотела вернуться домой, схватила скобку двери и так и прилипла к ней. Mme Allwart помогла – принесли прованское масло и оттерли ладонь, было очень больно.

Мы жили одно время на Молчановке, (оказывается, Степуны тоже

жили в той местности) – я только

с. 6 смутно помню, как мама, я и два брата ехали на извозчике и заявили: Богывление, совершенно не понимая смысла этого возгласа – мы жили вблизи церкви «Бога Явления».

Мышь. Однажды, мы, сидя за обеденным столом услышали пронзительный крик мамы „Carl, her“ – мы с отцом бросились вниз по лестнице навстречу маме, она в ужасе указала на направляющуюся ей навстречу мышшь, отец, с большой салфеткой в руках – ударил ее несколько раз по мыши, оглушил ее и прислуга унесла ее в савке. Отвращение и ужас перед мышами, мы женщины разделяем, кажется, со слоном – боязнь, что мышшь залезет в хобот, похожа на боязнь женщин, что мышшь залезет в одежду (или в тело?) Такое же чувство вызывает и змея.

с. 7 Помню, что папа обнял и поцеловал взволнованную маму. А однажды мы детьми разревелись – не поняв, что отец с матерью не подрались, а шутя делали вид, что дерутся, и очень в свою очередь, удивившись на нас, смеялись. Все разрешилось смехом.

Помню, что был день моего рождения и моя крестная Mme Bertha v. Vangel (уроженка Вены и ни одной чертой души не подходившая к атмосфере старой Москвы, как впрочем и мои родители)

Я сидя на высоком детском стульчике получила в подарок фарфоровый детский чайный сервизик (беленький с розовой каемкой). Его тесно расположили на передке моего стульчика. Как бывает в таких случаях взрослые окружили ребенка, ожидая с любопытством, как он будет теперь «играть» новыми чашечками. Первая же чашечка, которую мне захотелось хоть потрогать – упала на пол и разбилась. Вокруг меня смеялись, я почувствовала, что я сделала что-то не то.

Обучение и одежда детей. Школа. Репетиторы

с. 8 Брат Карл, старший из нас ходил в училище. К нам приходил репетитор Николай Павлович Кармин, студент – по обычаю тех времен носивший студенческую форму мундир темно зеленого сукна и такие же брюки. Он хорошо умел преподавать. Карл был очень способен но рассеян и как тогда говорили «ленив». Он позднее очень много читал, обычно лежа на животе и грызя ногти. Мой второй брат Otto (Феди уже не было) тоже хотя был слаб здоровьем подросток и ему наступала пора идти в школу. Я, хотя двумя годами моложе его, вместе с ним научилась русской азбуке, письму и арифметике у того же Ник<олая> Павловича. Меня мама привела в школу – немецкую Петропавловскую женскую гимназию

с. 9 (как говорилось тогда) при Лютеранской церкви Петра и Павла. Тогда мне было 8 лет. Помню, миновав церковь на большом хорошем дворе в левом углу его стояло белое простое с очень толстыми стенами здание. То самое, которое возникло еще при Петре Великом. Мама меня ввела в большой зал, где было уже много публики. Пришлось долго ждать, сидя на стоявших по стенам низких лавках, обитых черной клеенкой (кожей). Всех девочек экзаменовали. Меня определили во Пой пригготовительный класс. Не помню, как и когда я научилась немецкой азбуке и письму – в этой школе требовались оба языка одновременно и в одинаковой степени (равноправно). В школу мы ходили пешком из Кисельного пересекая Лубянку, в Милютинский переулок, где стояла католическая церковь св. Людовика (позднее – в 1955 г. посещенная почтенным германским канц-

с. 10 лером Adenauer), дальше через Кривоколенный переулок, действительно имевший несколько «колен», затем в Армянский переулок, где находилась Армянская церковь и напротив ее домá княгини Абамелек-Лазаревой – где позднее жила Марья Дмитриевна Некрасова с матерью и замужней красивой породистой сестрой, нос горбинкой, Екатериной Дмитриевной с приятным энергичным мужем и прелестными двумя детьми – семья Румянцевых. В Ленинскую революцию, голод и террор они старались спастись на Кавказе – и как в воду канули. Старуха мать А<нна> П<етровна> Н<екрасова> погибла с голода, заеденная вшами в приюте для старых людей. Москву революционное начальство двадцатых годов старалось разгрузить. Стариков, одиноких эвакуировали в глухую провинцию; в данном случае Анна Петровна угоди-

с. 11 ла в Тамбов. Дочь ее Марья Дмитриевна была замужем за моим братом Отто. Но пока я иду в школу – в Козьмо-Демьянский переулок в церковный вышеупомянутый двор, где через год стояло новое хорошее просторное училищное здание, которым можно было по праву гордиться во всю последнюю эпоху. В просторном входе нас встречал приветливый рослый отставной солдат «швейцар» в подобающей его сану черной форменной долгополой одежде, с медалями на груди на голубой ленточке. Егор был в цветущем возрасте, был здоров и весел и прекрасно обращался с детьми, с учебным персоналом и начальством. За все восемь лет моего ученья в гимназии он безсменно был на своем посту, пунктуально звонил в колокол и прекрасно следил за порядком в здании. В зиму он одевал

с. 12 ловко, охотно, с юмором детей младших классов, что было не так просто. Учебный год начинался 16 Августа; в октябре уже бывало холодно, быстро наступала в Москве лютая зима, с обильным снегом. В домах было тепло, мы никогда не носили шерстяных чулок, а для улицы приходилось надевать гамаша, теплые ботинки и очень теплую верхнюю одежду – шубу на вате или на меховой подкладке, с барашковым воротником и шапкой, закрывающей уши. Бывало в мороз -20° Реомюра (в те времена темп<ература> измерялась по Реомюру) мы все за редкими исключениями должны были поверх шапки носить шерстяной платок или

с. 13 Кавказского покроя башлык – его носили и мальчики – подчас элегантно расположив концы его на спине – в этом нами почитался особый шик.

Мальчики – преимущественно из немецких семей – германско подданных или балтийцев, но были в наших трех Петро-Павловских школах – как женской гимназии, так и в мужской классической гимназии и мужском реальном училище – оне помещались в соседнем Петроверижском переулке – учились и русские дети. Мальчики охотно собирались группами, дожидаясь на углу их улицы выхода нас, девочек из ворот нашего двора по окончании ученья. Кто был знаком или сродни, кланялся нам очень корректно, снимая форменную фуражку с кокардой, инициалами соответствующего училища.

с. 14 В нашей новой нарядной школе было при открытии празднество. В ожидании высокопоставленных лиц – попечителя учебного округа, директора нашей и соседней мужской школы – красиваго, представительнаго мужчины в форменном фраке, при орденах, приветливо-декоративно отвечавшаго на поклоны, в сопровождении нашей начальницы, старой брюзглой женщины в наколке и черном платье с небольшим треном (полы у нас были паркетные и блестели воском), несколько выпученными глазами, всегда строго и недовольно взиравшая на учениц; руки держала она всегда скрестив. Когда она появлялась на горизонте, все предупреждая шептали друг

с. 15 другу ея прозаичное прозвище «корова» и ждали неминуемых упреков за шум во время паузы или назидание говорить в промежутках по французски. В ознаменованье 100 летняго существования нашего училища ожидали посещения Великой княгини Елисаветы Феодоровны: классные дамы недели за две ежедневно тренировали всех учениц делать придворный реверанс, стоя в парте, держа руки по предписанию. Трудность заключалась в том, что ритм движения ног под столом на узкой дощечке парты шел в разную сторону; дамы старались достигнуть идеальный эффект без команды кивком головы; нас душил смех

с. 16 мы качались в плечах и шумно водили ногами, как лошади, к ужасу и отчаянью взволнованной классной дамы. Великая княгиня не приехала; взамен ея явилась «кавалерственная дама» (таков был ея титул) фон Энгельгардт, своим величавым видом очень подтверждавшая необыкновенный титул. Реверанс наш сошел благополучно. Всем ученицам была роздана в подарок коробка конфет, а первая ученица получила кроме того книгу.

Ученье шло в первом и втором пригготовительном классах на двух языках – русском и немецком, а в последующих годах от 1аго до 7ого класса присоединен был и французский язык.

Вспоминая школьное время, я в общем сказала бы – оно было скучно и порой даже нудно, потому что не допускалась ни малейшая свобода – начиная с требования от нас учениц

с. 17 абсолютной тишины с первых шагов по лестнице на пути в класс, во время преподавания сидела классная дама, следившая за каждым движением и легким стуком карандаша о пюпитр приводившая малейшя нарушения «в порядок». За восемь лет моей школьной жизни я не помню ни одного вопроса, который был бы обращен к преподавателю, не говоря уже о каком-нибудь диспуте

или разговоре с ним. Это как-то само собой «не полагалось», было как-то стыдно и страшно. При вызове к ответу на уроке ученицы вставали с места краснея, многия дрожали от волнения, с красными пятнами на лице и шее.

Мы носили конечно форменное платье по предписанию. Темно коричневое шерстяное на подкладке, с белым воротничком и черным шер-

с. 18 стянным фартуком. Лет с 12ти мы уже почти все носили корсет. Волосы были причесаны гладко и заплетены в косу. Ученье шло по хорошо продуманной программе по всем предметам. В течение учебного года – он шел с 16аго Августа и кончался к середине мая, эта программа для каждого класса заканчивалась экзаменами; без них не было перевода в следующий класс. Я не помню ни одной весны без экзаменов. Оказалось, что я была самой младшей в классе. Ученье давалось мне легко, особенно в тех предметах, где применима была зрительная память. Мы на трех языках знали много стихотворений; да и прозу мы часто передавали наизусть –

с. 19 напр<имер> на русск<ом> языке ... Владимира Мономаха, или из Слова о Полку Игореве, или Гоголя «Чуден Днепр при ясной и тихой погоде. Мерно и плавно катит он синия воды свои», или Лермонтова «Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру у подошвы Машука. Воздух чист и свеж как поцелуй младенца».

Профессиональная деятельность отца. Квартира в доме Морозова. Немецкая колония в Москве

В те времена мы жили в Малом Кисельном переулке, в доме Морозова. Тогда не было номеров на домах; население ориентировалось как-то нюхом и по памяти, вроде как и сейчас еще в Японии, почтальоны находят адресатов каким то верхним чутьем. У хозяина Морозова было несколько домов подряд в этом переулке, был там и большой двор, в котором мы зимой учились кататься на коньках и играли в салки с соседними детьми.

с. 20 У моего отца была агентурная контора, он был представителем нескольких немецких, швейцарских и французских мануфактурных фирм. Поэтому мы жили в центре Москвы, и в нижнем этаже. Была у него контора, по нынешнему «бюро», было двое служащих, ведших на двух языках коммерческую корреспонденцию и слуга-артельщик г-н Витковский – худосочный, саркастический москвич с желтым лицом, затем г-н Ошатц – саксонец с несимпатичным бараньим лицом, и Матвей – пьяница серьезного характера, с темной бородой, он у нас долго служил. Помню, что мама удивлялась, как он, несмотря на явно затуманенную водкой голову, точно исполнял ее поручения –

принести из пассажа особенной формы булавки или шнурки или другия мелочи, и в деньгах он был точен и надежен.

с. 21 Папа и мама его называли на свой лад, с чуть французским отзвуком «Máttwéh, Mat-Fé». В отличие от Матвея, вышеупомянутые мужчины [служащие] впоследствии оказались нечестными сотрудниками, доставившими отцу и матери много волнений и забот.

После сырости в доме Шиллинга мы очутились в доме Морозова в чрезвычайной сухости – отопление там было «духовое». В стенах были медные клапаны – их под праздник чистил Матвей, как и самовары и медные плевательницы, с песком – оттуда несло горячим воздухом. Впоследствии оказалось, что и эта система была нездорова и даже опасна – несло оттуда порой каким-то прачешным духом, щами и людскими испарениями. Отец часто страдал сухостью в голосовых связках, мама полоскала нос борной водой, закидывая голову по совету доктора со словами: «Лондон – Лондон... очень чудно».

с. 22 Клозет у нас был темный с маленькой керосиновой лампочкой, но с водой. [Освещение квартиры было] Квартира освещалась 13-тью керосиновыми лампами [их было 13 штук]. Оправлял их Матвей. Боже упаси, ежели кто не доглядел, и где-нибудь коптела лампа – комната чернела до неузнаваемости. Удаление копоты стоило больших усилий. Водопровода у нас не было – нас снабжал водовоз. Ежедневно наполняя кадку, стоявшую в кухне. Мы пили круглый год сырую воду из железного, и по вкусу, ковша. Прислуга приносила нам в комнаты воду в умывальнике. Под окном моей комнаты в партере однажды дворник хозяйск<ого> дома закопал вонючие отбросы из общей домовой помойки. Через недели две я тяжело заболела брюшным тифом. Болела недель 6, теряя временами сознание. Вслед за мной заболел младший брат Франц, но в легкой форме. Выздоровливая я однажды, уже лежа на диване, скатилась и ударилась до крови виском об пол.

Итак, я училась в Петро-Павловской школе. В последнем классе (7-мом) нас было 28 учениц. По национальности нас было начально больше немок. В начальных классах (вместе с параллельным) было почти столько же и русских. Преподавание шло в разных предметах по годам сменно – на русском и на нем<ецком> языке. Вероятно по этой причине наш

с. 26 класс попутно растерял к концу всех русских учениц до одной (Тарасовой) но сохранил всех евреек – их оказалось из 28 учениц – 14. Наша гимназия принимала евреек без предубеждения, но я слышала, что плата с них требовалась [однако] из-за наплыва несколько повышенная. В те времена состоял закон, по которому евреи допускались в русск<их> гимназиях лишь в 3 %, да сверх того лишь по контрольному экзамену. В результате первый ученик в классе был всегда отборный еврей, то же и в университете. Наша школа была частная, и 3 % «нормы» придерживаться не было надобности, поэтому еврейский элемент во всем училище был очень заметен. Из них было много красивых девушек, одевавшихся несмотря на «форму» элегантно, была заметна бóльшая живость хотя

и под неустанным контролем, в поведении происходили иногда драматические реакции – истерические ужасы при прививке оспы в классе, или бурные сцены при открытии мелкой кражи – контроль

с. 27 проведен был классной дамой, симпатичной M-elle Löwenstein, прекрасно владевшей тремя языками, как и красивые сестры Berend – кл<ассные> дамы, рыжеволосые, при хорошей, разумеется, корсетной фигуре, и M-elle Schlesinger, очень элегантной дамой, при греческой прическе, с небольшим шлейфом черного платья, и резким самоуверенным голосом. Были и другие кл<ассные> дамы: M-elle Garney, тихая скромная некрасиво-бледная, очень по видимому религиозная старая дева, старавшаяся нас воспитывать личным примером праведной жизни. Были в низших классах две русские замужние дамы – M-те Скворцова и M-те Садовская, очень спокойные в обращении, с (каким то) Богом данным авторитетом и в основном понимании детей. Мы охотно учились у них русскому языку. В высших классах преподавал русск<ий> язык, географию и историю России Н. Ив. Аммон, дов<ольно> интересно². В нашей школе было то преимущество, что преподавание шло на трех языках и проводилось учителями соответствующей национальности. Поэтому Петро-Павловцев охотно принимали на службу в германском посольстве в Москве и позднее в Берлине

с. 28 во время первой всемирной войны и после нея. Но до нея [этой войны] еще далеко. Была еще счастливая эпоха всеевропейской жизни. Немецкая колония жила в Москве спокойной жизнью добрых граждан. Герм<анских> подданных, как и наша семья, в том числе; их было всего 3000. Но эти 3000 совместно с балтийскими немцами (около 12 000) содержали 4 большие училища, три евангелич<еские> церкви (Петра и Павла и св. Михаила и Реформатск<ую> церковь, богадельню для старых и немощных, и сиротский дом, из которого вышло много дельных людей напр<имер> Roerich, Tegeler и др. Из этой колонии при мне, т.е. в мою эпоху 1883–1921 вышли – братья Bockelmann – впоследствии один из них был градоначальником (Ob<er> Bürgermeister) гор. Франкфурта, как раз в тот год, когда унив<ерситет> Франкфурта под ректорством профессора Alfr<ed> Rammelmeyer: тоже уроженца гор. Москвы, моего племянника, праздновал первое 50летие его основания.

с. 29 Тумаркина. Чтение. Худ<ожественный> театр. Чехов. Горький³.

Окончание гимназии 1899 (Май)

1892–99. Школа. Большая дружба с Маней Клемпнер. Ея семья. Уроки музыки. Пение отца. Жизнь нашей семьи. Русская прислуга. Акулина. Ирина. Церковные праздники. Мама и папа. Братья. Жизнь на даче. Ховрино. Пруд. Лодка. Панов. Бешеная собака. Мама и Güstel Treusch. Гости зимой. Коронование царя Николая II. Ходыньское несчастье. Herr v. Vangel. 1900 г. Велосипед. Малаховка. Озеро. Я упала в воду. Лес. Циклодром, его устройство. Торжественное открытие. Флаг. Семья Киркальди. Faux pas Карла и Кати Киркальди. Слезное рождество. Odyssee.

² Предложение написано на поле перпендикулярно к основному тексту на всю ширину страницы.

³ Строка на поле.

Писарев. Бокль. Лермонтов. Пушкин, Гоголь, Тургенев... Уроки музыки с 8 лет. Поездка за границу с родителями на свадьбу в Мюнхен весной 1900 г. через Берлин-Friedrichstr. Hotel Central. 13 лет⁴. Мама у врача v. Olshausen в Берлине. Мы в Мюнхене на Königinstr. am Engl<ischen> Garten 65. в семье папиных родных, его мачеха во втором браке с доктором Karl Leibl. – их дом, квартира, портреты, пальмы, сервиз, библиотека. Дочь, ея жених. Сын. Свадьба дочери. Мюнхен. Мамина болезнь и операция. Мое волнение. Daller, больной multiple Sklerose. Tante Ida, ея родные. Наша с ней поездка в Achern, Kuppenheim. Дом моего отца. Семья Beck в Мюнхене, посещение замков Баварских королей. Dr. Leibl. Dr. Ziegen-speck⁵.

с. 30 Письма в Москву, Франц и Митя. Моя борьба за право учиться в унив<ерситете> медицине. Чтение Тургенева. «Отцы и дети». Личность Базарова.

Дачные сезоны. Организация переездов на дачу

с. 31 Помню мы жили на даче в Ховрине по Николаевской железной дороге в скромной дачке, называвшейся по ея действительному сходству с простенькой [торговой] лавкой для торговли «лавочкой». Мне было лет 5. Остановился как-то прохожий шарманщик и заиграл. Я стала приплясывать. Тут же в палисаднике находившийся наш черный барашек как-то присоседился мне передними ногами на плечи и мы вместе «протанцовали». В этот момент промчалась вдоль забора, как потом узнали, бешеная собака. Каким-то чудом с нами ничего не случилось. В Ховрине некий помещик Панов⁶ кроме нескольких дач имел свой богатый дом, два пруда входившие один в другой и жутко шумевшую мельницу. Мимо нея надо было проходить по бревенчатому довольно широкому мосту, на котором бревна-кругляки не были укреплены и перил, как водится, не было. [К большому грозному шуму] Мимо большого грозного пеннистаго водопада мельницы и люди и лошади с повозками пробирались осторожно. Шла молва, что однажды тройка с пьяным кучером ночью провалилась на этом месте.

с. 32 Отец, как все «дачные мужья» ежедневно ездил по жел<езной> дороге (около получаса) по делам в контору. Под вечер около бти он возвращался. Братья его встречали с полотенцами и отправлялись с ним в купальню, где все

⁴ На поле.

⁵ Две эти фамилии написаны на поле.

⁶ Примечание на свободном поле соседней с. 30: «Говорили, что Панов сильно пьянствовал, и имение свое запустил. К общему сожалению. На это наш артельщик Матвей (сам часто пивший) однажды возразил: «С таким доходом, да как ему не пить?»

резво плавали и выплывали из купальни, разумеется, без купальных костюмов. Мама не умела плавать. Из Offenbach'a в те времена у нас гостила мамина 20тилетняя племянница рослая крепкая румяная блондинка с беловатыми ресницами над выпуклыми круглыми серыми глазами. Конечно не знавшая русского языка и не по своей воле приехавшая к нам, а по воле ее матери и Оффенбахской родни. Цель была – удалить барышню в возрасте невесты из города Оф<ф>ен<бах>, из среды неподходящих женихов и научить ее хорошим манерам у заграничной тетушки, известной изяществом облика и обхождения и говорившая хорошим стилем немец<кого> языка – без диалекта [наречия] – наша родственница

с. 33 говорила на Оф<ф>ен<бахском> жаргоне, забавлявшем всю нашу семью. Мы дети кстати сказать в начале жизни восприняли первым делом русский язык – от няни, от кухарки, от окружавших нас детей. Я помню, что мы к родителям обращались по русски притом на «вы» и отсюда это перенеслось и в немецкий язык – мы говорили им „Sie“. Лишь позднее, лет 8ми я стала говорить им „Du“, что в начале казалось ужасно невежливым и грубым обращением.

Племянница Gustel (Treusch) хорошо умела плавать и принялась в то лето учить и маму. В подмогу приладили воздушный брюшной кушак, как еще сейчас помню, красного цвета с желтым пестрым рисунком [пестрыми разводами]. Плаванью мама не научилась – после нескольких уроков знаменитый кушак скользнул как-то к ногам, ноги поднялись, голова и туловище опустились и в миг мама исчезла из наших глаз. Не сразу поняв, что случилось, Gustel схватила ноги, к счастью съумев опрокинуть ее тело – кроме испуга и переполоха ничего не случилось, но мама долгие годы с ужасом вспоминала, «как он тонула». Я тут впервые увидела, как красива была моя мать – с распущенными роскошными темными волосами, собранными голубой лентой, взятой с моей головы, чудесными большими темными глазами. Мама шла молча, задумчиво, медленно с нами домой.

с. 34 Братья и я стояли во все годы юности под влиянием старшего – Карла. В Ховрине была большая высокая еловая аллея, там гнездились вороны сильно каркавшая. Это не нравилось ни отцу, ни Карлу. Отцовское ружье «Монтэ-Кристо» однажды было в руках Карла; он хотел прогнать ворон. Это не помогало. Брат залез на верхушку ели и стал разрушать гнезда, конечно с опасностью сорваться и сверх того под большой угрозой ворон, тучей с большим галдежем круживших вокруг него. С Карлом мы много переживали вообще. Он нас часто дразнил, делая ужасные гримасы, щелкая нас по носу, говоря нам обидные слова, часто цитируя поговорки, четко попадая в «больное место» характера собеседника (кого-нибудь из нас – двух братьев и меня). Ховрино было живописное тихое дачное место, но там было сыро. Часто стоял туман. Нигде позднее мы не слышали такого настойчивого восторженного хора лягушек, как здесь у Ховринских прудов.

с. 35 Нигде позднее не взяли так ноги после дождя в дорогах, нигде не благоухала так листва (тополя) и цветы сирени и табака в клумбах. Сыро было впрочем и в Шереметевке, место упоминаемое в нынешних (1973 года) немецких газетах – по случаю официальных встреч министров советской власти с иностранными высокопоставленными лицами. А в мое школьное время это было

прелестное дачное место в дубовом лесу. Нашими соседями оказалась семья директора Михайловского училища Ковальциг. Там было 10 детей. Старшая Наталья [Thaly] была совсем взрослая, помолвленная уже с офицером драгунского полка – помню его в военной форме, со шпорами, мне очень импонировавшими. Наталья много играла на рояли – это доносилось к нам через сад. Однажды я услышала знакомый мне мотив по пению моего отца – с восторгом я объявила: «...Н.Ковальциг играет ‚Ging der Nathan mit der Sarah, durch die Wüste der Sahara‘» – раздался всеобщий смех – мотив был действительно тот же, но папа его пел с шуточным текстом, под эту музыку Шопеновского траурного марша.

с. 36 У Ковальциг было много мальчиков своих и сверх того учеников-пансионеров, того же училища. Там же учился мой старший брат Карл и гораздо позднее и брат Франц. У Ковальциг все были хорошо воспитаны, хорошо одеты в летнюю ученическую форму – светлой парусины куртку и брюки и, как полагается, с ремнем и пряжкой, несущей инициалы училища. На голове красовалась форменная фуражка с козырьком и кокардой. Долгие годы у меня сохранялись две любительские фотографии того лета: втроем стоят старшие Ковальциги: Ваня Ковальциг, Саня Ковальциг и пансионер Зюзин. На другом снимке в лесу – сидят на плоско изогнутом стволе березы мальчики значительно моложе: Франц и его друг Федя Ковальциг и брат Отто. Этот Федя мне очень нравился и я ему нравилась. Много лет спустя, уже во время первой всемирной войны (1914), сидя в дачном поезде я встретила с Колей, братом Федеи Ковальциг. Узнав меня он сразу вспомнил: знаете, Вы первая любовь моего брата Федеи.» –

с. 37 Этот Коля скоро спустя трагически погиб на войне 1914 г. на Галицийском фронте – как я позднее прочитала в воспоминаниях Федора Степуна.

Лето в Шереметьевке было ужасно дождливое. Грибов было много. Мальчики приносили их целыми решетками, и даже корзинами порядочного размера. Мы раньше срока собрались домой в Москву. Переезд на дачу и обратно это всякий раз было большое событие. Для мамы, все вообще очень к сердцу принимавшей, сборы на дачу и обратно переживались ею совершенно как потрясательное событие. Семья наша состояла из шести душ, да гостившей Gustel, и кухарки. Сборы из города на дачу требовали точной организации в выборе нужной обстановки для дачи и необходимых для каждого из нас вещей. Так с годами разумелся сам собой дачный стиль мебели, от которой требовалась устойчивость и простота, неприязнительность и всетаки удобство. Обеденный стол был непременно складной, дубовый, кровати железные, тоже складные, с матрасами вложенными в раму кровати, а частью и большие пружинные матрасы в один кусок. Бывали и „новшества» – дно железной кровати состояло из парусины, а совсем модной новостью явилась проволочная сетка протянута под матрасом, дававшая приятную эластичность.

с. 38 Все, начиная с парусины для декорации балкона, керосиновой лампы-«молнии» для балкона и столовой, занавесок для всех комнат и «Rollo» для спален, столов, стульев, простых вместилищ для белья и платьев, кастрюль, котлетной машинки, керосинки, столовой посуды и стекла, – все, включая лопаты и лейки для сада – корзины бельевые – и корыта с лоханкой и «поганым» ведром, тазы для

умывательства и табуретки – вся эта кладь должна быть продумана, выбрана из комфорта городской квартиры, упакована в деревянные большие ящики, заколоченные и завязанные бельевыми веревками. В каждой семье была своя система упаковки и общей организации «подъема». У нас мама, терявшая сон уже загодя до этого события, в большом волнении распорядилась нашим сдвигом. Папа, всегда элегантно одетый, переодевался в этот день в особенный зеленовато-серый холстинковый халат и ловко и систематично упаковывал тяжелую кухонную посуду – тяжелую вниз, ребром, просветы заполняя сеном (хорошо пахло!) и бумагой, брались два самовара – с большим опытом и осторожностью – как бы не вдавился бок – помилуй царица небесная! крестилась кухарка Акулина. Утюги простые и духовой (с углем) и трубой и кулечек угля и несколько дровец – для первых дней на новом месте.

с. 39 Обычно переезд на дачу всеми нами переживался с радостным подъемом. Школьный год окончен, экзамены сданы, все братья и я перешли благополучно в следующий класс. Середина мая, весна уж переходит в лето. Мы все дружно помогали папе, в таких случаях охотно шутившим с нами, посвистывая и напевая. –

А трубу-то Акулина поздно догадалась подать барину – когда уже в ящик уложена была сверху стеклянная посуда – отец, надев пенсне, удивленно поглядев на трубу произнес: «So 'ne Dure, Semipalätinske» – как мы покатались со смеху! на смысл фразы и ее иностранный звук.

Последняя ночь и утро перед отъездом переживались нами детьми с волнением – не опоздать бы к отъезду на вокзал, успеть позавтракать – хотя проще обыкновенного, брался с собой на первый день запас холодной еды уже заготовленной; папа перед отъездом из левого отделения трехстворчатого буфета наливал себе одну рюмочку коньяку. Запирались все шкафы, комоды, окна, двери. Пришли нанятые ломовые извозчики с тремя возами. Надо было зорко направлять людей как тащить ящики не опрокинув их и в какой очереди их помещать на телеги. „Jesus, Jesus der Kerl [Hornochse] kippt es ja um“⁷. За все долгие тогда еще счастливые годы нашей жизни случались конечно неожиданности – например – что «ломовые» просто не явились в уговоренный день – и весь план отъезда рухнул; вспоминаются и другие варианты дачных неожиданностей – «ломовые» – ах, где и как их нанимал на «бирже» наш артельщик Матвей? – ломовые иногда являлись «подвыпивши» вместе с пьяницей Матвеем – по шоссеному пути верст 20 и больше, считая от заставы Москвы. Как эти неграмотные мужики знали [угадывали] путь вдоль Николаевской или Казанской или Курской жел<езной> дороги и как они находили именно нашу дачу на безымянной просеке новаго, еще пустынного дачного места – над этим никто как-то не задумывался. У мужиков и кухарки, ехавшей с ними, шагом по шоссеному пути – был безошибочный нюх направления. Этим нюхом деревенские мужики и бабы руководились, как звери – вдруг поднявшись например на богомолье «в святые места» [ко святым местам] пешком в Иерусалим – помню у Дм<итрия> Фед<оровича> – у нас – в начале столетия из деревни однажды явилась в Москве «тетка

с. 41 Матрена», благообразная пожилая женщина с иконописным лицом в

⁷ Фраза на полях.

темном платье, неграмотная, с сушоным пальмовым листом в руке – прямо пешком из Иерусалима. В разговоре с теткой, на вопрос «а какая там природа?» она ответила – «природа? – да черная она там!» Этот пальмовый лист хранился у нас под стеклом киота в Винокуровском доме в Спасо-Наливковском переулке, в углу столовой помещался красного дерева трехугольный киот [шкаф], в нем находилась икона Богородицы; вся риза ее была украшена настоящим жемчугом камушек к камушку. На груди Богородицы красовался рубин окруженный бриллиантами. Перед иконой висела красная лампадка. Старая няня Марья Максимовна по субботам и под праздник появлялась снизу и зажигала ее, крестясь. Затем шла в тихих туфлях через кабинет и гостиную в залу. Там висела икона на белой стене меж зеркальных окон. Лампадку няня спускала к себе на веревочке. В зале росли в больших дубовых кадках широколистные филодендры до потолка, пальма Кенция, пальма финик, и индийский панданус в кадках и стояла рояль Блютнера. Бледный синеватый свет лампы казался лунным и давал тишину. Марья Максимовна та самая няня, что в молодости растила Митю. Однажды отец его

с. 42 Федот Герасимович, склонный к вину, осерчав хотел прибить Митеньку. Марья Максимовна верным инстинктом поняв несправедливость грозившую ребенку, рискуя потерять место, т.е. хлеб насущный, схватила Митеньку и унесла его со словами «бить его я не дам» в детскую. Та самая М<арья> М<аксимовна>, что среди буйных игр детей – их было четверо Митиных сестер и Лиза, двоюродная сестра, в страхе от шума крестилась, унимая детей, со словами: Господи милосердый, утоли мои сердца, сомкни мои уста». Та самая М<арья> М<аксимовна>, что однажды любясь младшей своей питомицей, произнесла: «Наша девочка Кланечка, хорошенькая, милитюрненькая, глазки маненькие, акуратненькие!..»

Учителя моей гимназии. Семья Клемпнер

Арифметику в низших классах преподавал Herr Wöhler, носивший форменный синий мундир с золотыми пуговицами. Приветливого характера, он при хорошо выработанной системе преподавания, без затруднений нас ввел во все «четыре действия», в понимание часов, и экзамены у него проходили благополучно.

с. 43 Однажды пришли две особенные девочки – Леня и Маня Клемпнер, две сестры – одна светлая блондинка, другая чуть поменьше брюнетка с румяными щеками. Обе с распущенными волнистыми волосами, в очень изящном платье [изящных одинаковых платьях], синем с белом, с короткой пышной почти балетной юбочкой [в ... балетных юбочках]. Herr Wöhler подвел девочек к кафедре и тут их основательно проэкзаменовал. Обе отвечали блестяще и – были приняты в наш класс. Маня Клемпнер стала моей подругой на всю мою московскую

школьную жизнь. Обе девочки были хорошо воспитаны и во все 8 лет школьной жизни держали себя корректно и хорошо учились. Маня была хороша собой, чисто еврейской яркой красотой, старшая ея сестра блондинка, чем старше становилась, тем более выделялся в ней тип топорного профиля – так называемый Котовый, в отличие от «вороньяго» – птичьего профиля носа и лба – особенно часто встречаемый [-аго] у евреев. Семья Кл<емпнер> была родом из Митавы. Отец Иван Матвеевич и мать Каролина были выкресты и строго с детьми – у них было еще четыре сына – придерживались лютеранского вероисповедания, мы вместе «конфир-

с. 44 мировалась» в П<етро->Павловской церкви.

Ив<ан> М<атвеевич> Клемпнер, очень известный в Москве отличный портной – на Петровке висела его огромная вывеска Klemperer-Tailleur – мой отец заказывал лет 30 подряд там всю свою очень элегантную одежду. Ив<ан> М<атвеевич> был нервный, одержимый грудной жабой семьянин. Приходя домой он в демонстративной немощи сбрасывал с себя одежду тут же в передней на пол. Все члены семьи привычно старались подхватывать [-тить в этот миг] его одежду. Мамаша Каролина Ив<ановна> с особенно сухими черными редкими волосами собранными кверху в маленький пучек, ходила качаясь в тазобедренных суставах очень коротких ног, всегда была погружена в громкие разсуждения о смысле жизни, о справедливости и несправедливости судеб житейских – Если кто из случайных посетителей вступал с ней в разговор на эту тему, то он быстро кончался в пессимистическом тупике. Позднее, однажды Маня и Леня были внезапно отозваны из класса домой – там старший брат совершенно неожиданно покончил с собой. Он оставил записку – Я хочу быть в мире Schiller'a и Goethe.

с. 45 Он был по словам Мани – разговор этот был много лет спустя – способным хорошо учившимся юношей 18ти лет. Никто не знал, что побудило его к этому концу. Другой брат Мартын, работавший в мастерской отца, чуть прихрамывавший в правом тазобедренном суставе [правым бедром], благообразный блондин, молчаливый, по своим не гимназическим интересам видимо не подходивший к семье, в последующие годы пристрастился к картежной азартной игре, запутался в долгах и исчез в Англию к большому потрясению родителей. Ив<ан> Матв<еевич> болея грудной жабой ездил на воды – в Euuenhausen однажды прихватил Маню и Леню – я впервые от них узнала, что такое «лечение на водах», что такое «за-граница» и что такое «грудная жаба». (и что в Nauheim ездят на лечение этой болезни.)

Целую зиму мы вместе ходили в пасторский дом на уроки Закона Божия у Oberpastor Dieckhoff, очень почтенного седовласого старика с странной как бы надломленной интонацией и особенными интервалами фразы, не соответствовавшими ея смыслу. Мой отец, любивший петь, участвовал в хору П<етро->П<авловской> церкви, прослушав проповедь нашего пастора, нередко дома шутя соблазнялся на подражание таких проповедей к нашей большой забаве. Дети Клемпнер никогда не видали засеянного поля – это как-то обнаружилось в школе... Евреи люди городские... комнатные⁸.

⁸ Фраза от слов «дети Клемпнер...» написана на полях.

с. 46 Манин брат Бернгард много и бурно игравший на рояли, злоупотребляя педалью, пел сипловато. тремолируя громко и неточно решительно все из ходячих опер и романсов и опереток, но особенно охотно из им любимаго «Роберт-Дьявола». В семье Кл<емпнер> Б<ерн>г<ард> повидимому доминировал, кончив П<етро->Павл<овскую> классич<ескую> гимназию с интересом и успехом, поступил на юрид<ический> факультет Моск<овского> унив<ерситета> и нам с Маней своими познаниями конечно импонировал. С Бернгардом в одной комнате помещался его брат Федя, годами восемью моложе его, всецело очутившись в воспитании и дополнительно к школьному образованию под влиянием Б<ернгарда>⁹. Наши школьные годы близились к концу. Приходилось писать «сочинения» на темы почерпнутые из немецких классиков. У нас был любимый старый, очень уважаемый Dr. Krüger, преподававший всеобщую историю и историю нем<ецкой> литературы. Широкоплечий, высокаго роста, с седой живописной головой, характерным профилем, живыми глазами он прекрасно говорил и всегда увлекал весь класс. На особенно драматических местах его лекции он поднимал высоко над головой руку, в которой обычно находилась связка ключей. Мы в классе иногда по инициативе Д-ра Кр<югера> читали с волнением *Kabale und Liebe*, *Die Räuber*, *Tasso*, *Jungfrau von Orleans*, *Nathan*

с. 47 Der Weise, Kaufm<ann> v<on> Venedig, Othello – в распределенных ролях – с большим удовольствием и интересом. Помню в уроке истории Д<окто>ра Кр<югер>а Маня Тумаркина мне однажды подсунула немецкий роман „Problematische Naturen“ Spielhagen'a. Отвлечшись на минуту в него, я не ухватив темы учителя, он говорил о „Toleranz im Sinne...“ и полагая, что я знаю, о ком идет речь ожидая слова Спиноза от меня взглянув на меня произнес Spi-. Я вскочив сказала: „Spielhagen!“ К ужасу тут же поняв блямаж – срам ошибки – У Крюгера от разочарования повисла челюсть... „Spielhagen“ произнес он тихо и замолчал, задумчиво поглядев на меня. Класс замер не совсем поняв в чем дело. А мне за это самое по сегодня хотелось бы провалиться сквозь землю!

У папы были дружественные знакомые, с которыми он сблизился в обществе мужского хорового пения [Männergesangverein]. Мужского [Männ<er>ges<ang>verein], в отличие от Liedertafel, дававшая концерты с участием дам. В этом обществе мне запомнилось выступление одной статной зрелой красивой певицы, меццосопрано – Mme Knipper, в белом шелковом платье с фиолетовым букетиком на груди, пропевшая несколько немецких лирич<еских> песен с большим успехом. Мать или тетя? здешней знаменитой фильмовой артистки Olga Tschechowa, geb<orene> Knipper?

с. 48 (Лет 20 спустя мне пришлось познакомиться с сестрой этой дамы – того же имени.)

⁹ Последняя фраза написана на полях.

Музыкальные занятия семьи. Концерты. Коньки

В 1893 году умер Петр Ильич Чайковский. В то время я уже училась у Эмиля Эрастовича Дитрих играть на рояли. Перед тем побывав в руках одной консерваторской пианистки: Аделаиды Георгиевны Марсель. Семья Марсель – Отец был высокаго роста чиновный старик в мундире с большой седой бородой – он управлял Нескучным садом, ныне, да и тогда знаменитым. Русским языком он и его взрослые уже дети – студенты и две дочери – [уроженцы города Москвы] Adele и Leontine владели им как своим родным языком, меж тем как мать их, – урожденная саксонка, так ему и не обучилась. Fr<äü>|<ein> Adele, die schöne Seele, как певал папа шутя, довольно красивая стройная барышня, с узким ртом и острым подбородком, и отмороженными всегда красными руками, концы пальцев их были непропорционально расширены [странно утолщены] – от чрезмерного ли занятия игрой в консерватории, это осталось невыясненным. Adele была приглашена обучать старших братьев Карла и [брата] Отто музыке. Рояль у нас была длиннохвостая, фирмы Stürzwage. В доме Морозова при «духовом» отоплении она плохо держала настройку. В первые годы приходил папин приятель мекленбуржец Василий Швинк, лет 35 светловолосый непритязательный господин, с одной особенностью он среди фразы – немецкой чуть

с. 49 разок скромно икнет и продолжает говорить или этим звуком поддакивает собеседнику. Настройка рояли – Боже мой, как страдала мама от ноющих звуков возникавших под ключом «Васьки» – почему-то в немецком обществе его фамильярно называли «ro-russki: Wasske!» – но настраивал он хорошо и имел хорошую клиентуру среди земляков и в Männergesangverein и среди русских семей. Жена Wasske Швинк, бывшая консерваторка урожд. Демпель Ольга Васильевна, красивая с широко расставленными большими глазами под широким лбом под стрижками (?) темных волос. Mme Швинк прекрасно играла на рояли и охотно аккомпанировала папе, легко играя «с листа», что в те времена было удивительно – в консерватории ученики долбили приблизительно – один этюд, одну пьесу в год – но долбили до совершенства – зато растеривались при игре экспромптом, с листа. Кроме того полагалось от затронутого самолюбия очень волноваться, почти истерически трепетать «при выступлении» – вспоминаются слова Пушкина ... «перстами легких учениц» – но Ольга Васильевна просто играла с удовольствием.

Итак Карл и Отто начали играть на рояли у Adele – это занятие оказалось

с. 50 безуспешным. FrI. Adele была нетерпелива и очевидно не умела преподавать. Мальчики быстро потеряли интерес и плохо умели переводить видимую ноту с бумаги в движение руки к соответствующей клавише – между прочим – характерно-мужской недостаток, говорит одна мне близко знакомая пианистка-педагог. Осталось от этих уроков нудное воспоминание – «играй громче, громче играй, подымай пальцы!» – и дальше двустрочных нот с текстом «ты поди моя коровушка домой» в безнадежно-минорном тоне ничего не создалось, и мальчиков отпустили с миром. Тут пришла очередь до меня. Очень было скучно учиться у Adèle. Она ни разу не прикоснулась к клавишам, так я и в

течение нескольких лет не знала, как должна была звучать заданная «пьеса». Но все-таки я кое-чему научилась, но привыкла играть «громко». Слава Богу, Adèle вышла замуж. Мы – родители и я были приглашены к Марсель на свадьбу. Жили они в Фурманном переулке, в доме Москвина. – Оттуда возник знаменитый артист Художественного театра

с. 51 Москвин. Мне незабвенен его плотный выразительный голос в роли царя Федора (в трилогии Смерть Иоанна Грозного, Царь Федор и Борис Годунов. – Ал^{ексея} Толстого) и в роли Луки в «На дне» Горького ... ах!

Свадьба мне запомнилась тем, что все были совсем взрослые, особенно родители Adele, пожилые, и братья ее [Adèle] в студенческой форме со шпагой, жених высокого роста военный врач в мундире при шпаге и шпорах, высокий свежий близорукий блондин в очках, много и быстро говоривший. Когда был возглашен тост в честь новобрачных, Михаил Васильевич Петухов чокнулся со своим коллегой, д-ром Поморцевым – оба встали и каждый осушив бокал тут же держа наперекрест руку ударил бокал вдребезги о шпору. Все переглянулись, мамаша-саксонка ахнула «die schönen Gläser» – и оба героя этим актом явно ликвидировали свое соперничество из-за их дамы сердца. У Adele выступили красные пятна на щеках. Гости быстро собрались проводить молодых на Смоленский вокзал. Там папа устроил лирическое прощание с шампанским под окном купе I. класса – из которого Adèle с мужем в последний раз поклонились нам: она навсегда уехала в Варшаву, где служил др. М. В. Петухов.

с. 52 Об Adèle у меня осталось воспоминание из нашей дачной жизни – она иногда у нас гостила. Карл привез из училища в один роковой день сообщение о переводе в следующий класс. Отец прочел «цензурку», в ярости ударил Карла по щеке и толкнул его ногой в бедро так, что тот (споткнувшись) кувырнулся по полу – на глазах всех нас и Adèle. Она, возмущенно покинула комнату. Меня чуть не стошнило от отвращения. В те времена немецкие родители, как и мои, других методов воспитания не знали. Я помню, как я девчонкой лет 12ти, собравшись зимой идти кататься на коньках оделась и из под шапки выпустила «для красоты» небольшую прядь волос у виска. Мать, увидав это, молча дала мне пощечину. Но в училище наши педагоги, трех национальностей, обращались с нами левочками очень вежливо. В крайнем случае ученица должна была стоять за дверью класса. Но это почти что вовсе не бывало. Этот контраст в обращении я запомнила и родителям не прощала их грубость.

с. 53 В России тех времен, да я думаю и сейчас при большевиках даже, пощечина ощущается как оскорбление, а немцы – так мне однажды сказал русский гражданин – «дай немцу пощечину, он только облизнется»!

На коньках мы катались на замерзшем пруду среди домов Обидиной на Петровке. Там был павильон для оркестра в виде раковины. В особенно морозные дни там возле бывал разведен [был] [бывал] костер для солдат-музыкантов. Играли они хорошо. Помню вальс «Дунайские волны» и разнообразную музыку из опереток во время «карнавала» с иллюминацией. У нас были хорошие коньки «Снегурочка» <нрзб.> и «беговые» норвежские, дутые и еще Паншинские, привинченные к специальным башмакам. Брат Отя очень отличался быстрым бегом – на перегонки, согнувшись и закинув руки за спину. Любовались

мы публикой, приходившей туда – просто погулять по берегу в нарядных шубах с детьми в ботиках и толстых шапках с няней или бонной. В теплушке – дамской и мужской, отдельно, мужская прислуга одевала желающим обувь и привинчивала коньки и проводила по желанию по лестнице в 20 ступенек вниз на лед. В теплушке можно было выпить стакан чая. Замечательные фигуры выписывал на коньках один господин в черном трико в плоской барашковой «татарской» шапке Monsieur Постников.

с. 54 и вскоре появилась его ученица – прехорошенькая барышня, нос горбинкой, светлые волосы – длинные локоны, завитые штопором на плечах, изящный темный жакет, юбка cloche, почти длинная, видны были сапожки с привинченными коньками и при быстром кружении виднелась темно-красная шелковая подкладка „changeant“, – барышня являлась неизменно с мамашей, терпеливо мерзнувшей в шубе и ботиках, часами прогуливаясь по льду. M-elle Феоктистова, дочь кондитера¹⁰. Эти фигуристы постоянно привлекали своим искусством много зрителей, плотным кругом следивших за каждым движением. При новых удачных фигурах и танцах публика аплодировала с восторгом. В ту и в последующие зимы шли концерты замечательного молодого пианиста Иосифа Гофмана из Берлина. Успех его был совершенно головокружителен (?). Он играл в огромном «большом» белом зале с «колоннами» Благородного Собрания. То самое здание упоминаемое у Льва Толстого, где происходили в «Анне Карениной» в его время дворянские выборы – Белые залы, великолепных архитектурных пропорций с белыми колоннами, чудесными люстрами, с кулуарами, украшенными художественными портретами царей – особенно выделялся портрет во весь рост – Екатерины Великой. Эту царицу я особенно почитала, как выдающуюся женщину, германскую принцессу из мелкой провинции Германии Anhalt-

с. 55 Zerst (мама говорила – „Das war ein Hühnerhof“).

Чтение. Мечта о профессии врача. Дача в Малаховке

На тринадцатом году я по примеру старшего брата много читала, разумеется, из русской классической литературы. Особенно я погрузилась в Тургенева – после Записок охотника я наткнулась на «Отцы и дети», – и это решило мою судьбу – я не заметила, [что] что мой идеал врач Базаров был груб, и по-своему эгоистичен, но в моих глазах он был герой – он помогал простому народу где мог, и умер заразившись Sepsis'ом, геройски стойко. Его замечание об Одинцовой «это уж говорит... <>>¹¹ меня обидело. Почему такое – раз «женщина, то я разсудком недочет? Почему такое обидное суждение? У брата Карла был школьный друг,

¹⁰ Последняя фраза написана на полях.

¹¹ Автор часто забывает закрывать кавычки.

еврей Юлий Рис. У него водились совсем другие книги. Bebel. – В мои руки попала „Die Frau“ – August Bebel встал за гражданское равноправие женщин и разглядел, что подчинение женщины ошибочно построено на многих ложных предпосылках: например – что мозг женщины весит меньше мозга мужчины, следовательно она от природы дура. Бебель меж тем указал на то, что рост женщины меньше мужского и вес ее мозга относительно даже превышает следовательно вес мужского мозга. С этого момента почва под моими ногами изменилась. Из Англии пошли слухи о борьбе женщин за равноправие были слышны скандалы: женщины в странной форме требовали равноправие. У нас в доме трое братьев и отец по мужски иронически [насмешливо] обсуждали

с. 56 газетные сообщения об этих демонстрациях женщин [суфражистках] за границей. Я сочла своим женским долгом защищать человеческие права женщин всего мира – и, чтобы придать больший вес моим речам, я вскакивала на наш большой диван в проходной комнате – это уж было в доме Цыганова на углу Мясницкой и Златоустьинского переулка – по соседству стояла монастырская церковь – Боже, как искусно и разнообразно монах-звонарь выводил ритмы и мотивы своим богатым набором колоколов! – и уж с дивана, за неимением достаточных аргументов в пользу женщин, – я кричала и топала в честь Екатерины Великой – Меня окружали оппоненты с обезоружившим меня доводом: «Ну, у твоей Екатерины ведь были любовники!», т.е. за это самое ее никто уважать не может. Вот где и как измеряются человеческие права женщины с точки зрения мужчины, с точки зрения самой женщины? Пару дней спустя у меня был скандал с мамой – она не допускала, чтобы я ходила без проводов горничной на улицу – она не подозревала, что горничная

с. 57 была проститутка (близкая к тому.) Для моей охраны как раз эта женщина была неподходяща, сказать матери об этом я не решалась, но против проводов бурно возставала.

Но всетаки – в классе я слышала, что женщин допускают к изучению медицины. Я по примеру Базарова решила быть врачом и помогать русскому народу. В эти годы вспыхивали преимущественно в Поволжье да и в Петербурге и Москве эпидемии холеры и тифа. Студенты-медики всех восьми университетов добровольно отправлялись туда геройски помогать в санитарных отрядах, многие из них конечно оттуда не возвратились. Средний возраст руссаго врача 28 лет!¹²

Нашим новым очень любимым дачным местом оказалась Малаховка по Казанской железной дороге. Мы там провели семь очень хороших лет. Почти час езды от Москвы. Хвойные леса, песок, прекрасный пряный воздух, простор, большое озеро с «пловучими» островами, у нас там была своя лодка на четыре весла. Мы много купались и привычно встречали отца на станции и провожали его к купальне. Были очень жаркие лета с комарами, летучими муравьями с частыми грозами. Дачники были между собой знакомы, хотя и не все – лет через 15 я узнала, что милые

с. 58 моему сердцу Степуны жили в наши годы в той же Малаховке, не

¹² Последняя фраза написана на поле.

подалеку от нас и – были тогда знакомы с милыми нашими друзьями – семейством Киркальди – а с нами не встречались!

Ах, Киркальди. Они в Москве жили тоже в Малом Кисельном переулке, в том же доме Морозова, мы в партере, они в третьем этаже. Из их окон был чудесный вид вниз на Трубную площадь с известным рынком – даже и птиц – оттуда Франц еще малым мальчишкой принес снегиря в клетке и позднее с Ваней К<иркальди>, его другом-приятелем – в кармане принесли маленькую черную дворняжку, обретенную за 15 копеек, к нежеланной возне для мамы и прислуги – собаченка «Мосье» – Моська везде мочила паркет. Прислуга Акулина брезгливо чистила «поганые» следы. Из окон К. виден был знаменитый ресторан «Эрмитаж» – сейчас же встают в памяти рассказы о бывалых там пиршествах холостых и семейных –

с. 59 случайно году в 1960 одна из моих пациенток – старая москвичка M-me Dannhauer, урожденная Ahrens (мать ее была русская,) – вспоминала свою московскую свадьбу в Эрмитаже, 200 персон приглашенных гостей. (Южный в «Летучей мыши» воскликнул бы с русским акцентом: Was das kostet!) Эрмитаж славился своим „salade Olivier“, и кажется [в память] сам maître d’Hotel носил [это] эту фамилию.

M-me Dannhauer носила перстень с большим бриллиантом подарок жениха. Поближе поглядев, я с испугом увидела трещину в камне, будто бельмо на глазу. Да, в Hannovere M-me D. отдавши в починку перстень – оправа по старости лет была ненадежна – получила [треснувший] испорченный камень, явно перегретый ювелиром. В магазине утверждали, что он таким был с самого начала.

В Эрмитаже были и отдельные кабинеты, где разыгрывались драмы [пировали преимущественно холостые гости]. Так однажды один известный юрист в обществе друзей получил к концу пиршества фотографический альбом «доступных дам». Среди них юрист увидел портрет своей жены. Дело кончилось самоубийством. Там же один судебный деятель однажды пригласив совершенно неопытную молодую девушку-мироту на ужин, изнасиловал ее. Она тцетно кричала о помощи. За дверью лакеи смеялись над ней. Она покончила с собой на паперти церкви. Во след москвичи очень взволновались [были взволнованы].

Семейство Киркальди

с. 60 Киркальди.

Входя в дом Морозова с улицы в «парадную» непременно услышишь особый тихий звук пружины, вторая дверь была закрыта лишь в сильные морозы. Наверх вела широкая удобная лестница с гладкими широкими перилами. Как часто Франц и Ваня на них верхом съезжали вниз. А Карл как-то раз Женю К<иркальди> – ей

было лет 5 внес на руках наверх «разве Ты меня любишь?»¹³ В бель-этаже около двери жила семья фотографа Трунова, там всегда пахло духами Пачули. В том же этаже жило тихое семейство Вагановых. Там рос милый татарский мальчик, картавивший на букву р. «Фханц, пойдём съигаем» (в теннис или лапту). В третьем этаже жил Др. медицины Сергей Михайлович Доброхотов в голубых очках и с высоким голосом [много и авторитетно говоривший высоким голосом] вдовец с сыном студентом и хорошенькой молодой женщиной [по случаю вдовства] Анной Н. и в том же этаже семья Киркальди. Звонок к ним был короткий, придушонный, в передней всегда чуть-чуть пахло нафталином. Обычно встречала нас очень приветливая сама «М-те» Киркальди, Евгения Ивановна, урожденная Бернер. Вся наша семья очень близко дружила со всей семьей Киркальди начиная с наших родителей. Кончая

с. 61 женитьбой Карла на старшей дочери из первого брака Ивана Григорьевича К<иркальди>.

Папаша К<иркальди> благодушный пожилой темно бородатый небольшого роста, голубоглазый, охотно смеявшийся, двигавшийся осторожной поступью, опираясь часто на трость, по случаю ноющих мозолей. Он любил повидимому свое прошлое в Бремен где у него были родные. Киркальди был из Шотландии [шотландского дальнего рода]; один из его предков был повешен во время Cromwell'a. В церкви, на какой-то возглас протеста, он получил ответ: „Heute noch hängst Du, Kirkaldie“. Так оно и было исполнено. Иван-Джон К<иркальди>: – каким образом его занесло в молодости в Балтику (?) Сначала вероятно в Петербург?, где он познакомился с моим отцом. Джон К<иркальди> в Петербурге в семидесятых годах прошлого столетия женился на немке Müller; семья M<üller> держала там булочную. Вероятно эта Müller была хороша собой – она рано умерла, оставив трех детей. Жорж был хорош собой с курчавой головой, хорошего сложения, тихим голосом и незатейливого характера, старшая его сестра Екатерина была можно сказать красавица – черноволосая с светлыми глазами и чудесным цветом лица, высокого роста [* конфирмация Кати] – позднее оказалась трудного строптивого характера к наукам не имевшая склонности, но к концу жизни увлекшаяся учением „Christian Science“.

с. 62 Никто не подозревал, что она болела тяжелым диабетом; объяснявшим конечно ея раздражительность, и выпадки. * Как она была хороша в день ея конфирмации в длинном белом платье «как красавица-невеста». Только вослед минувших лет можно было оценить долготерпение и объективность ея мачехи – Евгении Ивановны К<иркальди> в воспитании Кати и Эльзы К<иркальди> и Жоржа. Жорж ходил в «Реформатскую школу», кажется он ее не окончил. А Катя и Эльза брали уроки у родственницы Евг<ении> Ив<анов>ны – у Веры Карловны Шлезингер у себя дома. Конечно это образование было недостаточно. Сама Евг<ения> Ивановна и ея 4 сестры, выросшие в богатом доме, получили видимо по тем временам хорошее образование. Особенно Евг<ения> Ив<ановна> прекрасно владела 4мя языками, и позднее охотно давала уроки. Карл с удовольствием у нея тоже брал уроки франц<узского> и англ<ийского> языков.

В квартире Киркальди царили дети из двух браков Джона

¹³ Два последних предложения написаны на поле.

К<иркальди>, незаметно руководимые однако приветливой и великодушной Евг<енией> Ив<ановн>ой. В просторной гостиной большой ковер, мягкая мебель, круглый стол, диванчик, где обычно сидела она,

с. 63 под картиной «Лунный вечер» Maybach'a. На мой реверанс она обычно отвечала поцелуем в темя со словами „Guten Tag, Elsenkind“. Я очень дружила с Эльзой, несмотря на разницу возраста с ней и тем более с Катей, к неудовольствию моей мамы „das ist nicht der richtige Umgang für dich“... Но я не слушалась и то и дело, в неделю неск<олько> раз спрашивалась „Darf ich nach oben?“ Также и Франц стремился на верх к «Киркальдиским». Он был крестником Евг<ении> Ив<ановны>. Образ Евг<ении> Ив<ановны> навсегда у всех нас остался как выражение приветливости, разумного [обхождения со всеми людьми] воспитания без предубеждений, и широкого гостеприимства. * ¹⁴Кухарка Аннушка едва ли видела свою госпожу у себя на кухне, она не интересовалась мелочью хозяйства. Кормились окружавшие нас семьи да и прислуга сытно и здорово. Бульон из говядины, ростбиф покупался на фунтов 15 и больше (русский фунт: 409 грам.) Телятина – целый окорок фунтов на 18. „chronischer Kalbsbraten“ говаривала Евг<ения> Ив<ановна>, когда семья дня два-три ела одно и то же блюдо, или баранью ногу того же веса.

* С вида Евг<ения> Ив<ановна> отличалась легкой походкой в прунелевых башмаках, ходошавая, небольшого роста, с узким лицом и большим горбатым носом, некрасивыми длинными зубами и [огромными темно-рыжими волосами] темно-рыжей косой, ловко заколотой по форме прически императрицы Евгении (супруги Наполеона Ш.) Волосы эти очень трудно было мыть – Вода в Москву проведена была из Мытищ – за 20 верст от города. По мере роста населения качество прекрасной ключевой воды заметно ухудшалось и мыло давало на волосах осадок. Евг<ения> Ивано<вна> от мытья головы отсутпилась и протирала ее спиртом с полным успехом. У Евг<ении> Ив<ановны> было трое детей своих (Оля, Женя, Ваня.) и трое из первого брака Джона К<иркальди> – интересно, что все шестеро унаследовали светлые глаза отца. Часто приходили гости – в jour-fixe являлись сестры Евг<ении> Ив<ановны>, их было четверо, три из них уже овдовели [гоночная комиссия] – Nadine Авенариус с хорошенькой падчерицей Nadine и приемной дочерью тоже Надюшей Афремовой, наследницей знаменитого Эти

с. 65 этажного дома у Красных ворот.

Эта Надюша, когда подросла рассорилась с Авен<ариусами> и покинула их. Авен<ариусы> были сродни с писателем [писательницей] того же имени, кажется детских книг. Дамы задумывались над причиной разлада у Авенариус и так и не разгадали, в чем было дело. Пожалуй то была ревность? Хотя мамаша Авенариус во всем старалась равно воспитывать обеих [даже одевала их одинаково] и очень недоумевала над неудачным концом.

У Mme Матильды Риттер было много детей – старший Жорж, студент в пенсне, по близорукости часто был неловок – в университете в хим<ической> лаборатории как то слышен был внезапный шум – на тревожный вопрос из

¹⁴ В ркп. помечено место примечания о внешности Е.И.Киркальди. Начало примечания, также вводимого звездочкой, на этой же странице.

соседнего помещения последовал благодушный ответ лабораторного слуги: «Это Ритер посуду бьет». Эти Риттер жили тоже в Малаховке – двое из них бноши Шура блондин пониже и Боря брюнет повыше с большими клыками, придавшими верхней губе вид гирлянды – помню, что я с невольным вниманием всегда следила за его мимикой. Эти братья Р<иттер> были неразрывно дружны, они гуляли и решительно все делали вместе, причем инициатором всех затей и предприятий был Шура, по-видимому умом раскидистый, склонный к ироническим шуткам.

с. 66 Эту пару в Малаховке дополняла маленькая любимая пышнохвостая рыжая собачка Дончик с серебряным колокольчиком. Юноши много лет дружили с Эльзой Киркальди. У них были какие-то общие «секреты», хранившиеся у Эльзы под ключом.

Эльза умела беречь деньги и иногда по видимому давала мальчикам займы. Она умела хранить чужую тайну, что мне очень импонировало. Однажды она к своему большому возмущению обнаружила, что секретный ящик ея шкафчика кем-то был открыт. Подозрение ея пало на мачеху – отсюда последовало конечно много неприятных разговоров. Эльза чувствовала себя часто нехорошо. Много лет она между прочим страдала головной болью... «Голова болит» – слышу ея вечную жалобу с фенацетином в руке. У Евг<ении> Ив<ановны> была еще сестра Лиза, по мужу, умершему – Пестель, – кажется потомок революционера П<естеля>, казненного в связи <с> расправой Ник<олая> I с декабристами. У тети Лизы было двое мальчиков: Женя и Толя. С Толей был<о> однажды драматическое недоразумение – мальчик заперся нечаянно так неудачно в уборной, что самостоятельно не сумев повернуть ключ двери в безпредельном ужасе <так> завопил

с. 67 что поднял на ноги не только всю семью Кир<кальди> с прислугой, но и соседей – Д-ра Доброхотова с семьей. Была большая возня пока удалось освободить и успокоить мальчика после освобождения. Он больше не посещал дом Евг<ении> Ив<ановны>. Его брат Женя Пестель стал медиком и кажется рано умер во время страшных эпидемий в голодные года революции 1916 – до 1921 года.

Велоспорт в Малаховке

В Малаховке у нас в одно лето развился тогда только что возникший велосипедный спорт. У Карла была диковинный двух – а не трехколесный – высокий велосипед, как мужики говорили – самокат – с дополнительным маленьким колесиком сзади, на резиновых твердых шинах и с очень маленькой передачей. Сесть на эту машину можно было только встав сначала на лавку; с трудом лишь можно было удержать равновесие, очень быстро семеня ногами. Обычный вид этого спорта – было неминуемое падение с высокога седла об землю.

Что делал Карл, нас не так интересовало, как обучение этому опасному спорту нашего отца. К нашему удивлению отец вдруг появился в коротких брюках и в велосипедной шапочке, при пенсне, встал на лавку и геройски закинул ногу на велосипедное высокое седло – мы вчетвером бросились помогать

с. 68 с двух сторон, но не одолев напора конечно уронили папу, слава Богу не больно. Было и страшно и ужасно смешно¹⁵. После нескольких таких неудачных попыток это дело было оставлено к большой радости мамы. Появились потом другие машины – оба колеса были одного диаметра, цепь была «роликовая», а не «пластинчатая» рама была легче, руль ниже, и главное – шины были дутые – у нас на балконе вечно кто-нибудь промывал цепь керосином, капая черным осадком на белый досчатый пол; вечно кто-нибудь починял резиновую шину и работал насосом... Мы решили устроить циклодром в 3 километра длины и десять метров ширины. Выбрав место мы упросили нескольких дачных отцов образовать «комитет» и получить у местных властей разрешение на этот плац. После многих волнений и долгих переговоров с нашим «арендатором» неким Шпигель – помню его тощую фигуру в крылатке (Loden), светловолосую стриженую голову, – тоже на велосипеде – он объезжал большую территорию где находились все дачи, отдаваемые им в наем. Прачки наши его не взлюбили – они¹⁶ полоскали белье, стоя не мостках ведущих в купальни – он это запрещал, из-за

с. 69 мыла, мутившаго воду, а прачкам было труднее полоскать, нагибаясь с берега. – отсюда происходила перебранка – «... ишь, чорт крылатый...»

Циклодром мы строили совместно с соседней молодежью собственными руками – удалили и сложили в сторону дерн. – полукругом и утрамбовали с большим усилием, воистину в поте лица и с пузырями и мозолями на руках. Начали ездить, ездили на перегонки, конечно, – и поняли, что сделали большую ошибку – на обоих овальных концевых поворотах все ездоки при быстрой езде неминуемо падали – мы не сообразили, что при повороте необходим подъем! – Все это пришлось исправить. Из Москвы пришлось добыть тяжелый вальц, после того как была наслоена в нужных местах земля и наконец все хорошо утрамбовалось. Тогда уж создана была «гоночная комиссия» из достойных дачников, щедро пожертвовавших «на построение циклодрома». Мне Киркальди пришла к нам – с просьбой, обращенной ко мне – школьной ученице, умеющей рисовать – создать на циклодромном желтом легком флаге эмблему Малаховки.

Евг<ения> Ив<ановна> принесла еловую ветвь. – В песчаной Малаховке почти исключительно росли хвойные деревья. И так

с. 70 я нарисовала эту ветвь, а Евг<ения> Ив<ановна> расшила ее зеленым шелком и добавила буквы Малаховского спортивного круга. Началась усердная тренировка на велосипедах. Особенно отличался склонный к тучности и хотевший похудеть Вася (Штутцер) Винтерфельд, очень белый блондин в шерстяной фуфайке, упорно выводивший круги на циклодроме в дикую жару и конечно сильно потевший, но похудания никто не отметил.

¹⁵ Последняя фраза написана на поле.

¹⁶ Исправлено из *оне*.

Наступили состязания в жаркий июльский день с оркестром и поднятием нашего флага. Собралось много дачной публики – почти все между собой знакомые люди. Все было «по настоящему». Участниками оказались студенты, молодые военные и какие то незнакомые. Их них [этих] кое кто получил приз, что Малаховцам было неприятно. Пара ездовых все-таки свалилась на повороте к гр<о>мкому ужасу некот<орых> дам – одной из них «стало дурно» – тогда это еще было в моде.

с. 71 Ах, итак «гоночная комиссия» – так назвал Шурка Риттер в „jour-fixe“ заседавших у Евг<ении> Ив<ановны> ее четырех сестер, его теток. Он их однажды воспел в шуточном былинном тоне. Помню лишь маленький отрывок, случайно мною слышанный –

Как у дядюшки у Джона	Он торговал эмалированной посудой
Вся посуда не лужона	
Как у тетушки Лизеты	Она устроила приют для старых женщин
Все старухи не отпеты	
Как у дядюшки у Феде	
Много золота и меди	ювелирный магазин на Кузнецком мосту.

К сожалению я не слыхала других строк – о тете Nadine, Матильде и тете «Клюкве» – Оле, известной всей родственной молодежи своей скупостью.

Уже в Малаховке юнцы бегали за девчонками и рекомендовали их друг другу. У Шурки была хвалимая за это самое под прозвищем «Стелька» – да, он кончил плохо.

Питание на даче. Соседи по Малаховке. Друзья. Летние развлечения

Наше продовольствие на даче в течение лета организовывалось как-то само собой – были у жел<езнодорожной> станции по сю и по ту сторону железной дороги две лавки – одна, что побольше – продавала мясо из города и всякую снедь. Хлеб приносил булочник по утрам к забору нашего сада. Приезжал зеленщик в телеге, на распев провозглашая свой товар. Привозили и картофель и

с. 72 приезжал до жути чумазый мужик густым басом несчетно повторяя у-уголья, уу-голья – и странно было видеть совершенно чумазую белую лошадь перед его телегой. А «уголья» необходимы были для самовара ... чая выпивалось всеми семьями несметное количество и взрослыми и детьми – помню, у нас с Киркальдискими было состязание – кто выпьет больше, не уходя в уборную. Вдоль забора с развитием сезона развивалась продажа всевозможных товаров «с лотка». Шел рыбак в поте лица несший на голове великолепную осетрину, белугу, икру

паюсную и зернистую, обложенные кусками льда. На голове продавца всегда держался кругообразный валик, давно пропитанный (сырым) рыбным соком – но кстати сказать – никогда в России мы не знали того оскорбительно пронзительного запаха морской рыбы, кот<орый> мы позднее узнали здесь за границей – в Швейцарии, Австрии и Германии.

с. 73 Приходил много лет знакомый нам (и Степунам!) Финн – бритый, круглоголовый высокаго роста, молчаливый, вероятно от застенчивости, плохо знавший русский язык – он вдоль забора тихо говорил; неся большую закрытую аппетитную корзину от которой так ароматно пахло – «Выборгские крендели, английский хлеб – чудесные вещи – и по сие время и Степунам незабвенные! В кренделях был кардамум?

Еще ходил вдоль дач всем известный «рыжий булочник» – действительно рыжий с такой же бородой, одетый в белье с красным шарфом на шее, всегда потный, утиравшийся большим красным с белым рисунком платком, в туфлях на босу ногу. У него было много разнаго товара на тачке, которую он сам подвигал, часто в лютую жару или под дождем, закрывшись клеенкой. Водились у него плюшки с сахаром к чаю и витые хлеба чуть посоленые, и французские булки, пухлые, их резать можно было только пилой. Шоколад Эйнем, появился «с молоком» и «Миньон» и «Пралине».

с. 74 тот самый, который воспет значительно позднее Ал. Блоком: Катька – Катька ...

С офицерьем гуляла,
шоколад Миньон жрала...

У рыжаго водилась пастила и тянучки Абрикосова, и засахаренная клюква...всё наслаждения, здесь «заграницей» неведомые. Рыжий был худ и нездоров, кажется у него была астма, в говоре его слышен был часто какой то звук вроде «тх-тх» в носу при закрытом рте [с закрытым ртом].

В июле появлялись разносчики с ягодами – клубника «русская» – ах какая ароматная – неповторяемая! «Виктория» и «ананасная» – варилось бесконечное количество варений, возня с банками, с бумагой. завязываньем и сохранением приготовленного.

Деревенские дети, видимо одетые лишь в простенькое ситцевое платьишко на голое тело со скромным крестиком на шейной веревочке, босоногие, ежедневно приносившие за 3 версты в глиняной кринке или сусое¹⁷ молоко из деревни Михнева...

с. 75 Туда надо было идти мимо озера через большой хвойный лес через одну единственную дорогу [по <единственн>ой <дорог>е]. Папа с мамой иногда гуляли тем же путем. На их вкус там – как и везде в просторе Руси им недоставало жилищ для бедных и для зажиточных людей и всегда казалось, что слишком пусто. В деревнях возле Москвы мужики не сажают ни деревьев, ни кустов. В окнах пустота, крыши плохо крыты соломой, железную кровлю увидишь редко [разве у батюшки или над кабаком]. В лесу негде сесть – в михневском лесу родителям

¹⁷ Возможно, от диалектного *сустать* ,устоять, удержаться' (Даль, 4, 364), т.е. ,выдержанное'.

мечталось встретить гденибудь приветливый ресторанчик – помню, как на наш вкус это желание было чуждо и непонятно – как бы даже обидно.

Родители мои грустили, что народ, окружавший нас не имел никаких потребностей и был за немногими исключениями неграмотен. Отец ужасался на примитивную обработку земли; отсюда ждать урожая не приходилось, и жалобы на скудость жизни мужицкой не встречали его сочувствия – медленный темп жизни, обусловленный климатом и историей русского народа конечно не сравним с [тесно живущими] темпом народов на юго-западе.

с. 76 Вдоль дачных заборов конечно часто ходили нищие и все дачники им подавали, глубоко понимая их беду, над ними стряшуюся, понимая их беспомощность в деревне – при всеобщей бедности. «Подайте слепенькому» – ведет старик слепого парня, одетого в сермягу с посохом в руках – «Поддай нам погорельцам», идут целой семьей, летом в овечьей шубе – кто в чем, явно в попыхах схвативши что попало при пожаре в деревне. Идут с малой иконой в руках и документом из села, разрешающим собирать подаяние. В голосе слышно еще потрясение от пережитого пожара и потери всего достояния – помощи они нигде не видят, крестятся и просят Божией милости. И так они бродят по белу свету – никто себя не спрашивал – чем же это дело кончается? Были и свои постоянные просители – помню одну старушку, мы ее звали ея же словами с которыми она нас уж издали встречая «Добраго здоровья, спаси Христос и помилуй» – говорила громко нараспев, торжественно. Давали

с. 77 хлеб, давали деньги. «А нет ли, чем бы мне обуться?» Побежали в дачу, искали подходящую обувь, нашли полуботинки Карла, наши стопы были малы, а у Карла – оказались явно велики – померили – старушка, в страхе лишиться этой обуви очень убежденно восклицая «только так» удерживая ее с трудом на ногах неловко поплелась [отправилась] в путь. С тех пор мы ее называли «только так».

Жило в Малаховке большое семейство Менцингер, кажется 10 детей. Отец был не промах весело пожить. Дружил с неким Жакмон и особенно с женой Жакмона приезжавшими часто в Малаховку и ходившими совместно на охоту. Дети Менцингер были благовоспитаны. Мы с Витей Менцингер играли в итальянскую лапту и целое лето читали Тургенева и Гоголя лежа в лесу. Этот Витя, еще будучи учеником последняго класса Александровскаго коммерческаго училища влюбился в красавицу-дуру, тоже еще гимназистку. Так влюбился, что отстать от нея уж не мог. Оказалось, что он по натуре был безнадежный ревнивец; ужасно страдал подозревая и подстерегая свою красавицу.

с. 78 А у красавицы Кати тут же оказался другой поклонник учитель-француз Симетьер (!), назначавший ей свидания. Витя переживал это чрезвычайно тяжело. Как только он кончил училище, он поспешил жениться, чтобы спасти Катю, как он полагал. У Кати не было матери, не было понятия о жизни, ни приданого, ей было скучно сидеть одной дома, пока муж находился где-то на службе. Витя быстро нашел какие то доказательства ея неверности, наступил болезненный разрыв и Катя кажется пошла по рукам...

Мы все в школе учились танцевать. Летом во многих дачах «дрындали» на привезенных с собой роялях (!) Я летом ездила каждую неделю в

Москву на урок музыки и довольно систематично упражнялась дома. Музыка любила вся наша молодежь – иногда, нашедши в какой нибудь даче талантливого музыканта, мы сообща вечерами тихонько подкрадывались и с восхищением часами слушали Бетховена, Шопена, Шуберта. Молодежь любила и пение solo и хором. Тут уже появлялись «студенческие песни» с «направлением» –

с. 79 Слышны бывали оперные мотивы, целые партии – из Жизни за Царя, Князя Игоря «О дайте, дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить». Или из Евг. Онегина «Любви все возрасты покорны». Или Татьяна: «Я вас люблю, чего же боле, что я могу еще сказать...» Мы любили сидеть на лавочке под забором, вместе глядеть в темное звездное небо, стараясь [разобрать, где большая где малая медведица, «а еще бывает Кассиопея»] ориентироваться, где большая медведица, Митя В. называл ее кастрюлькой. Митя к нам часто заглядывал приезжая на велосипеде. Его сопровождал огромный черный черный пес-водолаз, к досаде мамы прыгавший через наш слабый забор, обычно его опрокидывая.

«На той стороне» – жел<езной> дороги основался любитель оре)кестровой музыки, некий Шефер с большим семейством. Ему удалось создать приличный летний оркестр и летний театр. Большим успехом пользовались там же и танцевальные вечера; а рядом процветал Никитин, продававший пиво и водку к соблазну молодых людей. Помню как соседний студент, многоречивый остроносый Женя Гололобов в студенческой форме неожиданно появился в поздний летний час под нашими окнами, разбудив нас

с. 80 напевом недавно нами всеми выученным „Gaudeamus igitur“ – „Гаудамус“ – его пришлось пьяного после заседания на Никитинском балконе взять к себе в ночевку, ибо до родительской дачи дойти он уже был неспособен... На утро мы от папы слышали назидание, что обычно русские не умеют пить – наливаются на пустой желудок и пьют несуразно несовместимые напитки. Женька был утром в очень жалком виде и постарался скромно исчезнуть домой. А дома родители его жили в напряженном разладе – отец связался с горничной, мать, болевшая хронически, узнав об этом, брала морфий. Сестра Лидия, очень живая и также многоречивая и бледно-остроносая, держала фасад и вскоре вышла замуж за старшего брата Менцингер – Павла. Чета эта была счастлива и уехала вскоре в Ташкент!

У циклодрома стояли три большие богатые дачи – в одной из них жили бан<нрзб.> Бирюковы – две старшие дочери держали себя с аристократическим достоинством, хотя красотой они не отличались,

с. 81 но были необыкновенно, можно сказать неотразимо привлекательны в походке, в движениях головы, в говоре – как именно бывают привлекательны русские женщины. Одевались они очень элегантно и носили дорогие серьги.

Ах серьги – Евг<ения> Ив<ановна> носила привычно и на даче свои бриллиантовые серьги. Однажды она на прогулке в «нашем» лесу позади кухни добрым утром вышедши погулять встретила чужого господина, потребовавший себе эти серьги. Евг<ения> Ив<ановна> опешив тут же беспрекословно их отдала.

Рядом с Бирюковыми жило семейство Рыбаковых. Очень популярен был старший сын лет 20-ти, близорукий в пенсне светлый блондин средняго роста,

с хорошим певчим голосом, не дававшим ему покоя. Несмотря на недостаток в выговоре – буквы с он начал брать уроки пения и вскоре с балкона верхнего этажа доносились до циклодрома баллады, романсы – «Разбитая ваза» Аренского, «Разбойник» – «А целовался сладкая, – да с твоей женой!!..» В третьей даче жили Руска.

Невозможно проститься с Малаховкой не вспомнив о дачах Смит, их было около десяти, построенных в ряд с крепким деревянным забором и хорошей песчаной пешеход-

с. 82 ной дорогой, ведущей от станции прямо к озеру. В дачах Смит жили конечно англичане, все знакомые между собой. Оттуда был слышен английский говор, частые удары теннисной игры, краткие английские спортивные возгласы, которые мы быстро усвоили, наблюдая движения игроков, одетых нам на удивление почему то в белую шерсть и белые дорогие туфли без каблуков. Там жило семейство Фёрстер тоже говорившие по английски. Какими то судьбами мне суждено было лет 40 спустя в Nappovere познакомиться с одной [из моих] (пациэнткой) пожилой интересной дамой талантливой художницей von Baumbach, родственницей этих Малаховских Фёрстер, у которых она летом в прежние годы бывала в гостях! Мы обе вспомнили Прелю Фёрстер, племянницу г. ф. Баумбах – она одно время ходила в нашу Петро-Павловск<ую> школу, потом тяжело болела. „Preilly“ – это имя было ей дано русской няней «Прелесть – Преля», так оно за ней и осталось.

Две очаровательно изящные девочки Смит, на тоненьких ножках в очень коротких светлых пышных юбочках, двигались как небесные создания всегда в сопровождении англ<ийской> бонны. Тоже, по рассказу Липочки Степуна (лет 20 спустя) они были тогда предме-

с. 83 том его обожания в те Малаховские времена – на той упомянутой дороге вдоль забора он старался тайком ступать по их следам. Итак: все ходили купаться в озере. Там стояли совсем вблизи берега две солидные двух или даже трехэтажные дачи, где много лет подряд жили Берманы – старички-англичане, зажиточные люди старой культуры. Ходящими или двигающимися их себе представить было невозможно. Они постоянно тут же сидели в своей большой лодке в широкополых светлых соломенных шляпах, и он и она седые, низкого роста, в синих очках папаша с седыми английскими бакенами [из романов Диккенса] и мама<ша> в широком легком сером шелковом манто. Оба с настоящей английской выдержкой молча, часами терпеливо удили рыбу тремя очень длинными бамбуковыми удочками. Старички излучали трогательный мир и гармонию, сидя в этой лодке [у] под большой ивой; тут же, как бы в сочувствии возникало [раздавалось] незабвенное пение лягушек, разраставшееся в артистический хоровой концерт – слышны были опытные матерые солисты с пафосом выводившие свои мотивы, им на перебой старались явно молодые лягушата, неумело обрываясь на высоких нотах с драматическим тремоло – слушая это, мы смеялись... ах, Малаховка!

с. 84 В третьей даче жили Руска, отец и мать кажется [из франц<узской>] швейцарцы говорившие по французски. Три сына: Карл, Lolo и Оскар. Ося старший студент медик уже побывал в санитарных экспедициях в Поволжье – на холерной

эпидемии, на голоде там же – в благополучных губерниях собирали «пожертвуйте на голодающих», слышно было о возмущениях в селениях пострадавших и отправлении туда военных отрядов для восстановления «порядка» – К. Руска был серьезен, и более зрел в сравнении с другими. Он был бледен и худ, глаза были особенно впалые с коричневой тенью, походка характерна широким шагом длинных ног и простой тростью в руке. Он охотно гулял с молодежью и делился своим житейским опытом и оказывал большое хорошее влияние на всех.

Lojo значительно моложе и ниже ростом, живой, восприимчивый юноша впоследствии тоже стал медиком. Совершенно случайно я много лет спустя встретилась с ним на студенческом балу в Московском Благородном собрании, в белом знаменитом зале с колоннами – при оркестровой музыке, при дивном освещении чудесных люстр –. При звуках вальса, в толпе веселых студенческих пар мы понеслись – с восторгом, обрадовавшись

с. 85 неожиданной встрече. Мой кавалер отлично танцуя уверенно вел линию вдоль бесконечно большого зала. При нашем крепком здоровье все же нужно было заметно собрать силы чтобы одолеть неожиданно длинный путь нашего танца – мы оба рады были причалить наконец к нашей исходной точке – к группе наших знакомых-коллег. В этой группе было несколько декоративно одетых в национальные костюмы сербов (ныне называемые югославами) – одежда очень эффектная, похожая на кавказский бешмет, искусно расшитый, поверх его темный ..? с длинными широкими рукавами в растроб при узкой талии и колоколом скроенным длинным шерстяным одеянием, обувь их мягкой кожи, дававшей эластичность походке. Катя Завалишина и я, как раз кончили «лекарский» государственный экзамен и были в ту пору счастливы. Омрачалось мое настроение лишь присутствием одного коллеги-сербя, не сводившего с меня глаз(а). Но об этом позднее...

Феррейны

Мои родители дружили в Москве с балтийским семейством Густава [Генриха] Андреевича Феррейн. Heinrich Ferrein держал известную аптеку у Красных ворот (говорят этих Красных ворот давно уже нет – как жаль! Екатерининских времен, красиваго красного с белым цвета) – в своем просторном доме. В аптеке, как и надлежит, пахло всегда

с. 86 [эфиром, карболкой и иногда иодоформом] аптекой, где работало несколько провизоров-балтийцев кроме хозяина. Тут же было и отделение для ручной продажи – куда мы детьми охотно заглядывали, получая там ячменный сахар, мятную карамель. Дом их был просторный с большой светлой уютной квартирой в бель-этаже. Папаша Ф. был хороший семьянин, всегда хорошо одетый с светлым приветливым обликом, светлых глаз, с седеющей бородой [при

седеющей бороде]. Он любил шутить, рассказывать анекдоты – всегда на немецком языке; помню его песенку: „Wenn das meine Mutter wüßte, wie's mir in der Fremde geht, Schuhe, Strümpfe sind zerrissen, Durch die Hosen bläst der Wind.“ Его очень милая жена-балтийка из Ревеля, урожденная Bienerts поддерживавшая долгие годы связь с родными, ежегодно уезжала с детьми на [балтийское] взморье. Детей было у нея шестеро – два сына Рикус (Heinrich?) и Федя – Петропавловские гимназисты, впоследствии оба провизоры-аптекаря, и четыре дочери – мои подруги Лиля и Маня – годом и двумя постарше меня и маленькие девочки Эльза и Ирочка неразлучные с няней. Эта няня называла меня в отличие от ея [своей] питомицы – Эльза Мраморная и однажды, после десерта, мне напомнила: «а данки ты сказала?»»

с. 87 У Феррейн всегда было большое оживление. Они жили в довольстве, на широкую ногу со свойственным балтийцам большим патриархальным гостеприимством. Мамаша Ф<еррейн> после многих родов стала прихварывать, но храбро выносила боли и кровотечения. На этой почве она и моя мама также начавшая хворать подружилась. Мама поразила на убежденный возглас нашей прачки в ответ маминой жалобы на нездоровье – «Барыня, да и тебе уж пора хворать!»

Обе обладали большим юмором и вместе с тем критическим взглядом на [обе одинаково критически всматривались в] окружавший их мир. Но болезнь брала свое. Бедная мамаша Ф<еррейн> соблазнилась на морфий, благо, что она жила при аптеке – и как водится в таких случаях уже отстать от этого средства не могла. В больших физических и нравственных страданиях она умерла от рака, оставив еще маленьких детей, ужасно горько и долго плакавших по ней. – «Это Ирочка по мамочке тоскует» – слышу еще их няню. Похороны вся наша семья пережила с большим потрясением [в <больш>ом <потрясен>ии]. Прощальное богослужение происходило в жаркий июльский светлый день в большом зале Ф<еррейн>скаго дома. Служил почтенный пастор Dieckhoff, из нашей лютеранской церкви Петра и Павла в присутствии всей семьи, родни, служащих и прислуг. Тяжко было выстоять в духоте до конца

с. 88 богослужения возле гроба, тело усопшей явно стало разлагаться.

Семья Ф. с этой большой потерей однако справилась. Лиля и Маня с братьями добросовестно учились в нашей гимназии – их привозил ежедневно аптекарский кучер в широкой семейной коляске на паре добрых коней. Иногда и младших привозили ради прогулки в коляске. Забавно было однажды глядеть на этих четырех девочек, нарядившихся в одинаковые велосипедные синие [красные] картузы с козырьком, как водилось тогда для мальчиков-велосипедистов. А братья тут же сидели в гимназической форме по предписанию в фуражках с козырьком и инициалами гимназии.

(Папаша Ф<еррейн> вел свою аптеку.) На другом конце Москвы, У Серпуховских ворот, стояла такая же аптека Феррейна – его родственника, с которым Генр<их> [Густав] Андр<еевич> кажется не дружил. А в центре Москвы на Никольской, вблизи Лубянской площади находилась самая знаменитая аптека Феррейна Владимира Карловича, кажется дяди Красноворотскаго владельца,

с. 89 Никольская аптека существовала со времен Петра Великого и кажется

была основана предками семьи Ф. Мне и не снилось в те времена, когда я девчонкой на перебой с Маней и Лилей барабанила в четыре руки на рояли [-е] Haydn и Mozart, когда мы отплясывали польку и мазурку в ночных рубашках – к большой забаве няни и папаши Ф. – что меня много лет спустя из этой аптеки на Никольской пригласят на службу в аналитической лаборатории [<аналитическ>ую <лаборатор>ию] Ф<еррейн>а.

Но вернемся к папаше Г.А.Ф<еррейн>. Он достойно нес свое вдовство, воспитывал своих детей и работал для них. Любил он общество, любил курить хорошие сигары и играть в карты – в любимый и моим отцом и папашей Киркальди „Skat“ – (и по сей час в Германии много играемый) Однажды летом г. Ф<еррейн> был приглашен в Малаховку на дачу поиграть в скат с нашими соседями Киркальди. Для встречи гостя на станцию отправился сын Жорж К<иркальди>, взявший с собой для прогулки большого молодого сен-Бернарда еще не воспитанного пса. На лужайке неподалеку перед нашей дачей совершенно неожиданно пес на радостях разбежавшись опрокинул

с. 90 (с размаха) гостя [Г.А. так], что тот падая сломал левую голень и от шока потерял на минуты сознание к большому испугу семьи Кир<кальди> и нас [к нашему общему испугу]. Г. Ф<еррейн> очнувшись решительно пожелал ехать домой. Мужчины принесли вывешенную дверь из дачи, подсунули ее под пострадавшего и втроем понесли его назад на станцию и долго спустя получив в багажном вагоне возможность поместить дверь с необычайной поклажей, наши огорченные картежники приехав в Москву сдали коллегу с рук на руки опытному знакомому врачу. Через 4 недели перелом кости зажил и Г.А. ходил впоследствии без видимого недостатка.

Папаша Ф<еррейн> мне запомнился своим саркастическим смехом при игре в кегли в Малаховке, (мой отец и братья его устроили сами в нашем саду) Шум от падения кеглей и громкие возгласы играющих наши соседи Кир<кальди> не замечали, благо, что папаша К<иркальди> сам охотно участвовал в игре, причем в паузах он с моей мамой обсуждал [с удовольствием цитировал] особенно удачные места в книге „Ut mine Stromtid“ Fritz Reuter’a на Plattdeutsch.

с. 91 К старости г. Ф<еррейн> как то очень бледнел, ел с осторожностью и утихал. Он догадался, что он заболел раком желудка и вскоре так и умер. Его сын Федор Андреевич мне много лет спустя рассказал, что отец, умирая ему чуть подмигнул и дал понять свое желание – иметь в гробу под подушкой – колоду карт для игры в Skat. Сыну удалось тайно исполнить это желание.

Прогулка на лодке

В те времена во всей России царило широкое гостеприимство. Так и у нас и у всех наших знакомых. Особенно на даче во всех семьях кто-нибудь да

гостил. Так и Лиля и Маня однажды приехали к нам погостить в Малаховке. В день их приезда они привели с собой девочек Розенблюм с гувернанткой, Оля Р<озенблюм> была из моего класса [моя одноклассница]. Оля [она] хорошо училась, тихенькая, очень малаго роста, с добрым взглядом карих глаз и длинной косой густых каштановых волос. Девочки Р<озенблюм> вскоре ушли – они жили в соседнем дачном месте в «Удельной». А мы решили пойти совместно с Ваней Кир<кальди>, Отей и Францем кататься на лодке захватив 4 весла с уключинами – мы вшестером отправились к озеру. Ваня сел на мысу, братья взялись за весла, а мы девицы у руля. Все шло чудесно. Была тихая погода. У берега, где чуть пахло болотцем и купальнями мы благополучно миновали Берманских собак – опасного слюняваго бульдога

с. 92 Snarry и белую изящную нервную пятнашку Гапу, бывших обычно под наблюдением очаровательной пары подростков Воли и его сестры Лёли. То были внуки стариков Берман, говорят, сироты, всегда дружные между собой, неразлучные. Волю, красиваго черноглазаго умнаго самоувереннаго юношу одноклассника Федора Степуна в Михайловском немецком училище – я встречала у Киркальди. Он позднее развился не к добру. Его сгубила необыкновенная красота, привлекавшая и мужчин, и [а или но холодный] критический ум, открывавший ему безграничные горизонты жизни, но также и бездонные пропасти, куда его все более и более манило [влекло] не спас его [и не спасло].

Раз в неделю появлялся на урок танца к нашему удовольствию конечно в безупречном фраке пожилой М-г Ермолов, танцмейстер из балета Императорскаго Большаго театра в сопровождении скромнаго безмолвнаго скрипача. Мг. Ермолов сразу вносил своим появлением французскими возгласами атмосферу благородной светскости и полной отрешенности от нуднаго учебнаго долга! Как приятно было слышать звуки полонеза и подражая элегантным «раз» нашего маэстро в замечательных ботинках шагать по блистающему паркету. Потом следовал вальс, настоящая польская мазурка с фигурами и мн. др.

с. 93 Оказывается и Марья Федоровна Степун еще годы до меня училась танцам у того же М-г Ермолова, под ту же скрипку, там же и с тем же восторгом.

Итак мы сели в нашу лодку и минут через двадцать мы доехали до пловучих островов, нам давно знакомых, привлекавших нас тем, что можно было проталкивая лодку в узких промежутках, проникнуть до конца озера, миновав таинственные части, где росли тощие березы в торфяной почве, рос камыш, вспархивали «чирки» (?) из болотной травы, а иногда видна была там и клюква. Было не просто протискиваться между этими островами, ступать на них было опасно. Брат Карл лишь однажды прогулялся по ним привязав к стопам доски порядочных размеров. Часа два мы упирались веслами в разных направлениях и торжествовали, когда вместе с березами островки подавались и мы наконец доехали до узкаго устья озера. Под сводом железнодорожнаго полотна [моста] озеро переходило там в узкую болотную реченку. Мы проникли и туда, подведя лодку под узкий деревянный мостик с дряблым перильцем проталкивая ее и прыгая с места сообразно с движением лодки. Под сводом конечно пели и кричали пробуя эхо – «кто была первая дева?» – «Ева» –

Реченка была неинтересна и мы решили двинуться обратно. Опять

с. 94 мы подвели ближайшую часть лодки – корму с рулем под мостик и также середину ее протолкнули, но мыс ее застрял – Ваня К<иркальди> был слишком легковесен, он старался надавить, придерживаясь о перильце мостика. Я, увидав препятствие, подсобила ему с успехом, но лодка как-то сразу [внезапно] оттолкнулась и Ваня очутился висющим над мостиком, а я в этот момент, возвращаясь на свое место к рулю пробежала [<пробе>гая] по краю лодки упала с головой в воду. Когда я открыла глаза, я каким то чудом держалась одной рукой за край лодки. Франц и Отя бросились тащить меня в лодку. Дна я под водой [собой] не чувствовала. Лиля и Маня тут же опомнились – для равновесия они перегнулись на другую сторону и слава Богу лодка не опрокинулась. Дрожа от холода я лежа на четвереньках в лодке увидела Ваню, все еще висящего на жидком перильце – Мы двинулись к нему и взяли его на мыс. Было холодно и вечерело. Я рыдала от холода и испуга. Мы быстро

с. 95 сообразили, что мне не выдержать длительный обратный путь в мокрой одежде и решили с Маней Ф<еррейн> бежать в «Удельную» к Розенблюмам, ведь адрес их мы узнали – несколько часов тому назад. А остальные двинулись домой. Путь к Роз<енблюмам> вел нас через жел<езно>-дорожную станцию, как раз к прибытию дачного поезда из Москвы и встречая дачных отцов tout le monde увидел меня «утопленницу»... Мы к счастью не долго искали дачу Р<озенблумов>. Там очень приветливо нам помогли переодеться, причем мне пришлось одеть блузу и длинную шерстяную юбку cloche гувернантки, т<а>к к<а>к одежда мелкорослых девочек Р. мне не подошла. Мое мокрое повисло в теплой кухне, а я с Маней поспешила домой, путаясь в длинной чужой юбке, в чужих башмаках, с распущенными мокрыми волосами. В таком маскараде мы наконец приплелись домой. Тут меня встретила мама пощечиной. Я ведь чуть не утонула и с большим трудом дотащилась домой – а мать меня встретила таким образом – да еще при гостях. Я с этого дня на родительницу смотрела другими глазами. Я до сих пор враг немецких пощечин. Они [родители] бьют детей «с горяча», но и из принципа – например: „pass doch auf“ – и тут же бьют по щеке – здешние нем<ецкие> дети не ощущают в этом жесте оскорбления. – поэтому мне пришлось

с. 96 однажды услышать от Дм<итрия> Фед<отовича> «дай немцу по морде, он только облизнется» – Немцы вне Германии не видят этого оскорбления, т<а>к к<а>к им за каждый промах дают пощечину. Это я поняла лишь когда переселилась позднее в Германию и когда взгляделась в семейную жизнь немцев, в их обычаи привычки, их воспитание – по правде сказать, до сих пор мне (до некоторой степени) чуждые.

Немного о воровстве в России

Еще одно последнее сказание о жизни нашей в Малаховке. Без него все таки

картина (ея) была бы не полная незакончена. Тема – воровство в России. Страна необъятная. Народ темен и беден. Леса, поля – казенные. Надзор над этим имуществом не ощутим и не видим. Срубить в лесу любое дерево, притащить домой, и использовать – действие безконтрольное, никому неинтересное. Проехать в повозке по полю в любом направлении в любое время года – не проблема, никому [никем] не требуемый отчет (?). Благо что зимой по толстому слою снега в поле подчас удобнее ехать, нежели по вкривь и вкось изъезженной дороге – или в половодье лучше брать путь нетронутый. – или летом не утопать же в пыли... и так каждый разумел свое удобство... Под Москвой земля преимущественно песчаная, неплодородная. Фруктовых насаждений как-то не было видно. Ежели кто на даче сажал яблони или просто пару

с. 97 грядок клубники или салата, то разумеется надо было это добро более или менее любовно стеречь от воровства. Почти каждое лето случалось особенно под большой праздник – Троицы или «Пётры и Павла» ограбление погреба – мяса, масла, птицы, или бутылок кваса или вина. Вход в сарай и погреб при даче был конечно огражден задвижкой с висячим замком, но это ведь во всем свете препятствие лишь для честных людей – Кроме съестных припасов соблазном для деревенских жуликов являлось белая парусина декоративно висевшая на балконе. Нередко ее за ночь срезали деревенские парни на собственное употребление. Помню, как однажды на праздник у Киркальди оказалась кража телятины с разными съедобными добавлениями и семья на два дня очутилась без ожидаемого обеда. – а Евг<ения> Ив<ановна> сидя у маленького старинного письменного дамского столика подсчитывала на изящных русских пуговичных счетах создавшийся убыток в хозяйственном бюджете...

У нас однажды горничная истерически испугавшись [<испуга>лась] услышав что то у сарая, так завопила: «воры, воры, держи их, караул...» что всех в доме подняла на ноги. Отец, захватив Монте-Кристо вышел за угол дачи, увидав неясную фигуру в полутьме, выстрелил в воздух и слава Богу по близорукости промахнулся

с. 98 и не попал в нашу кухарку, выскочившую было на двор.

Итак проходило лето 1898 года. Между прочим, случайно, в соседстве искали помощь для изучения немецкого языка для одного школьника из русской семьи, ходившего в нем<ецкую> школу. Я предложила свои услуги. Мальчик оказался со способностями и интересом к ученью. К концу лета он выучил склонения и спряжения и видимо забавлялся, как это у него «выходит». Отец его остался нами обоими доволен. Я впервые освоилась с мыслью, что я могу «зарабатывать деньги».

Наступила осень, пора уезжать с дачи, началась упаковка. Помню внезапную грусть в вечерний час с возникшим чувством, что никогда это время не вернется и мы никогда в этой даче жить не будем. Я с прощанием вышла в темный сад, подышала резедой и гелиотропом, вернулась в мою комнату, обняла в окне мою любимую березу и простилась, прижавшись лицом к ее белому гладкому стволу.

Театральные и музыкальные выступления в школе

с. 99 В училище в последний «выпускной» год учебы становилось серьезнее и интереснее. Между прочим нам было предложено, по желанию добавочно брать уроки изучения развития немецкого языка, так сказать филологией немецкого языка. Несколько учениц приняли это предложение, в том числе и я. В результате мы сдали экзамен при Московском учебном округе и получили звание «домашней учительницы» по этому предмету. Кончился учебный год. Многих из нас интересовал театр. Наша классная дама Loewenstein однажды устроила нам возможность в одной группе с ней быть в ложе на спектакле в императорском малом театре. Моя подруга Маня Клемпнер жила возле частного театра Корша в центре города. Клемпнеры часто ходили в театр. Однажды мы группой пошли в воскресный день на дневной спектакль взяв в складчину ложу. Я соблазнилась экспромтом, не спросив позволения на это у моих родителей и пришла домой опоздав к обеду. Дома мама, в те годы очень вспыльчивая и нервная, устроила переполох и я была встречена родителями жестокими упреками и побоями в лицо – так что я на другой день оказалась с опухлым лицом с синяками под глазами. В ужасе от стыда

с. 100 едва добралась в школу, и с трудом пережила этот и следующие дни. Никто в классе не подал вида, что заметил мой позор. Но отношение мое к родителям изменилось. Братья молчали об этом происшествии.

Время шло и приближались выпускные экзамены. Наша француженка пожилая интересная опытная преподавательница M-elle Hennon, с лорнеткой на длинной темной цепочке в темном хорошо скроенном платье с намеченным трэном по моде того времени, говорившая исключительно по французски с нами, предложила классу устроить в ознаменование нашего окончания спектакль, конечно на французском языке – выбрана была как раз нами изучаемая драма Racine'a Athalie и тут же были распределены роли. Мы принялись их читать дома, и вскоре в классе. Восторга и интереса, особенно в начале, мы не ощущали. Но постепенно все-таки вошли в дело. Особенно когда роли были для сцены окон-

с. 101 чательно розданы: и вот моя соседка, сидевшая рядом со мной, тремя [4мя] годами старшая меня, живописно красивая дочь французских швейцарцев Liliane Rode получила роль центральной фигуры драмы – самой Athalie. Мы все в классе друг к другу обращались привычно по фамилии, и L. Rode мы почему то называли с ударением – на э, шутя, хотя фамильное имя ее состояло из одного слога. M-elle Hennon, заметив разницу лет моих и моей соседки установила однажды – „L'ainée et la cadette“ (я действительно была младше всех.) Родэ жила грустно: родители зарабатывали хлеб насущный частными уроками французского языка. Жили они в номерах вблизи училища в двух комнатах «номеров» и повидимому столовались поэтому тут же (в гостинице) без семенного уюта, в заметном одиночестве как для уже пожилых родителей, так и для

единственной их дочери. Существовал у них еще сын, постарше, далеко «заграницей», как позднее выяснилось, он служил в Légion d'étrangère ? где-то в Африке. В семье о нем говорили неохотно, с заботой о его здоровье. Он кончил чахоткой. Повидимому в связи с этим

с. 102 часто хворала и наша Родэ, много кашляла и нервами была часто разстроена – Когда ее на уроке вызывали учителя, она трепетала от волнения, лицо краснело пятнами, голос дрожал. Училась она не плохо и русским языком вполне владела, несмотря на то, что дома она его никогда не слышала. Когда она поспешно и как обычно взволнованно задыхаясь отвечала на уроке, у нея появлялась в углу рта мелкопузырчатая слюна. Роль внука Athalie поручили той самой Оле Розенблюм, о которой была речь в день моего падения в воду (Малаховского пруда). Ольга Р<озенблюм> способная умная девочка, по малорослости и по личному характеру как нельзя лучше подходила к этой роли. Нам пришлось интенсивнее изучать франц<узский> язык, между прочим заняться и пением в хору – т<a>к к<a>к драма написана в псевдо-классическом стиле. Для праздника мы решили дать музыкальное вступление. Сестры Маня и Лёня Клемпнер, я и Дибберн (швейцарская немка: хорошенькая с темными кругами под глазами [<темн>ой тенью под глазами] и замечательно-толстой косой –

с. 103 по предложению Клемпнеров взялись приготовить на двух роялях по четыре руки Jubel-Ouverture Вебера. Мы пианистки честно приготовившись дома, пару раз прорепетировали в школьном главном зале, блестящим нарядными царскими портретами нашу увертюру. При содействии брата Бернгарда Клемпнер, подававшего нам знак вступления, мы прилично исполнили наше дело и в день выступления на эстраде (помню подмости из белых досок, построенные треугольником в правом углу залы. Там направо был вход в уборную. Тут, для публики незримо стоял наш дирижер Б<ернгард> К<лемпнер> и тихо хлопал свертком нот наш такт в нужных местах. На собранные деньги, (подмости стоили 500 рублей) мы устроили скромную закуску и запасли лимонад и сельтерскую воду. Приглашены были и пришли родители класса и ученики соседней П<етро>-Павл<овской> мужской школы. Настал момент нашего выступления, стоившего нам пианисткам и всем впервые выступающим, как водится больших волнений. Мы дружно стукнули первый аккорд и кончили также вместе, слава Богу

с. 104 и раскланялись, уже для хора в драме Athalie, в белых платьях от прошлогодней конфирмации, под аплодисменты многочисленной публики. Опустили легкий белый из светлой балконной (дачной) парусины нами сооруженный занавес и поспешно задвинули и скрыли както рояли, водрузили трон для старой властительницы Athalie-Родэ, и мы, девиц пятнадцать, в кисейных белых покрывалах поверх платья, выстроившись в ряд, пропели хоровое вступление (на французском языке о древнееврейском событии (или происшествии). В то же время явилась Родэ Athalie не помню в каком виде, но слышу в течение драмы (жаль, сейчас у меня нет подстрочника Racine.) ея от волнения дрожащий, отчаянный возглас – после встречи с маленькой Розенблюм – по сцене ея внука – „Oh rage, oh désespoire, oh vieillesse ennemie, n'ai-je tant vecu, que...pour cette infamie!“ Я, стоя в хору у рампы в момент подъема занавеса находилась в полуоборот, почти спиной к публике и не заметила, как в нижний

край занавеса завернул с подолом моего платья <?> и тихо поднимал юбку к ужасу моей мамы, увидевшей это... но ея тяжелый солидный матерьял спас меня – подол тут же выскользнул и все кончилось без блямажа.

с. 105 К концу мы хором еще и еще пропели по предписанию; как водится аплодисменты, несколько раз «занавес». Родэ и Розенблюм имели несомненный успех. В организации нашего праздника мы увидели, что мы сделали ошибку: угощение задаром съедено и выпито было в миг [мгновенно] школьниками, а для взрослых не осталось ничего. Начались танцы. Оказалось, что мои одноклассницы, старше меня и опытнее в этом деле, имели сговором своих кавалеров и радостно закружились. По моей неопытности в этих делах, я не позаботилась во время о кавалерах для танцев, и братья, не интересуясь школьным вечером, отсутствовали – я очутилась без танцора. Мне стало обидно, сидеть у стены и глядеть на успех моих подруг – Я предложила моим родителям покинуть празднество. Папа и мама поняли мое настроение и охотно пошли со мной домой.

В течение школьных лет мы часто хворали ангиной, инфлюэнцией, или объевшись, хворали животом.

Лежа в постели я много читала. От старшего брата, очень начитанного, интересовавшегося театром, искусством, я часто получала книги, быть может, моему возрасту не подходившие, к громко-

с. 106 му огорчению мамы, мало понимавшей русский язык, страдавшей от тоски по родине. „Die russische Literatur ist unmoralisch, was liest Du da – Aha, schon wieder“. Мне было тяжело слышать приближающиеся шаги матери.

Наступила весна 1899 года – дата нашего школьного выпуска. 1898–99 год оказался трудным для нашей семьи. Мой старший брат Карл, окончив Мих<айловское> училище, как-то автоматически попал на коммерческую дорогу – на службу в бюро отца. Никто не задумывался над вопросом, соответствует ли этот путь способностям Карла, [сверх того германское подданство¹⁸] – задним числом мы – мама и я, уже после трагической смерти его поняли, что ему по настоящему следовало бы идти в университет и быть историком. Итак Карл получал поначалу скромное жалованье, жил в нашей семье, грыз ногти, дразнил нас детей, или серьезно разсуждал с отцом о политике и государственных финансах, о ходе акций на бирже, о политике Англии, о Бисмарке и его разжалованьи, о речах молодого императора Вильгельма – они дословно передавались в „Käseblatt – Moskauer Deutsche Zeitung“, редактор ея Herr Kicherer, бывший учитель Карла.

Faux pas Карла

¹⁸ Фраза, заключенная в квадратные скобки, написана на поле.

с. 107 Наше знакомство и дружба с семьей Киркальди привело к большой дружбе Карла с Катей, расцветшей красавицей. Дальше больше, хоть Карлу было 19 лет, Кате 22 года – дело кончилось беременностью, с так называемым скандалом в нашем обществе. Евг<ения> Ив<ановна> Кирк<альди>, узнав об этом увезла Ек<атерину> Ив<ановну> в глухую провинцию – в город Орел, там пастор повенчал молодых. Катя очень плакала. В положенный срок в августе родилась девочка Женичка в Орле и Катя вернулась с ней в Москву. Молодые наняли скромную квартиру и жили с тех пор самостоятельно, а летом жили с нами на даче. Помню, как Кат<ерина> Ив<ановна>, с девичьих лет «обуянная чистоплотностью», конечно лелеяла Женичку по разным гигиеническим предписаниям. Кормление грудью волею природы как-то быстро прекратилось. Тут появился по новейшему познанию аппарат для стерилизации коровьяго молока. Сок с лета, Катя так основательно стерилизовала молоко, что ребенок впадал в безсознательное состояние, сопровождавшееся судорогами [Tetanie mit Laryngospasmus – Stimmritzenkrampf¹⁹], холодным потом на лобике. Со страхом глядели мы, и Катя бережно в эти минуты клала легкий белый платок на личико. Переменили диету, и слава Богу, все прошло благополучно.

с. 108 Поступок Карла ужасно потряс моих родителей, почувствовавших глубокое осрамление в обществе и увидевшие мещанскую границу карьеры сына, уж не говоря об обиде, нанесенной дружественной чете Киркальди. Братья с тоской понуро стояли, помню на Рождестве, в сочельник у елки, мама плакала, отец надломленным голосом сказал нам с упреком нравоучение. Впервые наш старший брат отсутствовал. Мы дети недоумевали, а Карл видел свой поступок вроде как протест против мещанской тупости, знак независимости от пасторского благословения или разрешения родителей, «вызов обществу». – Но едва-ли удовлетворял него, то была по существу дерзкая мальчишеская выходка, явно повредившая ему самому и положению нашей семьи в обществе, вот и все.

Дмитрий Винокуров. Московские развлечения детей. Ряженые

Шла зима, пришла масленица. Родители ушли куда-то вечером в гости. У нас был Митя Винокуров, друживший с Отей и Францем. Зашла речь о масленичных увеселениях – и в миг мы собрались «на Трубу»

с. 109 – на Трубную площадь, решили взять там тройку и прокатиться вчетвером – разумеется тайно, в загородный ресторан «Стрельна». Тот самый ресторан, в котором встречалась золотая молодежь Москвы, куда собиралось студенчество в Татьянин день – день основания Московск<ого> Университета –

¹⁹ Фраза, заключенная в квадратные скобки, написана на поле.

помнится, как однажды там присяжный поверенный Плевако, чрезвычайно популярный юрист в Москве, был узан и окружен студентами в Стрельне, и при этой встрече и подвержен неприятным для него вопросам. Стоя в зале уже на одном из столов, в тесноте, уже прислонившись к стволу одной из знаменитых пальм, украшавших помещение [залу], Плевако молвил: «Это не древо познания добра и зла чтобы я мог разрешить Вам вопрос» – от неожиданности все расхохотались и конфликт разрешился сам собой.

Другой случай, еще в молодости, будучи студентом, Плевако проходя Кремлем, услышав церковное пение зашел в открытую дверь церкви Вознесения, где стояли [служили] монахини – Плевако подхватил двоих из них под руки, и с пением «Вот мчится

с. 110 тройка удалая» выбежал с ними на волю – конечно к большому конфузу молодых монашек, с которыми он тут же поспешил распоститься.

Мы с Митей, нашим «капиталистом» спустились к Трубе, нашли подходящую тройку, помню приветливаго мужика-кучера в типичном кучерском наряде. Он быстро сладил с Митей цену, мы уютно и удобно уселись в просторные сани и тройка мирных лошадей двинулась в путь – за город. Чем дальше, резвее бежали лошади, тем чаще в нас попадали снежные комья из под их копыт, тем больше чувствовался мороз в открытом [за городом] в темном поле. Мы скоро подъехали к сияющему нарядному стеклянному *entrée* – не сообразив, что все мы слишком молоды для посещения такого опасного центра соблазна. Митя, окончивший «Практическую Академию коммерческих наук» уже носил штатское платье и выглядел взрослым, и по паспорту имел, по указу министра той поры С. Ю. Витте звание Личного почетнаго гражданина (в отличие от «потомственного почетнаго» гражданина).

с. 111 А Отто и Франц в ученической форме очутились в глупом положении, хоть Отя быстро успел поменяться фуражкой на Митину барашковую шапку – этот маскарад не помог – к нашему конфузу лакеи приветливо было начавшие смахивать снег с наших шуб, остановились, подошел распорядитель во фраке и объяснил нам, что вход ученикам воспрещен. Так мы тут же покинули не видав очага роскоши, веселья, пьянства и греха. Мы сели в нашу тройку, благо, она еще стояла у под'езда, мирно и скромно вернулись домой. Слава Богу, родители еще отсутствовали. Однако, на обратном пути мороз крепчал и я отморозила себе щеки, не в первый раз. (Дома) брат Отто и Митя принялись тереть мои щеки шерстяной перчаткой до-красна и вдруг Митя поцеловал свою половину, ну ничего. Мы, пристыженные неудачей предприятия расстались с Митей и тихо легли спать. «С'ездили!» смеялись мы потом с Митей. – Да, с'ездили.

В эту зиму мама с папой сговорились с семьей Киркальди экспромптом явиться ряжеными у других знакомых. Помню наше изумление и без конечный хохот всех при виде папы, одевша<го>

с. 112 долгополое широкое ситцевое платье, белый фартук, пестрый головной платок – и чтобы скрыть лицо с усами, надел широколицую маску с одутлыми розовыми щеками. Это внезапное превращение нашего серьезнаго рослаго отца в чуждое существо – русскую няню, доступную шуточному обращению, мы совершенно обомлели. М-те Киркальди изобразила девочку

школьного возраста, что очень соответствовало ее худощавому невысокому телосложению, легким живым движениям и большой косой. Моя мама была очень хороша в костюме паж. Тут очень пригодился Эльзин (Кирк<альди>) коричневым костюм гимнастики (Мы – Катя и Эльза К<иркальди>, я и Аня Оберберг несколько зим ходили 2 раза в неделю на гимнастику на цветном бульваре [то была Turn-Halle немецкой колонии] – там рядом со знаменитым зданием цирка Саломонского, его держала в те времена немецкая семья Рихтер – помню молодого сына, вызывающе храброго [смелого] храброго наездника, эффектно до жути он, сидя на

с. 113 на великолепном коне, высоко под потолком пускал оттуда ошеломляющий фейерверк из под краев доски, на которой помещался – стоял его конь. Публика замирала. – У мамы на голове появился берэт из коричневого бархата. А Эльза Кир<кальди> изображала бродячую уличную певицу в платочке, на плечах висела небольшая музыкальная шкатулка, и петь ей мы рекомендовали «любила я, страдала я, а он, подлец, сгубил меня». Лучше всех выглядел Жорж во фраке с богатым кружевным жабо и манжетами, в чулках, открытых туфлях с пряжкой и лорнеткой. М-те Киркальди дополнила свой наряд кисейной накидкой, с моей постели, вместо фартука и послушно за руку с «няней» и остальными отправилась в гости к знакомым (Шлезингер).

Окончание гимназии. Занятия фортепиано

В 1899 году в мае наступили выпускные экзамены. Несколько иностранок мы потеряли до этого срока – Delacroix, Gigaud, Моньку Левенсон, носившую уже какие-то драгоценные изумрудные серьги и умевшая танцевать неприличную «пляску живота», единственную русскую одноклассницу Лидию Тарасову, уже шлявшуюся по пассажирам в сумерках и как то бустро превратившуюся в зрелую женщину.

Об экзаменах у меня не осталось точного воспоминания. И не

с. 114 осталось впечатления от вручения классу выпускных дипломов. Бандровская, католическая полька, наша первая ученица, кажется получила медаль. А с Тумаркиной произошел скандал. M-elle Hennon отказалась экзаменовывать ее, т<а>к к<а>к познания фр<анцузского> языка Мани Т<умаркиной> были явно в течение последняго года недостаточны. Маня Т<умаркина> (Эмма, Маней она стала называться по личному желанию; крещена она не была) этого отказа не ожидавшая, ужасно зарыдала, кричала, с ужасом и обидой, что отец ее будет очень огорчен. – Получился большой переполох. M-lle Löwenstein вступилась за Маню. Соверше[о]н был напор на француженку школьного совета. Пришла целая комиссия и в ее присутствии через неделю пришлось M-elle Hennon проэкзаменовывать Маню. Помню, как мне, да и всему классу было неловко и стыдно

присутствовать при этом спектакле: M-elle Henpon с неестественным терпением ставила простые вопросы, М<аня> Т<умаркина> отвечала слабо и осторожно [неуверенно], перевод делала очень медленно. Получила тройку и тем дело кончилось. Ах, помню одно – когда мы – Клемпнер, Тумар-

с. 115 кина и я в последний раз, покидая училище переступили школьный порог, Маня Тум<аркина> с радостным облегчением и презрением плюнула на порог – и я вслед за ней, также же.

Тум<аркина> уже тогда была в контакте с кружком революционно настроенных молодых людей – частью родственников ее семьи – кузина Фондаминских Раиса – «она не красива, но в ней есть духовная красота», Гоц; кто-то, уже тогда действовавший под псевдонимом Солнцева, Цейтлин тоже кузен из чайной фирмы Высоцкаго – деликатный еврей, писавший стихи. [за это понесший наказание: запрещение места жительства в столицах] Все то были «социалисты-революционеры» уже устраивавшие сходки и горячие диспуты пока еще в частных квартирах, позднее на фабриках среди «арбейтеров» и в аудиториях университета. Судьба Тум<аркиной> незаурядная; именно главная часть ее жизни разыгралась и окончилась (?) в Париже; повидимому французским языком она овладела волею судеб лучше ее одноклассниц. Ранний брак с соц<иалистом>-революционером Авкентьевым, попавшим в Петро-Павловскую крепость [впоследствии при Керенском кратковременный министр] внут<ренних> дел]. Роды в поезде по пути в Финляндию, университетские годы в Германии, в Halle –

с. 116 докторская работа на философском факультете на тему о Достоевском (Степун: эклектичное понимание) Я изредка переписывалась с ней.

Мой отец был доволен моим успешным окончанием гимназии («на четверку») дамский велосипед и хорошая шуба на беличьем меху (сибирская серая белка – легкая и теплая), синяго сукна с барашковым воротником – на заказ. Мама в течение зимы сильно хворала женской болезнью и подверглась операции у д-ра Заяицкаго в больнице у Яузскаго бульвара. Получилось нагноение с высокой температурой. Отя, я и Франц отправились однажды в лечебницу, когда маме уже стало лучше – и на обратном длинном пути заблудились было и с большим опозданием, совершенно испуганные, усталые попали [добрались] домой.

В течение того года я, освободившись от школы, пыталась больше заниматься игрой на рояли, иногда аккомпанировала пению отца. „Es ragt ins Meer der Runenstein“ (Heine, музыка Wolff'a), „Oh Jugend, wie bist so schön“, „Ich bin der Mönch Waldramus, dem süßes Leid geschah, ich läute die Abendglocken...“ Мама и Карл бывали в театре – гастроль Дузе их совершенно потрясла; но не понра

с. 117 вилась старая Сара Бернар, слишком искусно изображавшая «Орленка» (Aiglon) – несчастного сына Наполеона – юношу, втрое моложе ее. Карл дома передразнивал ее говор с сюсюканьем. Приезжал сын Richard'a Вагнера, Siegfried W<agner>, с успехом дирижировал кажется Humperdinck Hänsel u<nd> Gretel и Wagner'a „Siegfried“ – в Большом театре. Но самое большое переживание – было юбилейное (кажется) выступление Ермоловой, Марьи Николаевны в роли Орлеанской девы. Отец взял ложу на всю семью, то был незабываемый вечер.

Карл затеял в те времена торговлю фотографическими аппаратами в

компании с неким Песчанским. Мне было предложено учиться «ретушировать» портретные фотографии – т.е. по возможности сохраняя характерное сходство лица, незаметно покрыть тушью недостатки, морщины, пятна. Пару месяцев я за этим ханятием провела, без особого успеха. Да и предприятие лопнуло – компаньон оказался тертым колачом – много лет спустя – в Белокаменной папа купил там хороший деревянный дом – зимнюю дачу – на балконе я слышала возглас

с. 118 отца при виде какой-то архаически неуклюжей табуретки. Мама: „Na, wie kommt denn dies Ungetüm daher? – отец: Achtung, das ist ein Andenken an Herrn Peszcansky, das hat mich 20. 000 Rubel gekostet.“ А фотографиями все три брата много занимались. До сих пор сохранились кое-какие снимки тех времен. Отя как-то размахнулся – благодаря ему с карточки матери Мити было создано увеличение в большой очень удачный портрет В.А.Винокуровой. В те времена многое импровизировалось, например – проявление пластинок разными самоизобретенными химич<ескими> веществами, затемнение было само собой в клозете при красном фонаре и одежда мальчиков часто носила следы этой химии. Я тайком ходила на лекции (в Политехнич<еский> музей) высших женских курсов, вольной слушательницей: Реформы Екатерины Великой и эпоха Петра Великого, читанные проф. Кизеветтером (позднее высланном большевиками) [меня лчень увлекали].

с. 119 Я делала успехи в музыке у Эмиля Эрастовича Дитриха, обрусевшаго саксонца, выходца (из) Лейпцигской консерватории. В Москве он жил издавна, был женат на вдове Елене Павловне Глазуновой, жившей в своем небольшом доме (в Ляминоме переулке, недалеко от Курского вокзала) На звонок открывал дверь скромной прихожей сам Э<мил> Э<растович>, пожилой господин с проседью жидких волос низкого роста на кривых ногах, всегда встречавший входящего тихим приветливым голосом. Русским языком он владел в совершенстве – может быть он был просто уроженец Москвы, отец его был членом оркестра Большого театра?, а Э<мил> Э<растович> лишь ради консерваторского обучения был в Лейпциге? Играл он изумительно с чудесным «тушэ» и недостижимой конечно для меня техникой своих круглых небольших рук. А руки [пальцы] у него бывали часто холодны как лед, к его большому огорчению. Страдал он сахарной болезнью, и как впоследствии оказалось тем же болела и его пухлая супруга Елена Павловна. По воскресным утрам, когда я приходила на урок, Е<лена> Павл<овна> всегда сидела в открытой соседней комнате, заполняя своим низкорослым грузным телом большое мягкое кресло.

с. 120 Ея мягкое большое лицо, широко улыбающееся с двойным висячим подбородком было бы похоже на коровье вымя, если бы оно не освещалось необыкновенно живым взглядом выпученных светлых глаз. Одета она была в нарядный пеньюар из светлого шелка с очень пышными рукавами; так как шеи у нея не было, то и ворота не было; над всем туалетом царила дорогая широчайшая лента голубого или розового толстаго атласа, покрывавшая громадный бюст и от смеха [при смехе] колыхавшийся живот. Взаимное обхождение супругов очень напоминало по стилю старосветских помещиков. Они были на «вы» и друг друга, нежно любя, величали по имени и отчеству.

Юлий Рис, чуть ниже Карла, вежливый черноволосый краснощекий

худощавый юноша с висящей каплей у кончика носа, как все евреи интересовался театром. В то время все русское общество обсуждало с большим интересом и волнением произведения Льва Толстого, особенно «Крейцерову сонату» и «Власть тьмы» [Митя по пути в училище подвергся соблазну, «Молодой человек, извольте купить графские сочинения, Крейцерову сонату...»]²⁰ – Юлий нашел в нашем районе Рождественского бульвара народный театр «Скоморох», здание во дворе,

с. 121 похожее на цирк. Там, актеры были большею частью любители из простых (людей) говорят, бывали и таланты-самородки. Иной раз, так и в данном случае, Лев Толстой присутствовал при представлениях «Власть тьмы»; игрой он был доволен, но содержанием он был (конечно) удручен. Юлий хотел идти [пойти] туда, но повидимому от своих родителей получил позволение лишь под условием, идти совместно с Карлом. На его звонок открыла мама. Она уже знала о плане юношей и не хотела позволить смотреть сомнительную вещь. Но Юлий, с таким искренним испугом перед возможностью неудачи, схватил просительно ея руки и так душевно протянул на жаргоне: „Laas'er mitgehn,“ что мама не устояла и позволила; она часто вспоминала эту сцену с большой забавой. А юноши в Скоморохе пережили, может быть, впервые в жизни ужас и отвращение, взглядевшись в мотивы иных страшных поступков людей.

 Слава Богу, старую почти не репетировавшую рояль Э<миль> Э<растович> сменил на хорошую звучную. Приходил на урок передо мной рослый Петропавловский последняго класса гимназист Мозер. Была в те времена в Москве органная фирма Moser и Blessing –

с. 122 Недавно скончавшийся президент германского госуд<арственного> банка Blessing (его слова я запомнила: Eine Inflation wird gemacht. Sie ist ein Betrug am Volk) Этот Blessing не из наших ли краев? Мозер был старше меня, но играл он невыразительно. Помню Impromptu Chopin'a, до сегодня, как топорно оно у него звучало. Долго он его долбил, и много рассуждал с учителем. Елена Павловна, повидимому хотела создать между нами романчик, как-то приглашающе нам улыбалась и «делала глазки» очень живо и слишком понятно, из этого ничего, конечно, не выходило [вышло]. (Да и молодой человек как-то исчез с уроков.) В то время Э<миль> Э<растович> мне задал играть обработку Листа Lucia v. Lammermoore. Вещь, подвинувшая меня заметно. Как обычно, требовалось играть наизусть и с надлежащим темпом. С сердцебиением я приступила – мой учитель сел поодаль, как официальный слушатель, Елена Павловна в своем обычном кресле, больше как зритель. Когда я, с некоторой бравурой кончила эту сложную вещь, требующую фразировку и порядочную технику – мой

с. 123 учитель поднялся с аплодисментами: «Барышня, ведь Вы могли бы страшно играть!», а Елена Павловна мужу: «ей надо на сцене играть, да, она похожа на Ермолову!» – А я своим ответом «да какая в том польза?» убила бедного Э<миля> Э<растовича> – у него опустились руки, он ничего не сказал. Я в то время зачитывалась Писаревым и Добролюбовым, и «Что делать?» Чернышевскаго, и тайком «Хлеба и зрелищ». Как странно, что кажется, до сих пор на частных уроках не принято давать ученику указание в теории музыки и истории ея. Насколько это

²⁰ Фраза, заключенная в скобки, написана на поле.

знание подвинуло бы каждого молодого ученика. Притом мой учитель был в чинах – он преподавал в казенных женских институтах, в качестве инспектора и тем состоял начальством над молодым Сергеем Рахманиновым, Гедеке, Юоном и др. [Гедеке, Метнер] –эта молодежь благодаря службе этой освобождалась от воинской повинности. Митины сестры учились в Мариинском институте (на Берсеневской набережной у Москвы-реки) – младшие – Ольга и Клавдия учились у Рахманинова. В классе была одаренная грузинка Абуладзе, чудесная пианистка. Однажды Рахм<анинов> задал в классе музыкальную письменную задачу. Через неделю Рахманинов принес барышням работу

с. 124 и с неудовольствием произнес: «Все скатали у Абуладзе» Никто не возразил, конечно.

Приглашение на свадьбу к родственникам в Германию. Восприятие родителями жизни в России. Катастрофа в бизнесе отца. Кухарка Ирина

Маме было плохо. Назначенный ей массаж живота вызывал приступы лихорадки. M-me Protz-Vakano массажистка отказалась продолжать это лечение и рекомендовала ехать в Берлин консультировать проф. v. Olshausen'a. В это время пришло приглашение от наших родственников на свадьбу в München.

Итак родители собрались со мной к от'езду за границу; понятно с большим волнением и приготовлениями. Особенно мама очень волновалась из за болезни и внезапно возникшей тоске по родине. Както чувствовалось что ея жизнь в чуждой ей России (большая) жертва с ея стороны. Она в мыслях всегда сравнивала Германию с Россией, – именно свою южную Германию с ея живостью, мягким климатом, устойчивым покровом [строеном] жизни [культурой] – ведь страна живым темпом всей жизни расцветала, созданная Бисмарком. Ах климат – мама опасалась русской зимы, ей захватывало дыхание в морозные дни на улице, и становилось жутко, что так останется этот ужасный мороз в 25–27° Réomur'a, когда густым хрустальным слоем льда покрыты двойные окна, когда из двойных дверей катит пар и кричат их петли, мерзлый снег на мостовой и тротуаре трещит-хрустит под ботинками. Конечно, все ей было чуждо и многое противно – харканье и плевки мужиков на улице, их ругательства – особенно четко слышные в зимней тишине улицы, грубое обращение с лошадьми –

с. 125 в те времена единственное средство передвижения [извозчики и ломовые]. Чуждые запахи – щами, горячим черным хлебом, горелым подсолнечным маслом великим постом [а летом стихийная пыль, вонь из помоек и шум колес!] Большая бедность и покорность, с которой ее нес простой народ и тут же подчас нечистоплотность и очевидная лень и лживость, все это ее угнетало.

Несла она свою жизнь в России только из очень большой любви к папе. А отец был тоже иностранец в России и вплоть до 1914 года так и не научился русской речи, как и мама, но оба они как-то понимали и чтением владели. Мама, приехав в молодости, папиной невестой в Петербург, быстро по вывескам на улицах и лавках научилась понимать смысл и шрифт, видя намалеванный крендель у булочной, окорок и мясо у мясной, сельди у рыбника, молочник... и т.д.

Папа не страдал тоской по родине. Он был занят своим торговым делом, в котором имел успех и как водится в коммерческом мире, переживал много волнений. А однажды пережил большую [его постигла большая] катастрофу [-а]: сгорел внезапно один из больших московских пассажей, где как обычно помещались стена к стене магазины. Среди владельцев были и папины покупатели, пострадавшие от пожара.

с. 126 Все они объявили платежеспособность, за одним единственным исключением: Ник. Иванович Смирнов отдал нам на ближайшее лето дачу в наем, вот и все. Отец потерял все свое состояние в одну роковую ночь. Мама пережила все это с большим потрясением и старалась ему помочь. Чета v. Vangel, близкознакомая с нами; Bertha v. Vangel моя крестная мать, совладелица фабрики кукол и детских игрушек фирмы Шварцкопф искала в это время кого-нибудь, кто бы мог создавать [шить] одежду для кукол [обшивать кукол]. У мамы было много фантазии и вкуса. На пробу она с большим эстетическим успехом обшила [одела] несколько кукол. И вслед затем получила и коммерческий успех, устроив мастерскую, в которой работало несколько мастериц, по ее указаниям. Помню, мне было лет пять, в доме Шиллинга, – как мастерицы шили мелкое белье и платица для кукол и я моими маленькими пальцами тоже «помогала» – выворачивать [-я] рукавчики и панталоны шитые [стаченные] на машин(к)е. Ярko запомнилось, как эти и меня за то хвалили.

с. 127 девушки плача шили белый шелковый саван для умершего брата Феди. Да, задним числом, можно себе представить, какое горе и какие заботы в то время несли [испытывали] мои родители. Понятно и то, что мама в то время в мыслях переносилась назад в Германию – не начать ли там с папой другую жизнь? Но папа об этом думал меньше и автоматически воссоздавал свое дело на том же месте. Так мы [они] и остались в России к огорчению мамы – никто тогда кажется на свете не чуял возможности «великой всемирной войны» 1914 года с ее роковыми последствиями для Германии и России и, конечно, для нашей семьи. Но, вот в 1900 году отец и мать и я простились с братьями. Они остались на попечении нашей кухарки Ирины. Ах Ирина! То было в доме Цыганова (на углу Мясницкой и Златоустыинского переулкa.) Она была сродни нашей Акулины, прослужившей семь лет и вышедшей замуж уже лет 50ти за старого вдовца к удивлению и шуткам моей мамы: «и чтоо ж ти з ним сделешь?» – обе смеялись – через пару лет Акулина, как мы слышали, померла от рака.

с. 128 Ирина была еще старше – под шестьдесят, небольшого роста, гладко-зачесанными русыми в пучек под черной сеточкой собранными волосами, приятным, ничем не замечательным лицом, опрятная и внимательная в обращении, настоящая русская милая нам всем, женщина. Как все простые пожилые женщины тех времен она была неграмотна, к ее сожалению, но в голову

ей не приходило научиться «грамоте». Да, впрочем, зрение ее уже показывало дальновзоркость – прислугу в очках в те времена никто себе не представлял. Но особенность Ирины Селивёровны заключалась в ее живом интересе ко всему историческому, всему, что касалось царей, династии Романовых. Она, оказывается, в ранней юности была крепостная в одной из деревень вблизи Мурома. Родителей своих она не помнила и выросла в господском доме, была у своей старой госпожи на побегушках. Там ей жилось не плохо. Была у нея подруга постарше. Господская дочь, выходя замуж, получила между прочим в приданое этих двух девушек. И угодили они оттуда далеко в другую губернию

с. 129 в жесткие руки новой госпожи. В то время, – под 60-ый год прошлого столетия, – ходили упорные слухи, что выйдет «воля» для крепостного народа. Но помещики, пока что, стараясь удержать свои давние права, – и в данном случае новая госпожа не стеснялась: от времени до времени она обеих девушек посылала в конюшню на сечение. – «Ну, Аришку тоже кстати». Ирина: « Ну, я была девчонка, ну посекали, я зад потру, да и вон!, а Саша была постарше меня, и был у нея жених; она этого срама не вынесла, возроптала и хотела руки на себя наложить.» Обе девушки задумали бежать, бежать назад к старой госпоже, не зная дороги и в полном сознании опасности побега, по закону наказуемого Сибирью. Им удалось убежать, мужики им тайно помогли. Но страха было много – быть открытыми, пришлось идти конечно только пешком по ночам и только лесом – то было в знаменитых легендарных Муромских лесах. Девки притащившись, повалились в ноги старой хозяйки, очень огорченной происшедшим. Она им простила. И к счастью – вышла по указу царя Алек-

с. 130 сандра П [государя императора] – воля – по манифесту 19 февр<аля> 1861 года. Ирина, при этих словах, перекрестилась в нашей кухне глядя на икону. Самое любимое было для нея: слушать чтение о Князе Серебряном Алексея Толстого. Мы – Отя и Франц и я по очереди охотно читали ей вслух и для нас интересную и картинно написанную дотоле нам неизвестную историю Князя Серебряного. А Ирина так точно помнила все события и детали из прежних чтений в ее долгой былой службе, что она, как дети при повторении слышанной сказки, сама нас иной раз поправляла, ежели мы открывали не ту страницу и текст не соответствовал дословно ее памяти. Неграмотный человек воспринимает часто события и предметы (гораздо) удивительно сильно и точно... как ребенок? А с другой стороны: как картинно, подчас театрально, так-сказать почти по актерски входят в роль – русские люди – большею частью из «простых» рассказывают о пережитых событиях и личных чувствах, но на взгляд моей мамы преувеличенно. Моя мама, сама в те

с. 131 поры была в своих переживаниях „emotional betont“, – вместе с тем несомненно ведь она от природы обладала сценическими способностями, хорошо схватывая тон и даже несколько скрытую иронию, грусть, насмешку, восторг, жалость, покорность судьбе, страх и ужас души говорящего.

Поездка с родителями в Германию

Итак родители и я поехали за границу. Отец заказал отдельное купэ в курьерском поезде. Путь через Вязьму, Смоленск, Минск, Белосток – в Варшаву. Путь долгий, и ехали мы дольше суток, (точно сейчас не помню.) В купэ было уютно, в вагоне народа я не заметила. Родители мои частью были взволнованы мыслью о том, что они внось увидят родину после долгих лет, частью и заботой о маминой болезни – что скажет профессор в Берлине? Но вот Варшава. – Там мы нанесли визит семье Вейлер, с которой папа вел дела. Через пару часов мы уже направились через Вислу по неприятному длинному мосту мощеному железными плитами в форме вафлей – бедные извоз-

с. 132 чичие лошади! и жестокий шум колес пролетки, некрасивая река. Переезд другим поездом, германским, граница мне не запомнилась. – из Александрова в Eydtkuhnen – Там уже немецкий говор, очень вежливый, тщательно одетый персонал, скудные колокольные сигналы, другой воздух, теплее. Берлин вечером, миллион огней, во всем какая-то спешность. Вокзал Фридрих-штрассе – и там же новая гостиница „Central-Hôtel“ – где мы и остановились. Чем ближе был срок посещения (у) доктора, тем больше нервничала мама, а папа наоборот был благодушно настроен; меня же прямо разбирал смех, как это бывает в этом возрасте; от моего хихиканья мама приходила в отчаянье. „Dein Gekickel kann ich nicht mehr anhören.“ У профессора мама увидела анатомическую схему, где он (себе) отметил красным пером болезненное место; где по его мнению нужна будет операция. Через пару дней мы уехали в Оффенбах, к маминым родным. Была весна, цвели фруктовые деревья. Как мама нас, детей, жалела в Москве, что мы почти не знали настоящего цветения яблонь, вишен, груш

с. 133 В Оффенбахе я запомнила мамину пожилую сестру, (Stiefschwester) по мужу Auguste Hinkel, уже овдовевшую, очень приятную статную даму с широким лбом, широкой улыбкой и раскатистым смехом. Она и мама были очень рады встрече, и тут обеих конечно обучали воспоминания о близких и дальних родных, друзьях и знакомых. Тут же сидела скромная серенькая пожилая женщина на маленьком стульчике – слепая от рождения „Minchen“ – Очень добродушно подававшая реплики на разговор окружающих и непрестанно вязала [-вшая] что-то шерстяное. Ея замечания бывали метки и забавны. Детей тетушки Auguste Hinkel Fritz и Minna я не запомнила, но фотография девочки Minna у нас в Московском фамильном альбоме четко удержалась: тщательно причесанная, в протестантски обычном черном конфирмационном платье с крестиком на шее, в крестиком сложенных руках беленький кружевной платочек; напряженный взгляд

с. 134 с «выдержкой» для фотографии, пятки сомкнуты, носки врозь – по строгому предписанию воспитания и моды. Обе дамы-сестры [мама с сестрой] собрались во Франкфурт за покупками и на осмотр города. В то время, между прочим был отстроен новый вокзал – диковина железнодорожной техники, под

стеклянным громадным куполом со множеством световых и других автоматических сигналов. Повсюду непривычные вывески-указы „rechts gehen“ – Abort „Ausgang“ и „Verboten“. А протяжный перечет остановок, – у каждого готового к отъезду поезда! стоит провозгласитель и внезапно кричит команду: Abfahren! – «невольнo бежишь в панике неизвестно, куда» – по рассказу русского «путешественника за границей». (Не Лейкины ли? – «Наши за границей»)

Дамы поехали – электрическим трамваем – исторически достоверно, что междугородный первый трамвай в Германии проведен был от Оф<фен>бах в Франкфурт к большой гордости и славе Офенбахцев. – Рабочие, глядя на стержень

с. 135 над вагоном, соединяющийся с электро-приводом с недоверием говаривали на их наречии „Sie trauen ihr immer noch nit, sie binde se immer noch an“ (п французское). С'ездили во Франкфуртский знаменитый ботаническими редкостями Palmengarten. Там и «покофейничали» как следует, посетив сначала ряд магазинов. Приехали они домой, неудержимо смеясь. Они смеялись до слез, до икоты пару дней; поглядывая друг на друга они вновь и вновь прыскали от смеха, без слов. Так мы и не узнали, в чем было дело – (может быть произошла какая-нибудь неловкость в уборной?)

Отец с матерью, в виду предстоявшей свадьбы в Мюнхене, купили для мамы и для меня красивые платья. Мама в темно-красном с черным changeant шелку, я в легком голубом (как у Чехова) «шейка открытая, обрамленная воланчиком-плиссе». Осматривали город Оф<фенбах>, вспоминали где кто, когда владел домом, и участком земли, стояли задумчиво глядя со словами „Tempelseemühle“.

с. 136 Отец, хоть родом из Kuppenheim вблизи Rastatt'a, в молодости, окончив воинскую повинность, изучал коммерческ<ие> науки служил в табачном магазине в Оф<фенбахе> и в те времена познакомился с красавицей юной Elise Waller, дочерью Kasimier Ziehr заведующего лесами графа Schönborn – Friederike Ziehr и ея мужа Jakob Waller II., мастером кожевенного ремесла – Город Оф<фенбах> достиг впоследствии значительного богатства и большой известности благодаря его цеху кожевников. И так и моему отцу этот город был хорошо знаком. Но большие покупки родители все таки заключили [делали] во Франкфурте – между прочим купили осеннее пальто для мамы. Рукава оказались несколько тесны; была сделка в магазине – что вставят новые рукава нужного размера. В срок перед нашим отъездом магазин прислал продавщицу с готовым пальто. Мама надела – и обнаружила разницу в оттенке и характере матерьяла (рукавов) и очень взволновалась непоправимостью положения – пальто было уплачено во Франкфурте, а носить его в этом виде невозможно. После переговоров

с. 137 фирма в конце-концов приняла пальто и деньги вернула.

Приехали мы в Мюнхен в мае при очень хорошей погоде (и здоровом воздухе.) – и очутились на Königinstr (65) в трехэтажном доме доктора Dr. med. Karl Leibl. Пожилой (57 лет) грузный рослый с большим животом баварец-мюнхенец, с козлиной темноватой бородой, в очках, импульсивно шумно-растроганно нас встретивший, познакомил нас с семьей. А семья – его жена – папина мачеха, 8-ю годами старше доктора, седая дама небольшого роста, сутулая, на ходу чуть

припадая на правую ногу с неправильными чертами лица, особенно тяжелыми веками, с учиками и странно наискось поставленным носом – казалось бы – ну да, некрасивая старая женщина – но вот однажды мы с доктором сидели в столовой у круглого стола – к нам вошла „Tante Ida“ и улыбнулась – это был приятный подарок нам всем – она вдруг похорошела – как княжна Марья у Толстого, – та при слезах как известно своим лучистым взором, а наша – изволите ли видеть, воистину дарила своей очаровательной улыбкой.

с. 138 „Nun schaut, die – scheen Frau“ – произнес тут же доктор, и в восторге протянул к ней руку. Ах руки! Tante Ida страдала подагрой, пальцы ея рук особенно характерно подтверждали ея болезнь вздутием и туго <нрзб.> вижностью пальцев – меж тем как руки доктора были при его грузной фигуре неожиданно изящны формой и движениями [-ем] [формой, которой он сам любовался]. Со временем, взглядевшись к нему ближе, открывалась моим глазам [мне] много особенностей его наружности – так например вз'ерошенные темные с проседью волосы, зачесанные сзади наперед, внимательный, подчас пытливый взгляд, неуверенная походка от слабости сравнительно длинных прямых ног при коротких стопах с высоким под'емом. На улицу он почти не выходил, лестница в бельэтаж ему была почти не под силу. Однажды мы собрались в Pinakothek и изучали знаменитые картины, в которых Onkel Leibl знал толк, отец его был профессиональный антиквар, от котораго [него] доктор унаследовал чудесные портреты: – самого себя в детстве, и его брата. В столовой висели две картины – Onkel Leibl в детстве и его брат. Еще помню в гостиной висел

с. 139 темноватое художественное святилище – «Христос в распятии» – шопотом говорили, что это „ein Rembrandt“ и что ему «цены нет». Мне как-то неловко было при виде этого Христа играть на рояли – пианино, стоявшего тут же наискось в углу. Гостиная была нарядная, светлая с дорогими тяжелыми до пола портьерами, ковром, пальмами и бюстом Аполлона. Иногда я всетаки парадировала своим репертуаром Листовской Lucia di Lammermoore и его переложением для рояли Rigoletto. Превозмогши начальную неловкость, я вероятно здорово барабанила, к некоторому затруднению одного музыкального слушателя. То был частный учитель – студент филолог или богослов, очень музыкальный от природы человек. Он натаскивал Leibl'скаго 19 летняго сына-гимназиста последняго класса Otto на аттестат зрелости. Сын [он], более заинтересованный сценой и пением, захаживал в гостиную и с учителем проверял на пианино свой слух и голос. С „Ottóle“ как его называла обожавшая его мать (Tante Ida), впоследствии <я> познакомилась ближе, мы вдвоем много ездили на велосипеде (за него [машину] пришлось заплатить пошлину, хотя он [-а] был[-а] подержан[-а]!)

с. 140 Я хорошо ознакомилась с городом Мюнхен в то лето; было хотя жарко, но после Москвы я себя там чувствовала почти «в горах», очень хорошо.

В моем желании быть врачом и изучать медицину я не отступалась, особенно увидав как легка этому „Ottóle“ дорога в университет ко всем отраслям науки – мне (девчонке) все пути закрыты, только потому что я – женскаго пола. Однажды, в разговоре с ним о моей цели жизни, я услышала от него категорический ответ: „Es soll der Schuster bei seinen Leisten bleiben.“ – в тоне

привычного высокомерия мужской особи над женской. Из вежливости я ему ничего не ответила, но маме я передала этот разговор.

А мама через пару дней, сидя на балконе в беседе с Onkel Leibl, посвятила его в мои планы с тем результатом, что он очень многоречиво отклонил в принципе доступ женщины к университетскому образованию вообще и к изучению медицины в частности. [сыграл роковую роль в моей судьбе] „Elise, обратился он к маме, denk' allein schon an die Leichen, an denen ein junges Mädel schneiden muss, u<nd> dann zusammen mit den Studenten... nei, nei... Das is doch kei Sach'!“

с. 141 Мама с ним решительно согласилась, – об университете и медицине мне и заикаться не было позволено. Меж тем близился день [почти накануне свадьбы] нашего знакомства с женихом дочери Onkel Leibl Titi (Mathilde) Leibl с неким Stud<ien>Rat Renner, учителем (одной) гимназии. Средняго роста, рыжеватый, с бородкой, в очках, в темном сюртуке и коротковатых узких брюках. Titi, узким носом похожая на отца, блондинка с золотистым отливом и розовыми щечками, живая и говором и движениями могла бы быть очень привлекательной [-а], но ближе с ней кажется никакие отношения не создавались. Позднее мне думалось, что она выросла после ранней смерти ея матери (первой жены Leibl, между прочим оставившей порядочный капитал, случайный выигрыш в лотерее, совершенно случайно обнаруженный: молодой (врач) Dr. Leibl с молодой женой скромно в прогулке за городом зашли в ресторан. Там «молодая» увидела плакат с оповещением о лотерейных выигрышах, притом в последний срок – побежали, получили, 60.000

с. 142 Эта молодая жена очень рано умерла от родов (девочки Titi). Dr. Leibl мне однажды рассказал, как тяжело он переживал эту потерю. В первом отчаянии он решил покончить с собой и отравился мышьяком. Но не умер, а очень прозаически [-чно], страдая дикой рвотой и поносом, провел много дней в уборной, больше ничего. Но как и в чьих руках росла его дочь Titi в детстве и позднее при мачехе, „Tante Jola“, – а еще дальше, когда у Leibl и Ida родился сын Otto(le)? У меня в дни перед свадьбой Titi было впечатление, что она без сожаления покидала родительский дом, даже больше – с некоторым облегчением, но привычно соблюдала форму (поведения) в готовых любезных фразах. Помню, как после семейного обеда, молодым было разрешено перейти в гостиную побыть, так-сказать, с глазу на глаз, и тут нам – моим родителям, мне и доктору с женой и сыном представилось неловкое, чтобы не сказать стыдное зрелище публичных предсвадебных поцелуев и объятий. [как у Чехова в «Детворе» сказано «Мне стало так неприлично»] Молодые сидели друг перед другом, жених плотно прижимая невесту и систематически, как-то не красиво прозаически-длительно обцеловывал ее. Мне, да и всем присутствующим

Band II

с. 143 А свадьба была пышная. Венчание состоялось в большой католической церкви на Ludwigstr. в Мюнхене в присутствии всей родни. Tante Ida, урожденная Oberföll из Achern - оттуда приехал ее брат с женой - необыкновенно красивая чета - пожилые люди, синеглазые, он красиво причесанный, с темноватой бородой, она светлоголовая, совершенно седая, очень свежим лицом. Оба они, прижив семь (десять)

человек детей, [прожили] были всю жизнь в большом ладу и явно [были]

очень счастливы. Дети все уже были взрослые, "с младшей дочерью Mariale"я познакомилась ближе тут же, пару дней до свадьбы. Она была двумя годами старше и выше меня ростом, хорошенькая, глаза и рот как вишни, говор по "баденски", что придавало ей милую, доверчивую простоту. Я, увидав декоративно завитых барышень-подруг невесты, их было шесть - три в розовом, три - в голубом наряде, усомнилась, прилично ли я причесалась, так как я обычно просто еще ходила с косой, - Mariale улыбнулась

с. 144 взглянув на меня "Kannscht scho' zfridde sei". Пиршество происходило в каком-то знаменитом ресторане. Onkel Leibl [загодя] за много недель до этого тщательно, с видом знатока кулинарных удовольствий сочинил меню для свадьбы. Помню: после ряда сытых вкусных блюд, было подано нечто фруктовое, - после чего по опыту дяди желудок гостя мог вновь воспринять столько же яств при полном аппетите и без вреда. Вина я не пила, знаменитое Мюнхенское пиво я попробовала и оставила, а в течение долгого обеда я съела по русской привычке хлеб, при каждом блюде были поданы очень вкусные белые хлебцы "розанчики", в общей сложности их я умяла 9 штук. Немудрено, что вернувшись через полгода домой, я прибавила 20 фунтов; Маня Клемпнер опешила при первой встече, и вглядываясь в меня, медленно произнесла: "нечто чуждое".

с. 145 В большом светлом нарядном зале при ярком свете солнца. Стол был выстроен глаголом во всю длину зала. Все гости были очень нарядны, мои родители отличались хорошим вкусом и как сказать сейчас по-немецки "machten eine gute Figur". Их свадебный подарок состоял из русского ценного настольного серебра, очень понравившагося всем. Дамам за столом были уделены кавалеры, так и возле меня очутился молодой, высокого роста благообразный господин, как я после узнала, жилец Leibl'скаго дома. После нескольких вопросов он умолк, не найдя общей темы. Мы слушали застольные речи, Onkel Leibl старался острить, но он уже по-видимому успел много хлебнуть и из речи в честь невесты и дам - в том числе и розово-голубых барышень, окруживших было его с бокалом в руке, ничего целостного не получилось. Интереснее была старая живая мамаша Beck, свекровь старшей дочери четы Oberfoll, Fanny. Возле мамыши Beck возседал очень важный католический сан - повенчавший в церкви молодых.

с. 146 Духовенству всех стран мира присуще излучение чего-то жуткого, одинаково, что на востоке, что на западе. Чем выше сан, тем более далек путь от души к душе? В данном случае по-видимому это было иначе, - Tante Ida на другой день нам рассказала о разговоре за столом: "Mütter Beck isch' ja keschtlich, - die erzählte von dem zufälligen Vermögenszuwachs während ihrer jungen Ehe - sie hatte nämlich einen An- oder Verkauf von Wertpapieren veranlasst, der besonders günstig ausgefallen war, worauf der hohe Geistliche wohlwollend meinte: Nun, Ihr Gatte hat es Ihnen wohl zu danken gewusst?" "Ja, da hab' ich 9 Monate später meinen Christel geboren." Монах благосклонно молча улыбнулся. Свадьба отзвучала, молодые уехали куда-то в Баварию. На Königinstrasse наискось от нашего дома находилось высшее ветеринарное училище, занимавшее большую территорию с соответствующими помещениями для животных, откуда порой

с. 147 слышно было мычание и ржание, да и лай собак. Однажды ночью Onkel Leibl не выдержал - выскочил в ночном белье на балкончик и завопил не своим голосом на всю улицу: "Polizei, i kann's G'heul nimmer a-shaltn, tut m'r d'Hund weg!" - Убрали воющих и лающих собак. По вечерам мне часто приходилось по желанию дяди читать ему вслух; у него была чудесная большая библиотека и интересов у него было много. Так однажды он пожелал слушать мемуары Chateaubriand в оригинале, причем отметил с довольствием мой хороший выговор (ну еще бы, M-lle Hennon!) и вообще в России любили французский язык и выговор был хорош. Оказалось, что дядюшка был знаком с русской литературой. С усмешкой удовольствия вспоминал он сцены из "Ревизора" Гоголя и "Мертвых душ" и знал вещи "von Turgenew". Однажды он совершенно неожиданно со словом "Schwolotz" с хитрой улыбкой поглядел на меня. Я конечно обомлела, все-таки поняв русское ругательство; он его поддел будучи как-то свидетелем бурной ссоры между его братом и его "дамой", какой-то русской актрисой, предававшейся пьянству. То было давно.

с. 148 Мама хворала. По совету дяди она подверглась операции в частной женской клинике д-ра Ziegenspeck (!). Крепкого сложения баварец, любитель охоты на (дичь). У мамы после первой операции в Москве, протекшей с нагноением, теперь пришлось вскрыть последственный очаг. Все это было правильно, но сделана была ошибка - доктор Ziegenspeck от усердия промыл полость - сулемой! - и получилось почти смертельное отравление, с которым пришлось героически бороться несколько недель. Я навещала маму ежедневно, приезжая на велосипеде в далекую клинику. Мама лежала часто в обмороке, помню, что голова ея мокла на подушке от холодного пота и пульс был плох. Но все-таки странно было, что доктор исчезал порой на охоту и взамен оставлял в лечебнице пожилую акушерку Frau Brandt. Других медицинских помощников мы не видали.

с. 149 Стояла жаркая погода. В доме Leibl на ночь окна были открыты. Вдруг ночью мне послышалось, что кто-то в соседней гостиной тихо крадется в столовую, где утащат серебро, или уже в мою комнату? Неожиданно для меня самой я изо всех сил завопила "Hilfe, Hilfe!" - так, что через пару минут: "Elsa, was isch, was isch" старая чета в испуге очутилась у меня, в фантастическом ночном наряде - в эту же секунду я со стыдом поняла, что я ошиблась, что никого нет, но

дядя, тут я разглядела его, дядя в Lodenmantel внакидку, на босых ногах, со старинной громадной изогнутой саблей в руке с потрясением тыкал ею со словами "die Waffe ist vergiftet" под маминой пустой кроватью. Убедившись, что ничего не случилось, они ушли спать, а я через некоторое время опять услышала таинственное шуршание: то было движение тяжелых портьер по ковру в гостиной при ветре сквозь открытые окна. Вот и все. Мама стала поправляться. Tante Ida приехала за нею со мной в лечебницу. Нас встретил

с. 150 оглушающий лай целого собачьего семейства. Докторские любимцы - породистые таксики, ходившие с ним не только на охоту, но и на ежедневный обход в клинику. В данный момент Frau Brandt с заботой поглядывала на них, они болели паршой, - в Клинике пахло перувианским бальзамом [клиника благоухала перувианским бальзамом].

Мюнхен в те времена был в расцвете, во всех отношениях. Tante Ida интересовалась театром. Она нас пригласила в оперу. Была эпоха поклонения Wagner'у и еще не забыт был трагический конец короля Lüdwig'a. Мы поехали смотреть и слушать Lohengrin'a. У Tante Ida был привычный наемный кучер, издавна возивший ее на ежегодные балы, куда она охотно отправлялась, сопровождая своих племянниц Oberfoll из Achern. Благодаря знакомствам на балах вышли замуж Fanny и в прежние годы Linel. Недавно (по тому же поводу) был вызван этот кучер. Пода-

с. 151 вая экипаж, он чуть оглянулся с вопросом "Welche isch?" "D'Letscht" - последовал ответ T<ante> I<da>. Так и было. Mariale в следующем сезоне вышла замуж за богатого предпринимателя в Pirmasens. Брак на сей раз был неудачен. Mariale убедилась в неверности мужа. Она рано умерла.

Опера Lohengrin была прекрасно поставлена, мы наслаждались и музыкой и пением, но Tante Ida после с досадой отметила настойчивость вопросов Els'ы, "опять испортивших всю высокую миссию чудесного Lohengrin'a - "Es ging alles so schön, nu'kann das Weib den Mund nicht halten!"

Onkel Leibl с некоторых пор как-то начал вянуть, или же внезапно раздражаться. Он обычно любил плотно покушать и запивать добрым литром знаменитого мюнхенского пива. А тут его однажды непосредственно после еды за столом стошнило прямо на скатерть, слезы потекли из его глаз. Мы не успели встать от стола. T<ante> I<da> и прислуга

с. 152 Marie все с утешающими словами быстро все убрали. Но доктор Leibl, очевидно давно подозревавший свою болезнь, тогда окончательно убедился в своем диагнозе (рака желудка) и зачастую душевно протягивал маме свою изящную руку со словами : "Elis', i wer' ni mehr", или: "Gel', Elis; Du bist mr nit böß?", как бы прощаясь с нами или с жизнью вообще. Ему в самом деле недолго оставалось жить. Известие о его кончине пришло полгода после нашего возвращения в Москву.

Наряду с этим встает в моей памяти образ домашнего репетитора Otto Leibl - Herr Daller, приходившего часто в обеденное время. Tante Ida, зная о бедственном положении этого высокоодаренного филолога, по болезни покинувшего университет, часто приглашала его к обеду. И тут мы воочию

убедились в трагедии его жизни: судьба возложила на его тощие плечи Multiple Sklerose, болезнь до сих пор еще загадочную, симптомы которой бывают очень характерны, - в данном случае они мне запомнились на всю жизнь.

с. 153 Прислуга Marie, миловидная девушка лет 25-ти, уже седьмой год как верой и правдой служила у Leibl. У нея был жених - почталион, оба терпеливо копили деньги, и теперь замужество казалось осуществимым. Но Tante Ida не отпускала, вероятно потому, что мы вдобавок там длительно гостили. T<ante> I<da> замечательно умела готовить, и Marie всему этому хорошо научилась. T<ante> I<da> растила много комнатных цветов; она лично таскала пальмы, фиговые кусты, елки араукарии и мн. др. на балкон под теплый дождь или наоборот - оттуда из-под горячаго солнца назад в комнаты. Мне поручили вытирать пыль с мебели. В столовой на широкой полке буфета был для красоты расставлен кофейный сервиз Мейсенскаго фарфора, его надлежало ежедневно вытирать. T<ante> I<da>, однажды услышав, как скользнула драгоценная чашечка из моих рук, но, слава Богу, не пострадавшая, все-таки запретила мне, к моей радости, трогать весь сервиз.

Помню, как при этом занятии я вытряхивала ежеутренно мою пыльную тряпку на балконе и ежеутренно шагом двигались по улице баварские солдаты "Die schwarzen Reiter", кажется, артил-

с. 154 леристы из недалеких казарм? - иногда с музыкой. Один из солдат увидел мое движение тряпкой и, к моему смущению, с фамильярной улыбкой отдал честь - козырнул. Я больше не выходила на балкон при грохоте солдат...

Отец уехал домой в Москву. Мама настолько оправилась от операции, что согласилась съездить с T<ante> I<da> в Achern, [в родной городок] на родину, малый уютный городок с большими фруктовыми садами; там жил ея брат Oberfoll со своей семьей. Мы очутились вроде как в именье, в просторном барском доме, окруженном огромным фруктовым садом, в соседстве с ним находилась ликерная фабрика, где работал с отцом? один из сыновей Oberfoll, Karl Мы его видели - шумливаго молодого самоувереннаго человека, повидимому склоннаго к шуткам - не всегда уместным - он входя к нам, мы сидели со стариками, зашагал странно махая руками, неровно и как бы нечаянно стучаясь об стулья и стол, причем вслед за ним приближалась Ida, его сестра,

с. 155 чуть постарше его, именно такой же походкой и с тем же движением рук. Ida полуслепая, в очках, как бы Богом обиженная "старая дева" именно этому брату Karl обязана была своей тяжёлой судьбой - в юности он в шутку держа булавку вблизи ея глаз, что-то крикнул ей в ухо. Ida дёрнула головой, и булавка грубо поранила её глаз, со всеми грустными последствиями. Этот Karl много лет спустя соблазнился уже работая самостоятельно, на фальсификацию в винном деле, был уличён и понёс наказание - вот "злонравия достойные плоды..." - сказал бы летописец.

Старшая сестра его Fanny мне была знакома с детства по фотографии в нашем родительском фамильном альбоме в Москве и рассказам мамы - на карточке кабинетнаго размера снята приблизительно 7-ми лет девочка, лежащая на животе, протянув ноги на бархатном диване в хорошем белом платье с белым бантом в волосах, рукой подпёрши голову, смотрит большими грустными глазами

из очень бледного лица. Долгие годы девочка хворала туберкулёзом позвоночника, протекавшим с длительным осложнением - под названием "Kalter Abscess". Выходила ее лишь Tante Ida -

с. 156 овдовевшая после смерти ее первого мужа Franz-Lorenz Ramelmeyer. Она с большим терпением и любовью посвятила 8 лет на уход за этой больной племянницей, соблюдала все назначения врача и утешала плачущую "Oh, Tante, mei' Bickele tut mir starg weh'..." и победила - редкий случай в те времена: Fanny выздоровела, хотя с чуть заметной деформацией спины и непременным ношением особенного корсета. И вот эту самую Fanny Tante Ida позднее вывозила в "свет" - знакомым нам экипажем. Барышня была очаровательна, умна от природы и образована, одевалась с большим вкусом - и она очень удачно вышла замуж - за Christian Beck - сына вышеупомянутой Mutter (u. Vater) Beck. Семья Beck, предприимчивая по характеру, держала интересный богатый магазин* в Мюнхене на Diemerstr. *портняжного приклада со всевозможными вариациями украшений дамских нарядов и украшений комнат - в том числе там

с. 157 изготовлялись шелковые подхваты и кисти для оконных занавесей и дверных портьер. Фирма Beck в свое время стала поставщиком дворцов Hohenschwangau и Neuschwanstein короля Lüdwig'a и, вероятно, приумножила свое состояние. В Achern мы провели несколько дней. С Mariale мы играли на рояли в четыре руки. "Was woll'n mer spiele? Gel' den Haydn, der isch' nämlich elend-klassisch"! Играли мы и в теннис. Тут присоседилась барышня постарше, Marie Fachon , с мамашей, урожденной Weickgennant, дальней родственницей моего отца, недавно овдовевшей, очень живой элегантной дамой. Marie приезжала на волосипеде в сопровождении явно в нее влюбленного кавалера - Leutenant Handschuh - с которым она лишь шутила; это не нравилось моей маме. Для женитьбы офицер в те времена обязан был владеть определенным капиталом. Leut. H. этого не имел. Marie, склонная к светской жизни, вскоре вышла замуж за другого кавалера, видимо, по расчету.

с. 158 Мы распростились с гостеприимным семейством и поехали в Kurpenheim, место рождения моего отца (1853 года). Он был старший из пяти сыновей (Karl, Emil из первого брака моего деда Franz-Lorenz R<ammelmeyer> с Emilie Goetz из Lustenau или Lichtenau [Hessen?] - одна из пяти дочерей "des Privatiers ... Goetz". Эти барышни Götz повидимому получили хорошее образование. Emilie меня с юных лет очень интересовала не только потому, что ее портрет масляными красками однажды, еще в Кисельном переулке (дом Морозова), был прислан папе от Tante Ida. К сожалению так неловко или небрежно был он упакован вместе с огромной куклой, одетой между прочим в старинное длинное белое крестильное платье с кружевцами [унаследованной потом Женечкой, дочерью Карла], что голова ее продавила холст картины и рот лица в портрете понес трещину. Милый жест - подарка куклы для меня - не компенсировал повреждения портрета. Я, между прочим, в куклы почти не играла, но "Изольду" я усаживала для декорации возле

с. 159 маленького детского комодика. Отец и мать очень огорчились при виде испорченного лица. Мачеха Ida вероятно получила вослед неожиданный

письменный "реприманд" от моего отца. Юлий Рис помог исправить портрет - в его родне оказалась художница, очень удачно сумевшая это исполнить. Она между прочим отметила высокое качество художника. На темном фоне изображена сидящая молодая женщина, темноволосая, причесанная по старинному на пробор. Добрые темнокарие глаза смотрят спокойно и внимательно. Очарователен был овал лица, едва уловимый румянец щек, круглоплечий изящный стан в шелковом сером платье и благородная форма спокойных рук.

От Emilie Götz сохранились дневники, писанные гусиным пером и пара тетрадей с выписками стихотворений на четырех языках из различных эпох. Помню, в одной тетради на сероватой бумаге строку, 17. Januar 1853: Heute habe ich meinen Karl geboren. Да, еще последовал мальчик Emil и уже оборвалась юная жизнь Эмилии - она заболела "am typhösen Fieber" (вероятно по нынешней номенклатуре "грипп" и скончалась 23-х лет.

с. 160 Мой дед Franz-Lorenz Rammelmeyer, выросший в католическом местечке Kuppenheim (5 000 жителей, NB - когда Goethe впервые увидел Weimar - там было 3 500), в доме родителей, владевших несколькими участками земли и рестораном "Zum Ochsen", владелец так и назывался Ochsenwirt - Franz Lorenz унаследовал и еще приумножил это имущество. Его первая женитьба на лютеранке Emilie Götz не понравилась в Kuppenheim'e, но еще менее нравилось, по рассказу отца, что явно он стоял против католичества; он допустил появление плаката в стенах его ресторана, как однажды мой отец нам рассказал, текст которого возмутил посетителей [население]. Изображен

с. 161 был поезд на всех парах, с надписью "Progress", а на пути видна фигура католического священника - машинист в виду крайней опасности оглашает "Hebet Euch hinweg, Priester, ich kann den Zug nicht aufhalten". Дед Franz Lorenz был также известен поддержкой движения 1848 года, охватившего тогда южную Германию. В результате он был исключен из католической церкви, меж тем как на улице двигались толпы с пением : "Blut muss fließen, knüppeldick, Es lebe die rote Republik."

Franz-Lorenz R. вскоре женился повторно, на сей раз на католичке из Achern - Fanny Oberföll - ея фотография мне запомнилась: стоит дама в кринолине в продолговатой шляпе с пером, лицо с усиками и видными бровями. В одной руке она держит охотничье ружье (стоймя), в другой меж пальцев приз - плакетка - вероятно [повидимому] было успешное состязание стрелков.

Fanny Oberföll тоже недолго жила на свете. Захворала той же горячечной болезнью и в той же комнате, где умерла Emilie Götz, скончалась. Чувствуя кончину Fanny молила мужа и сестру свою - Ida - ради сирот - (их) прибавилось еще трое сыновей - Louis, Ernst и Otto - вступить после ея смерти в брак. Кто-то рассказывал, что умирая, Fanny соединяла руку мужа с рукой Ida , и что Ida , вышедшая замуж, сказала: "das Sterbezimmer betrete ich nicht". Ей было тогда лет 25, детей у нея из этого брака не было. Один из сыновей - Louis болел сердцем

с. 162 Он умер в юношеском возрасте. Мой отец с братьями ходили в школу в Rastatt и оттуда привозили в тачке (?) припасы для ресторана "Zum Ochsen". Мальчики были воспитаны в строгости, жили они в верхнем этаже их дома,

вероятно без отопления - отец упоминал, что вода в умывальнике почти замерзала. Они в воскресные дни ходили в католическую церковь и там прислуживали у алтаря и пели, и участвовали в крестном ходу в большие праздники. Жили они в достатке. По тем временам баловства не было, напр<имер> сахар им давали лишь по воскресеньям (и хорошо поступали, как мы увидели впоследствии - сейчас 1/3 населения? страдает диабетом). Отец мой с благодарностью вспоминал главного своего учителя Herrn Stephan, который ему много дал (в Rastatt).

Вот, мы - мама, я и Tante Ida приехали в Kuppenheim, пришли к дому zum Ochsen - он и по сей час стоит - приятный 2-х или трехэтажный, акуратный, на углу улицы, с той же надписью. Мы вышли во двор. Там стояла прежняя

с. 163 пристройка обшитая крепкими досками. К нашему удивлению в них были видны дыры, явные следы стрельбы. Tante Ida указав на них, сказала: Das waren die Kartätschen von 1848 (?) – То самое, что произошло в Берлине - "der Kartätschenprinz - по приказу Wilhelm'a I была открыта стрельба в толпу делегатов, направлявшихся ко дворцу...

Мы были и на кладбище, где сохранился памятник с датами, деда и его двух жен, и могилы его и его двух жен. Недолго Ida хозяйствовала в Kuppenheim - Franz Lorenz продал ресторан вместе с 10-ю участками его земли - не странно ли, что в 1969 году мне суждено было (почти 120 лет спустя!) навестить этот уголок земли и прошедши по первой же улице наткнуться на старого мужчину в темном осеннем пальто с каплей на кончике носа, давшаго нам справку о кладбище и ресторане "Zum Ochsen". Он в разговоре тут же сообщил, что его тесть именно и скупил у Rammelmeyer 9 участков его земли.

Franz Lorenz R. с семейством пе-

с. 164 реехал в Karlsruhe и открыл там большой ресторан и гостиницу "Adler", знаменитый впоследствии винным погребом. Tante Ida деятельно помогала мужу в надзоре над хозяйством [предприятием]. Насколько знаю, моя мама уже позднее была знакома и потом тайно помолвлена с моим папой еще в Оффенбахе, приезжала или была одно время в Карлсруэ под рукой Tante Ida, [приглядываясь к хозяйскому обиходу в доме жениха]. Портрет Franz Lorenz с женой Ida висит у наследников в Heidelberg'e. Видный достойный мужчина лет за пятьдесят очень хорошо одетый, в бакенах времен Вильгельма I., хорошо прямо сидит в достойном старинного стиля кресле. Видны хорошей формы ноги в элегантной обуви. Жена Ida, молодая дама значительно моложе и ниже ростом, легким движением руки прикасаясь плеча мужа стоит рядом (с ним) в дорогом платье тяжелого шелка с туникой обрамленной бахромой, в подбор, с "треном", волосы в высокой прическе.

с. 165 Нелегкое, наверное, то было дело - на месте Tante Ida воспитывать пятерых сыновей мужа. Когда мой папа отбыл воинскую повинность (1871 ?), дед, заболевши вскоре умер (от ущемленной грыжи - был оперирован, кажется, слишком поздно, значит, скончался в страшных мучениях по тому времени). Как я теперь - столетием спустя, полагаю, богатое наследство в Karlsruhe целиком попало в руки вдовы - Tante Ida. Это решило судьбу всех сыновей - двоих - Emil, родной брат моего отца, и Ernst - из второго брака (Fanny Oberföll) были направлены в Америку. Мой отец получил чуть ли не тут же на похоронах - в Кур-

penheim - предложение некоего Chudorosky поехать в Петербург и там участвовать в табачном предприятии. Отец, огорченный создавшимся положением в родном месте, охотно принял предложение и покинул Германию. Этот факт решил судьбу мамы и нас, детей, - мы родились и выросли и учились в России.

с. 166 Нашу поездку на свадьбу в München мы завершили посещением замков, созданный последним баварским королем Ludwig II, трагически погибшего в озере Starnberger See. Память об этом событии была еще очень заметна во всех слоях населения и конечно особенно ощущалась в местах Hohenschwangau и еще более в Neuschwanstein. Там меня и маму очень поразила красота высокой скалы, на которой возведен замок. При виде ее нам странно было представить себе, что можно было пешком туда взобраться - но мы добрались - не помню, кажется, в экипаже. Очень большое впечатление от торжественной тишины в здании и сильного шума грозного водопада с соседней скалы, видной из окон замка. В каком сказочном мире пребывал одинокий молодой красавец-король, погруженный в музыку и образы Вагнера. Tante Ida и я с мамой были в тот день единственные посетители замка. Нас внимательно осведомлял один из очень достойных служащих замка, водивший

с. 167 нас по роскошным залам. Много видно было особенностей - золотые громадные подсвечники со свечами, особенный паркет, везде, обеденный стол автоматически погружаемый в почти подземную кухню и обратно. Король соблюдал строгое одиночество в точнейшем смысле. - (на днях я прочла книгу Sutherland, Verlag Tübingen "Cosima"). Он был погружен в музыку и мир Вагнера и видимо временами сам в своем сказочном замке олицетворял героев того мира. Некоторые помещения в замке содержали картины и сценические устройства для постановки Вагнеровских опер - единственный зритель их был лишь один король. Tante Ida сообщила нам, будто оперу - кажется, Rheingold - вывели с настоящей водой (?) и одна из артисток не то произвольно, не то нечаянно бросилась [упала] в воду в присутствии короля - он ей не помог, с возмущением покинув зал... Показывали нам и опочивальню короля, там слышен был и из окон виден был пенящийся грозный водопад. Особенно запомнилась кафедра [молельный престол] (за которой [-ым] молился) король [короля].

с. 168 А в заключение мы видели для нас интересные шелковые украшения на портьерах и оконных занавесах в виде кистей и бахромы - сработанный фирмой Beck - тех самых Mutter und Vater Beck с сыном Christel Beck(с женой Fanny), о которых была речь. Покидая замок мы еще видели сани короля, в виде [форме] лебедя. Король в них ездил совершенно один. В мыслях был он пожалуй Лознгрин?

Наступила осень. Вернувшись в Мюнхен, мы вскоре ознакомились с обычным баварским празднеством "Oktoberfest". Качели, музыка, катанья, пивные павильоны, шутки и смех добродушной толпы (из) всех слоев общества. В эти дни публика охотно одевалась в национально баварском стиле. Помню группу студентов-корпорантов в форме со значками - вдруг пошел дождь среди солнечного дня - жалея хорошее темно-синее шерстяное платье на подкладке "changeant" - розовосиней, я схватила подол юбки и накинула его сзади на манер

русских баб на голову и тем вызвала к великому моему конфузу смех и восклицание студенто^в:"Das ist schön! -Tableau."

с. 169 Этим Oktoberfest мы кончили нашу заграничную поездку, распростились с нашими родственниками, отчасти с грустью, видя болезнь Onkel Leibl - он в самом деле умер через несколько месяцев. Наша поездка домой мне как-то не запомнилась. Я больше занята была размышлением над моим будущим. Глядя на ученье Onkel Leibl в гимназии, достижение аттестата зрелости - для меня стало ясно необходимо, а пути к этому нет в Германии для меня. А есть ли для меня путь дома?

Возвращение в Москву. Дмитрий Винокуров и его товарищи. Большой театр. Первый поцелуй с Митей. Непонимание с родителями

В Москве я в разговорах с Маней Клемпнер узнала, что открыты "Высшие женские курсы" профессором Герье, куда она уже поступила - на факультет естественных наук, что есть там и математическое и филологическое отделения. Преподаватели были те же, что в Московском университете. Запись на курсы была уже закрыта, оставались шансы лишь на будущий год.

169а 1900. Лекции в Политехн<ическом> музее.

2) Екатерина П.

3) Петр I - проф. Кизеветтер

Дружба Франца с Димитрием

Они раза два вместе мне писали еще в Мюнхен. "Но от чего же он подпрыгнул?" Отто, Фр<анц> и Димитрий еще ходили в училище. Д<имитрий> часто нас навещал с ведома, но без позволения родителей.

В фотограф<ическом> предприятии Песчанскаго училась ретуши. Училась шитью платьев на углу Тверской в "Обществе распространения практич<еских> знаний среди образованн<ых> женщин." Интересные дамы. Здоровье мамы очень

колебалось, было много нервности и крика в доме на прислуг, на нас подростков детей. Папа терпеливо нес это.

Д<имитрий> ходил на Ильинку в "амбар" - наследие его отца, где работали прикащики еще времен Федота Герасимовича (человек 7 и конторских мальчиков 4).

Дим<итрий> проходил как раз последний класс Практ<ической> Акад<емии> Коммерческ<их> наук - и знал и понимал в теории торговли и промышленности больше чем средний современный студент. Он много читал о тред-унионах, интересовался рабочим движением в Англии, добывал книги, уже запрещенные в России, о социализме. Читал Толстого, "графские сочинения". Как ему однажды какой-то сомнительный прохожий назойливо протягивая дешевое издание Крейцеровой сонаты, стараясь соблазнить юношу мнимой порнографией. В кругу его товарищей были ученики Александровскаго Комм<ерческого> Училища братья Рахмановы, Мих<аил> Ченцов, Ник<олай> Таланов.

с. 170 Братья Рахмановы из староверческой семьи, сыновья зажиточного старого верующаго купца, требовавшего ежедневной молитвы в домовоой церкви. Виктор, горячий, восторженный высокорослый юноша, темноглазый и темноволосый, с большим открытым лбом переживал кризис в религиозном мировоззрении, он искал справедливость Бога и правду в жизни. Толстовский анализ церковных обрядов, граничащий с глумлением [доходивший до глумления] над (православноой?) церковью дал ему последний толчок к окончательному разрыву с отцом. Виктор покинул

с. 171 родительский дом навсегда, к большому потрясению родителей. У Виктора был друг в том же училище, Михаил Ченцов, к которому он взирал с восторгом. Ченцов, высоколобый, узколицый, худощавый брюнет, привычно точно мыслящий и аккуратно работавший, имел очевидно на всех товарищей решающее влияние, в том числе и на Димитрия. Но главным источником критического мышления и возникновения революционных идей этой молодежи являлся учитель Николай Павлович Цуриков, (уч<итель> русской словесности того же училища). Он возбудил внимание юношей и интерес и холодное знание истории Российской Империи и истории ее литературы. Сам Цуриков, захудалый дворянин, был направления народолюбцев, почитатель Герцена, сознательно, но осторожно в училище направляя своих учеников в "критическое сознание" был уже годами тайно под наблюдением местной полиции, но повидимому, всетаки потихоньку устраивал собрания молодежи на предмет дискуссий. Холостяк Цуриков жил с матерью Варварой Петровной. В те годы московская публика увлекалась музыкой и театром. В знаменитом Большом театре выступали выдаю-

с. 172 щиеся дирижеры. Оркестр (кажется в 90-100 человек) был высокога качества. Члены его были различнаго национальнаго происхождения, но обязательно русскаго подданства. Евреев не было, разве лишь исключением, притом крещенные. После 1905 года, -? дирижировал там некий Купер (говорили, смеясь, "Филемон Купер", вспоминая книгу Ф<енимора> К<упера>). Параллельно возник огромный театр неподалеку с Большим, - говорили на 300 мест больший, построенный купцом Солодовниковым. [Там впервые в Москве выступил и получил ангажемент молодой, еще неопытный певец - Федор Иванович Шалапин.

Помню, как мой учитель музыки Э.Э.Дитрих пренебрежительно о нем заметил: "Да, господин Шляпкин, что за манера петь."] В Большом чудесно пели бас Власов, баритон Хохлов - помню, какое было волнение в публике - как один восторженный студент при аплодисментах в честь Хохлова, стоя в самом верхнем этаже на стуле, потеряв равновесие свалился в партер. К счастью, он попутно задел за канделябр одного из этажей и крича "Хохлов, браво!" сломал лишь бедро. Какие голоса! Контр-альто Евгении Ивановны Збруевой, меццо-сопрано Марковой, а в последующие года звезда-тенор Леонид Витальевич Собинов - человек исключительный во всех отношениях благородный, талантливый,

с. 173 высокой культуры. Хорошаго роста, блондин с правильными чертами лица, большим обаянием всего его существа. Юрист по образованию, дворянин по рождению и воспитанию, он внес своим участием в труппе, стоявшей и до того на высоком этическом и эстетическом уровне, как труппа Императорского Театра, особенное благородство и блеск той эпохи (в жизни театра). Энтузиазм публики рос (не мудрено, что) дамы, стар и млад боготворили особенно Собинова. В те годы вообще русская публика увлекалась искусством, об этом речь впереди. Цурикова-мамаша так восторгалась, всегда посещая выступления Собинова, что познакомилась с ним лично и кончила тем, что оставила сына и поселившись у Собинова, вела его хозяйство долгие годы, кажется, до самой ея [своей] смерти. Этих восторженных дам называли психопатками. Злые языки рассказывали, будто в порядке такого энтузиазма знаменитому пианисту Иосифу Гофману в Петербурге

с. 174 дамы на память вырезали кусочки из его фрака, к величайшему огорчению и смущению артиста.

Помню и драматического тенора Фигнер - в "Паяце" Леонкавалло - "Смейся паяц" - вся публика потрясалась, или в "Кармен"... Хороша была и Азерская там же... Да, но Фигнер, либеральная публика не прощала, что он, будучи артистом императорских театров, не хлопотал при дворе об облегчении участи "героини" - его сестры - Веры Фигнер, отбывавшей наказание за полит<ический> проступок (соц.-рев.) в одиночном заключении Шлиссельбургской крепости.

Хорош был хор Большого театра, и знаменит был всегда балет - в Петербурге блистали Павлова и Кшесинская, у нас в Москве - Анна Андреевна Рославлева - которую мне довелось увидеть лишь в гробу. Странно, но об этом речь позднее.

с. 175 Мама и я не ладили друг с другом - меня раздражала мамина мелочная взыскательность в ежедневном обиходе и непонимание моей цели быть врачом. Мне было тяжело сознавать унижительное мое положение - без определенной цели проводить время. Был бы у меня в руках мой гимназический диплом - я бы, как Витя Рахманов, ушла бы из дома. [Документ этот хранился в отцовском несгораемом шкапу под ключом - у меня не было смелости выпросить его себе.] Я слышала, что он укрылся у одной знакомой барышни - "Аси" Збруевой - (Марьи Евгеньевны) - тоже покинувшей родительский дом и жившей уроками и шитьем. В ту пору я не знала, что родители Аси, образованные люди, кажется дворяне, кончили алкоголизмом и рано умерли. Асин брат, одаренный естественник-студент жил запоем. И я еще не видела, но знала от Мити, что она отличалась хорошими гимназическими познаниями и была остра на язык. Митя к нам захаживал все чаще. Шли длинные разговоры на философские темы с Карлом.

В доме Цыганова на углу Мясницкой

с. 176 и Златоустьинского переулка, мы "дети" обитали во втором этаже нашей большой квартиры в трех просторных комнатах, но потолки были немного ниже, чем в первом этаже, оттого у нас было уютнее чем внизу. Франц в то время охотно играл на скрипке. Как-то слушая его - помню, он играл песню "Lied an den Abendstern" Тангейзера, Митя и я сидели тут же на широком подоконнике и заслушавшись поцеловались, да так душевно, что Франц всплеснув руками растерянно воскликнул: "Батюшки, они целуются!", а Митя в тот же момент спустил темно-красную оконную штору перед нашими лицами [нами], в некотором счастливом конфузе. С того часа нам обоим было ясно, что мы друг друга давно любим. Оба мы овзростели.

Уход из дома. Знакомство с матерью Дмитрия. Помолвка. Приготовления к свадьбе

Как-то мама в ту зиму переживала раздражительную сла-

с. 177 бость здоровья, много кричала на прислугу и на нас детей. Однажды требовала, чтобы наша горничная меня всегда провожала на улице, иначе мама считала, что не соблюдается приличие. Меня взорвало негодование, я ответила (вероятно) дерзостью, на что получила пощечину. На другой день я покинула родительский дом, сказавшись об этом только Францу. Помню, я захватила гребенку, полотенце и зубную щетку. Наша милая старая Ирина (кухарка) видела мое потрясение, с пониманием отнеслась к моему решению и сдержала мою тайну, как и брат Франц.

Асю я застала дома, вероятно через посредство Дмитрия. Ася - маленькое худенькое существо с мелкими чертами лица. Особенно поражали маленькие острые глазки без ресниц и без бровей, личико без щек, сравнительно большой, но безгубый рот и уходящий подбородок. Она протянула худенькую ручку и улыбнулась старческой улыбкой. "Ну, как-нибудь устроимся".

с. 178 Там я провела томительных три дня, не зная, что будет дома и ожидая Дмитрия, решившего посоветоваться со своей матерью. Спала я на полу, за недостатком кровати; ели мы скудно, рубленые котлетки и пили пустой чай. На другой день пришел Франц в подавленном настроении, сообщив, что родители в ажитации, спрашивали его, где я нахожусь, справки он не дал. На третий день пришел Дмитрий. Варвара Александровна, его мать, дала согласие на его женитьбу и ждет нашего приезда. Вот мы и приехали в Замоскворечье, мне до сего незнакомой части города, в Спасо-Наливковский переулок, дом № 14, направо за угол с Малой Полянки, второй дом. В доме, во втором этаже царило праздничное

настроение по случаю чьих-то именин - Митя меня провел к матери в гостиную. В кресле сидела изжелта бледная дама, явно чахоточная. Она приветливо

с. 179 но серьезно на меня взглянула и протянула слабую очень белую руку со словами: "Конечно, Эльза, надо вернуться домой". Я: "Это мне сделать трудно. Мне тяжело жить дома, и я не знаю, что меня ожидает". Варв. Ал.: "Помяни, Господи, царя Давида и все кротости его" - так дома и скажи; Митя тебя проводит. А покамест, пойдем чай пить". Мы прошли в столовую, где уже сидели все четыре сестры Дмитрия, несколько мальчиков помоложе - двоюродные братья - один из них как раз именинник, и за большим самоваром старушка в чепце Марья Федоровна, дальняя родственница, жившая при семье В. Помню, за ужином В.А. усадила меня рядом с собой и лично помазала маслом для меня кусок белого хлеба; мне было страшновато принять его из рук больной. Но я это скрыла. Дмитрий меня проводил опять к Аське. И на другой день, по воле В.А. Дмитрий и я - конечно в сильном волнении, приехали к моим родителям. Встреча с родителями [ними] произошла

с. 180 в столовой. Мы застали их вместе. Мама лежала на кушетке, отец взволнованно ходил по комнате упрекая меня в "скандале". Дмитрий со словами "Так ведь Эльза жить дальше не может" или "Ведь это так продолжаться не может. Я предлагаю женитьбу" - Отец растерянно воздел руки и произнес первые попавшиеся на ум слова "Разве ты можешь содержать жену?" - слова, как потом я услышала от Д<имитрия>, его сильно обидевшие. "Ведь Твой отец хорошо знал о моем состоянии", и отцу лишь кратко ответил "Да, конечно". Выяснилось, что мы уже имели согласие В.А., и что отец поедет завтра к ней для переговоров. Д<имитрий> и я пошли вверх к Францу с Отей. Мы их огорошили нашей новостью - планом женитьбы, но вместе с тем они радовались большему укреплению старой обоюдной дружбы.

Отец съездил к В.А. и убедился в серьезности нашего решения. Впоследствии мы узнали, что

с. 181 отец, странным образом, в разговоре с В.А. вставил свое сомнение: "она его не любит". - Но это ничего не изменило. То было 9-ого марта 1901 года. Митя и я отправились в Кремль; был холодноватый день. При входе сквозь Спасские ворота полагалось снимать шапку, там висела икона; извозчик наш перекрестился. В то время взоры москвичей, да и всех русских людей были устремлены на царя Николая Александровича - от него ожидали реформ, прежде всего, конституционной монархии. При нем был торжественно открыт (воздвигнут) памятник царю-Освободителю Александру П, в память освобождения крестьян от крепостного права. Мы пошли посмотреть. Царское изображение во весь рост, в мантии, с манифестом в руке, стоя на гранитном цоколе, с открытой головой нам понравилось. Фигура стоит на фоне гранитной галереи в форме глагола, мы вступили на первые ступеньки, чтобы рассмотреть потолок с художественными мозаичными портретами всех Рюриковичей (и Романовых?). Но едва мы вступили, нас грубо остановил не замеченный нами сначала часовой солдат - в шинели и с ружьем, что обозрение воспрещено. Дмитрий возразил - это должно быть написано - "на лбу должно быть написано"

с. 182 был дерзкий ответ, очень возмущивший Дмитрия. Я поспешила повернуть с ним домой. 20-ого апреля того 1901 года мне исполнилось 18 лет. Дмитрий пришел с поздравлением и со словами: Мать велела так поступить надел мне золотое кольцо с чудесно играющими голубыми синими и красными огнями бриллиантом (Я его ношу по сей день. Мне не снилось, пока 74 года!). Кольцо это было выбрано его дядей Федором Ивановичем Гетенко, служившим у ювелиров Монины и Щеклеева, староверов, имевших магазин в "Новых Рядах" - знаменитом громадном здании у [на] Красной площади, только что отстроенном в дополнение "Старых рядов". В нынешнее время - в культурной и материальной скудости большевистской эпохи Москва

(с. 41) гордится этим зданием и выдает его как свое творение - Государственный Универсальный Магазин - "ГУМ". Гм!

(с. 40) Неделю спустя я, по желанию родителей ответила Мите тем же, но бриллиант был поскромней, а оправка потолще, как полагается для мужского кольца, и изображала кончики листьев и головки камыша. - Оно тоже сохранилось: у Наташи - 55 лет спустя.

с. 183 В.А. в этом полугодии решила не уезжать в Крым, а лишь жить с семьей возможно дольше на даче, в сухом дачном месте рядом с Малаховкой - в Томилине по Казанской дороге. А мы еще не собирались на дачу. Кажется как раз в эту весну папа собирался купить дачу по Ярославской жел<езной> дороге на станции "Клязьма". Со дня моего рождения [С 20. апреля] до дня свадьбы 25. мая 1901 года оставалось мало времени для приготовлений к свадьбе. Разговоров с родителями у меня почти не было в эту пору. Помню покупку материи на мое свадебное белое-крем платье - в пассаже у Сапожникова, шелковую подкладку, вуаль... и заказ шитья платья в мастерской одной французской дамы, не говорившей по русски, удивившейся моей молодости. Белье "приданого" заказано было из "голландсаго" полотна в белошвейной русской мастерской. В те времена пуговицы были перламутровые, и петли шились рукой (не машиной, как нынче). Помню, как хозяйка, проверявшая работу швей в разго-

с. 184 воре сделала движение рукой, которое очевидно было понято как грозящая пощечина - девушка привычным жестом отдернула лицо в сторону... а хозяйка на сей раз к тому вовсе не собиралась [к счастью]... У меня странным образом еще сохранились до сих пор [из этого приданого] пара столовых салфеток и огромная белая скатерть на 12 персон с моей монограммой. Чудеса!

На утро мы поехали в Томино. Там нас встретил Дмитрий, до дачи идти было недалеко. На балконе сидела В.А., закутанная в светлосерый пуховый платок, бледная, со впалыми щеками, очень трогательно [внимательно] глядевшая влажными большими светлыми глазами на пришедших. Четверо сестер Дм<итрия>, все в нарядных платьях, старшая Маня, отличавшаяся хорошей фигурой (корсетной) в светло-розовом, Вера менее эффектно в чем-то светлом, взволнованно кашлявшая

с. 185 и в течение праздника совершенно осипшая, с красными пятнами на щеках. Олю и Кланю я как то в тот день не запомнила. Но вот надо было готовиться к венчанию, причесаться! У меня были очень полные большие русые волосы. Я носила сплетенную длинную косу, зашпиленную двойным кругом на

затылке толстыми роговыми шпильками. Парикмахера не было. Всем казалось, что нужно на моей голове сделать что-нибудь другое, особенное. За это брались по-очереди двоюродные сестры Мити Гетенко и Егоровы... но никто не смог устроить что-нибудь путное, и кончилось тем, что я опять причесалась сама. Вуаль и венчик хотя и с волнением все устроилось. День был и по погоде праздничный светлый и теплый. В.А. скупил с ближайших деревень очень много ландышей [-дышевых букетов] - нас с балкона и в открытых комнатах дачи охватил дивный аромат - он так и остался в моей памяти о дне моей свадьбы - пахнет ландышами и всюду стоят букеты. В.А. по болезни осталась дома. Перед отъездом в церковь Митя и я наклонились

с. 186 перед ней, подошедши под ее благословение с иконой Николая Чудотворца; получив ее поцелуй, поклонились мы и моим родителям и в заботе о появившихся уже гостях тут-же резво засуетились. Увидав нашу молодость и резвость, В.А. с улыбкой произнесла: "Высечь-бы вас сначала следовало!". На что мои родители согласно поддакнули. Был уже слышен из деревни Тарасовки церковный звон. Подана была четырехместная открытая кучерская коляска, предоставленная хозяином Томилиным - в ней поместились я с родителями - и тихо покатали открытой полевой дорогой. Нам вслед двигалась линейка - в ней сидели Димитрий с товарищами - человек восемь, среди них Витя Рахманов и Михаил Ченцов, а также и учитель Николай Павлович Цуриков. Пару недель до того Митя со мной [Митя и я съездили] съездил с визитом к Ник. Павл. Он жил в доме Котова в Машковом переулке с матерью Варварой Петровной по-холостяцки, хотя был

с. 187 в связи с дворянкой Екатериной Александровной Черемисиновой, кажется тоже учительницей. Мы с ней тоже познакомились; запомнилась мне ее высокая фигура и речь в нос при сомкнутых губах. От этого визита у меня осталось ясное впечатление, что я тут сижу на поглядение - какое-мол мнение обо мне создастся у Ник. Павл., и было чуть-чуть жутко как на экзамене, сидеть перед этим сорокалетним сухощавым мужчиной, качавшим носком ноги и смотрящим серьезно-внимательно мне прямо в глаза. "Да, и как же, Вы в самом деле изучать медицину хотите"? - Я в ответ, споткнувшись на его слове "хотите": "Хочу" - "хочу"... Так мне было неловко, но я все-таки справилась и закончила фразу: "надеюсь поступить в "Высшие женские курсы (Герье) на естественный факультет". Дельные ответы и серьезность обращения понравились Цурикову и к концу нашего посещения он очевидно подтвердил решение Димитрия.

Свадьба. Дом Винокуровых в Москве. Отец Дмитрия. Принятие российского подданства. Запись на высшие женские курсы

У церкви нас уже ожидали "жених" с

с. 188 его товарищи и гости и деревенский народ, как водится тут же собрался [-вшийся] толпой. Помню, что сестры Дм. с любопытством следили, кто из "молодых" первый вступит на подстилку перед аналоем - "тому суждено первенство в браке" - мы, зная об этой примете, вступили одновременно и ровно на кусок розового атласного шелка (у аналоя). Началось венчание, обряд который мне, неправославной, был чужд. Стоя тут перед православным священником, я знала одно: что мое поведение в этот час решает дело на всю дальнейшую жизнь - и не крестилась ни в этот день, ни позднее. Сам обряд был хорош и праздничен при хорошем хоровом пении [собравшийся, благо, что был праздничный день. Из Москвы приехал церковный хор] и кольца брачные мы благополучно одели. В них были выгравированы наши имена в обмен: Митя, Эльза. Пили "теплоту" - не пролив ни капельки. В занесении в церковную запись закралась не замеченная в тот момент ошибка - священник спросил отца о вероисповедании его, отец ответил: "католик." - вследствие чего и я оказалась католичкой - на бумаге.

с. 189 Это обнаружилось восемь лет спустя к моему большому волнению и хлопотам но об этом позднее. При выходе из церкви братья Карл и Отто делали фотографии (в 1943 году эти снимки погибли в военном пожаре в Hannover'e, как и все, что я вообще имела). На этих фото было одно потрясательное мгновение - я стою одна на паперти под вуалью в белом платье с букетом в руке, вокруг меня стоят убогие и деревенские нищие, в упор смотрящие на меня. Другой снимок показывает меня вместе с Митей на том же месте. Он застилает глаза от солнца правой рукой. Оба мы потрясательно молоды. Обрато из церкви мы уехали в том же порядке - я с родителями в коляске Томилина, а "муж" мой с товарищами в линейке. Все родственники и гости в линейках вслед.

Свадебный обед, повар и официанты из Москвы, с закуской, винами, мороженым и какими то кондитерскими башнями из жженого сахара и бисквита, шампанским, кофе, чаем, тостами и кликами "горько-горько", вызывавшими наши поцелуи в вежливый ответ - все это, как водилось в те времена. Столы были празднично накрыты, на вольном воздухе в саду. В.А. и мама сидели на балконе. - На

с. 190 снимке мама была заметно хороша в ловко сшитом (из заграничной нашей поездки) элегантно каштанового цвета туалете. Отец с дядями Мити - Гетенко и Егоровым в трудной беседе незнакомых людей. Егоров, заметно быстро пьяневший, производил невыгодное для себя впечатление. "Дяди" по своей старой привычке ввязывались при всякой встрече в мелкие споры на самые неожиданные темы - так и тут "действительно ли колокольня Ивана Великого выше всех церквей Москвы" - каждый с неистовством защищал свое мнение, к скуке или забаве окружающих. Снимок неожиданно показывал дядю Гетенко "оригинально" сидящим на опрокинутой садовой бочке - почему то фотографу эта поза казалась подходящей, так же Марья Федотовна снята - с закуской у рта, стоя изящно изогнувшись у стола. Другой момент схвачен у другого конца стола: Ник. Павл. между Димитрием и мною, рядом Екат.

с. 191 Ивановна, жена Карла, поглядывая на меня. Ник. Павл. произнёс

вещие слова: "Эльза Карловна, сколько прав Вы сегодня потеряли!" Я не нашлась, что мне на это сказать, но чётко подумала: девушка в семье стоит под властью отца, а при замужестве под властью мужа. Но Дмитрия я знала как человека передового, со мною истинно согласного, любившего меня - отсюда у меня сомнений никаких не возникало. Под вечер праздник кончался. Я переоделась в новый светло серый дорожный костюм на шёлковой подкладке, юбка по моде длинная дó-полу, соломенная белая шляпа с белой розой и вуалькой. Мы простились и вышли за калитку, направляясь к станции, Митя впереди меня. "Димитрий, не ходи как поп" - громко окликнула В.А., заметив это. Митя усмехнулся, в самом деле не заметив было и вспомнил, что мать как-то такое поведение, виденное у кого-то, не одобряла.

В Москве было жарко, громко от извозничьих колёс на булыжных мостовых и пыльно. Долго было ехать от вокзала в Замоскворечье.

с. 192 В доме нас никто не встретил - мы вошли с парадного крыльца, в людской в нижнем этаже нас никто заметить не мог. У Мити были ключи к калитке у ворот и к патентованному замку квартирной двери во дворе. Вход на верх по деревянной широкой лестнице употреблялся мало. Как там хорошо пахло досками и чистыми, светло окрашенными замкнутыми чуланами и дверь в квартиру так плотно была прилажена наверху, что получалось при ея движении разреженное пространство к следующей такой же плотно прилаженной двери на расстоянии сантиметров 30-ти - Когда затворяли вторую, то от напора воздуха подавалась первая дверь, к досаде всех. В течение 20-ти лет не собрались мы просверлить дырки в дверях для воздуха между этих двух дверей.

с. 193 Летом, в квартирах людей, уехавших на дачу, всегда царит характерная (немного) душноватая атмосфера, чуть отдающая нафталином, мебель в чехлах; так и тут. От горячего солнца фасад в десять чудесных зеркальных больших окон, выходивших на улицу на юг, был защищен парусиновыми маркизами, отороченными кумачовыми фестонами. Тишина. В зале две изумительно широколиственные филодендры в громадных дубовых кадках, пальма Кенция, в 12 листьев, выращенная отцом Дм<итри>я из косточки, пальма финик, хамеронс, латания и остролистая пальма панданус, тоже в кадке. Рояль Blüthner! Ах - а у меня дома был старый узкохвостый Stürzwage - имя фирмы соответствовало сомнительному качеству инструмента. Прекрасные паркетные полы, в каждой комнате и зале различной кладки. Из зала в гостиную арка без дверей, а также из гостиной в кабинет. Там мне была приготовлена софа. Дальше вели двухстворчатые двери с бронзовыми ручками в виде закругленных когтей, держащих граненный лиловатый

с. 194 как и на остальных флигельных дверях стеклянный шар, в трёхоконную поместительную столовую с (кажется описанным ?) столом на двенадцать (и больше) персон и столько же стульев, 4-хстворчатым ореховаго дерева буфетом у стены с сейфом, вделанным в капитальную стену. [Старинные бронзовые часы. Бронза изображала сцену охоты: - под овальным стекл<анным> колпаком мальчик Митенька однажды добрался до охотника и снял его с бронзоваго коня - презентуя его в очень смешной позе ко всеобщему удивлению] Камин для отопления, над ним большое зеркало в стене - это зеркало однажды, за

год до смерти отца Димитрия, со страшным треском без видимой причины выпало из стены разбившись на мельчайшие кусочки - это было понято всей семьей как примета, вещавшая о надвигавшемся несчастье [-ая несчастье.] - так и случилось. [тогда Мите было 12 лет.] Умер отец (от белой горячки - вследствие хронического алкоголизма). Нынешние психо-аналитики быстро расшифровали бы суть дела - этой жизни и ее конца - Федот Герасимович рос в деревне не очень далеко от Москвы, вероятно рано потеряв отца. Босоногим еще мальчишкой пришел в Москву, самоучка. Повидимому смыслённый человек, он многому научился и "вышел в люди" - создал торговлю шерстяными

с. 195 изделиями - чулочным, рукавичным товаром. Кустари были его поставщики. С течением времени он развил свое дело так, что ездил в Красноярск на сибирскую ярмарку и оттуда проник со своим товаром во многие города Сибири. Фирма Винокурова была там так же известна, как очень большая фирма - единственный серьезный конкурент, впрочем в других товарах "Кунст и Альберс" (уж не саксонцы ли?). Ф.Г. разбогател, держал в Москве в Ильинском проезде контору при амбаре, с десятком служащих. Он посватался за старшую из 4-х дочерей фабриканта Александра Ивановича Зубова Варвару. В те времена дочерей много не спрашивали, их "выдавали" замуж родители. Решалось дело с чисто коммерческой стороны - величиной приданого невесты и коммерческой надежностью жениха. Судя по портрету, висевшему в гостиной, Ф.Г. был некрасив и в связи с этим по рассказам очень ревнив. Густо рыжеволосый, линия волос спускается трехугольником над переносицей на лбу, темные глаза, почти монгольские скулы, благородная линия рта, маленькие усы, бритое лицо. Аккурат

с. 196 ный костюм, темный небольшой галстук в белом отложном по той моде воротничке. Вероятно, сознавая свою непривлекательность, он был ревнив к жене. А жена была очень юная физически слабенькая, бледная робкая барышня, не знавшая мужчин, кроме своих двух братьев Алексея и Сергея. Этого Сергея Зубова мне в последующие годы довелось пару раз видеть: блондин, высокого роста с мягкими манерами и тихой поступью, мягким голосом, играл он на рояли по слуху любую слышанную им оперную вещь. А Ф.Г. оказался очень музыкальным одаренным певцом [тенором]. Как впоследствии мне рассказывали сестры Дм<итри>я - в этой самой зале с пальмами и Blüthner'ской роялью Ф.Г. пел [певал] с солисткой Большого императорского Театра - знаменитой Евгенией Ивановной Збруевой и ее сестрой, тоже музыкантшей, учительницей Мариинского института в Москве, где учились сестры Дм<итрия>. С удовольствием они рассказывали как отец их всех в большой наёмной коляске иногда возил в Большой Театр разумеется с няней

с. 197 Марьей Максимовной. А старушка разливавшая чай Марья Федоровна Тимофеева как-то в последующие года - лет через 15, при взгляде на портрет Ф.Г. тихо сказала: Уж очень он потом стал нехорош - грузный, шея висела через воротник, а на извозчике, ехавши с В.А. приказывал: "Гляди на меня!"

Ф.Г. был близко знаком с Островским, часто встречался с ним "в городе", рассказывая ему о своих наблюдениях из торговой жизни. Думается, что немало типов из этих рассказов схватил и увековечил Островский в своих произведениях, а мож<ет> быть, нашелся в них и сам Ф.Г., которого Островский

кстати называл "поперечником"? Я думаю много они вместе пили. Ф.Г. был довольно видного [или большого] роста, широк в плечах - судя по шубам - между прочим - очень богатым (и) мехом - (в) подкладке, и богатыми воротниками шалью. Один из тулупов с собольим воротником шалью (Марья Федот<овна> однажды себе из него заказала "соболье боа" - неудачно: скорняк сшил дебелую двухстороннюю меховую прямую колбасу - неудобно лежавшую и сползавшую с плеч и желтоватым цветом меха не шедшую к ее бледному лицу.)

с. 198 Другая шуба с эффектным бобровым воротником на какой-то мне неизвестной меховой подкладке - эту вещь с годами Димитрий, по натуре очень скромный, - единственную - приспособил "под себя". В высокой черной барашковой шапке и в этой шубе Дм. был очень хорош - белокурые волнистые волосы, хороший цвет лица, зеленые глаза, темно-рыжие небольшие усы, красивые руки, врожденная мускульная сила, хорошая походка. Много было добра в темной комнате - "кладовой", которым мы вместе с сестрами несколько лет спустя случайно заинтересовались: - в огромном кованом сундуке нашелся и Митин парадный "форменный ученический мундирчик с золотыми пуговицами, с тонким красноватым кантиком - Митя напялил его на себя с некоторым трудом и при общем смехе промчался шуточной ученической походкой по всему этажу. А тут же нашлась еще шуба "сибирская двух-

с. 199 сторонняя доха" - и бараний черный тулуп или шинель с барашковым огромным воротником шалью - его подняв можно было уйти головой при строжайшем морозе в ее уютное тепло. Ф.Г. завел и носил эти шубы для поездок в Сибирь. Верх удивления представляли отцовские калоши, также найденные тут - размеры, толщина из особенной какой то тугой кожи сделанные очевидно на заказ - мы всем скопом глядели на них и ахали - стараясь себе представить того, кто их мог носить [носил]; несколько недель они красовались у нас в передней для курьеза. Помню, как однажды др. Як. Вл. Левин увидел их там - и замер размышляя, я его провела в гостиную к портрету - тут он удивленно усмехнулся. Но довольно о шубах. Они все равно исчезли при большевиках. Как мы ни страдали от холода в эпоху большевистской революции - никто из нас не был в состоянии их переделать на [для] себя. Сверх того, "социально" стало опасно носить их. При том вышел "указ" (!) сдать в комиссариат "под расписку" "вторую шубу". Что и было исполнено. Мартын Иван. Звирбул, наш честный латыш помог нам их "сдать государству", на что потребовалось ожидание в "очереди" не менее

с. 200 мучительных двух дней - Мартын Иванович за это время ожидания в очереди явно постарел.

Утром 26. мая 1901 г. - мы отправились в полицейский участок - там я была занесена в Митин паспорт и тем стала русской подданной, потеряв мое германское гражданство. Право на личный паспорт зависело теперь от моего мужа, а также и мое место жительства. По пути на запись в высшие женские курсы мы сначала заехали в контору моего отца. Там нас встретил наш артельщик со словами: "С законным браком Вас, Дмитрий Федотыч и Эльза Карловна" - тут же за письменным столом сидевший брат Карл неприлично ухмыльнулся, глядя на нас, вот и все. С Митиным паспортом и моим гимн<азическим> дипломом в руках, т.е. в сумочке, я тут же отправилась в канцелярию курсов в Мерзляковский переулок, где

после краткого разговора с секретаршей - госпожей Поццо(!) я была принята и занесена в число слушательниц естественно-историч<еского> отделения. М-ме Поццо с удивлением, с недоверием

с. 201 увидела по предъявленному паспорту, что я за день до того вышла замуж и что мне 30 дней тому назад исполнилось 18 лет. Она задумчиво мне поглядела вслед. Димитрий на каких то путях раздобыл первый том свежего издания "Капитал" Карла Маркса (на русск<ом> языке) и охотно погрузился в него. По плану В.А. мы отправились в Крым - в те места, где она и временами ее сестра Александра, тоже болевшая чахоткой, проводили ежегодно месяцы (для) лечения. Но Д. предпочел сначала поездку на Кавказ.

Минеральные Воды, Пятигорск, Ессентуки. Поездка в Крым

Было жарко, поэтому мы предпочли ехать на Кавказ - две ночевки в поезде - в 3-ем (деревянном) классе, а не в душном 2-ом с мягкими диванами. Помню, что багаж наш содержался в сундуке, подаренном мне моим отцом для приданого белья. Сундук этот - жутко подумать - стоит и сейчас у меня, в передней моей квартиры здесь в Ганновере. Он свидетель всей моей дальнейшей жизни в течение 75-ти лет.

с. 202 Поехали. На мне было легкое светлое голубоватое закрытое ластиковое платье, сшитое мною на курсах шитья (в "Обществе образованных женщин" (распространения практич<еских> знаний). В руках я держала большую светло-желтую глянцевитую берестяную шляпную картонку на ремешке - одна светлая шляпа на голове, а другая в картонке, на дне которой скрывался "Капитал" Маркса, строго запрещенный в те времена. Полиция при обысках охотилась на этот предмет и карала Сибирью. Ходил в то время анекдот - у кого-то обнаружен был портрет (Маркса) на стене - известный звероподобный [-аго] бородача (Маркса) - кто это? "Мой дядюшка" объяснил ответчик с полным успехом. В поезде, в долгом пути в жару я вышла на открытую площадку вагона и операясь о железные перила. Вышел туда же молодой студент в форме. "Как, Вы замужем?" - он увидел мое обручальное кольцо. "Да". - "Что же, Вы очень счастливы?". "-?" - "Ах, простите", - и исчез в свой вагон.

с. 203 Наконец "Минеральные Воды" - Пятигорск, Ессентуки. Тут мы и поселились, наняли хорошую курортную комнату. Много гуляли, изучая местность, купались в каких то водах. Потом переехали в Кисловодск. Осмотревшись, мы соблазнились на поездку до "Бермамута", как говорилось - 40 верст на почтовых лошадях в многоместной коляске вместе с несколькими пассажирами. Цель поездки - видеть восход солнца над высочайшей горой Европы (5630 метр) покрытой от вершины до подножия вечным снегом. - Широкая плотно уезжанная

дорога с большим горизонтом вела нас постепенным, но неотступным подъемом на протяжении всего пути во всех сорока верстах, так что приходилось не раз менять лошадей, да и попутно закусить. Тут мы познакомились с интересными попутчиками, - двое мужчин, - один - не совсем молодой осетин - студент Московск<ого> унив<ерситета> - желтоватый худощавый коротко стриженный узколицый брюнет; другой, в оживленной беседе с ним лет на десять постарше (его), и погрузнее, спокойно уверенный в себе приятно умно смотревший "интеллигент", прив<ат> доцент Рижского политехникума [кажется, инженер-строитель] - Подпалый. А имя осетина было: Исмаил Васильевич Баев.

с. 204 Баев был очаровательно остроумен и привлекал слушателя совершенно особенным чуть надломленным голосом в речи, получавшей стиль забавной иронии. Речь шла всегда на тему: мероприятия царского правительства и их результат.

Подпалый нашел тут соответствующего собеседника, и видимо наслаждался. Узнав мое имя и отчество, Подпалый вдруг привстал у закуточного стола и взглянув на меня, с лукавой улыбкой неожиданно продекламировал на немецком языке из Шиллера:

„Er stand auf seines Daches Zinnen
Und schaute mit vergnügten Sinnen
Auf das beherrschte Samos hin.
Dies alles ist mir untertänig,
So sprach er zu Aegyptens König,
Gestehe, dass ich glücklich bin!“

- Эффект этого выступления был особенно удачен, так как мы как раз оказались у Бермамута - высшей точки нашего пути - В небольшом шалаше, крытом чернявым толем, разделенном на мужскую и женскую половину мы устроились на ночь, укрыв-

с. 205 шись туземными бурками. Несмотря на усталость, нам не удалось спать: частью от силы впечатлений - величие зрелища черно-бархатного высокого неба и рассыпанного по нему золота звезд, в абсолютной холодной тишине, - а частью от невероятного обилия блох! Под утро стало холодно, пришлось встать, чтобы не прозевать главное: восход солнца и вид двуглавого белоснежного Эльбруса. Эти минуты и часы неописуемы.

Через день мы простились. (Оказалось позднее что) Баев нас иногда посещал в Москве, по прежнему забавно-иронически ведя разговор на революционно-аналитическая темы. Глядя на эту жизнь вслед, думается, что Баеву была суждена ранняя гибель где нибудь на Кавказе во время нашествия большевиков, мож<ет> быть в 1918 году? Мы взяли обратный путь через Кисловодск в Новороссийск у Черного моря - ах, какая красота! и пароходом через Феодосию, Керчь, Севастополь в Ялту, где и остановились в гостинице Россия, прямо у воды. День и ночь слышен был там плеск волн.

с. 206 На утро я заболела ангиной с высокой температурой. Митя пошел купаться, он хорошо умел плавать. Была сильная жара, было понятно, что он долго

не возвращался. Однако, что-то очень долго. Наконец пришел - странно тихий, задумчивый, и сразу лег на кровать. Отдохнувши, он рассказал, что по незнанию соблазнился легкостью плыва в сильно соленой воде - уплыл слишком далеко и тем попал в морскую тягу, удалявшую его все больше и больше от берега. С большим трудом ему удалось вернуться! На всю жизнь нам всем урок. Тем не менее его младшая сестра Клавдия в последующие годы повторила в том же море эту же ошибку. Причем она в открытом море ударилась со страшным испугом ногой обо что-то необъяснимое (я думаю не дельфин ли?). С большим усилием и Божьей помощью вернулась благополучно.

[Димитрий погрузился в изучение опасной книги "Капитал" Маркса, тщательно скрываемую нами от взора прислуги.]

Гурзуф - море, горы, кипарисы, ароматный воздух. Евпатория - в те времена детский курорт,

с. 207 скучноватое побережье. Ливадия с царским дворцом, Алупка - Адалары - две скалы торчавшие вблизи из моря. Ялта? Где-то Чехов писал: пыльный татарско-парикмахерский город. Ну, так прозаичен он не был, по моему.

А где из этих курортных мест лечилась много лет В.А.?

Через несколько недель мы собрались домой. Сели на пароход из Ялты до Севастополя при ярком солнце и легком ветерке. Море - совсем темносинее в белых гребешках; (путь шел верстах в 20-ти вдоль берега). Качки не было, но все таки мы оба постепенно позеленели и - как у Чехова - желудок болезненно-внимательно следил за движением верхушки мачты. Хотя мачты я как-будто не видала, но гипнотически взглядом была связана с берегом по чьему-то совету, чтобы ради Бога не осрамиться извержением завтрака... Через (5?) несколько часов мы причалили в Севастополе. Там мы едва таскали ноги. Вдруг, как из под земли появился какой то молодой человек, принявший просительный жалкий вид, неот-

с. 208 ступно следуя по улице за нами. Увидав нашу пыльную обувь - он оказался чистильщиком - вблизи находился его прибор со щетками и пахучей мазью - наши башмаки вмиг подверглись основательной обработке. В такт движения щеток парень этот сумел нас посвятить в свою ужасно бедственную жизнь, как он с женой и вроде как с пятью еще почти грудными детьми, годами бьется в нужде... Нам стало очень жалко его и очень неловко за наше личное благополучие... Митечка вынул кошелек и вручил ему "четвертной билет" = 25 рублей! Мы быстро удалились, не глядя на получателя, тут же зная, что то был лгун. Мы навсегда запомнили "пятерых грудных детей". А также запомнили грузную фигуру пожилого армянина с засаленным животом, стоявшим у своей уличной летучей кондитерской лавочки. На ломаном русском языке он нахваливал свой экзотический сладкий товар, взирая масляными черными глазами на прохожих - "очень вкусно"... В иные годы мы шутя, а то и сентиментально при случае говаривали "очень вкусно".

Возвращение на дачу в Томилино. Истории жизни родственников мужа. Смерть матери Дмитрия

с. 209 Вернулись мы на дачу в Томилино, лето клонило к концу. В.А. видимо все больше теряла силы и много лежала в постели. Она рада была нашему приезду. Митя ей очень нравился. "Как Ты хорош" сказала она однажды, когда он подошел к ней утром перед отъездом в город, в контору. "Страсть" - ответил Митя чуть стесненно улыбувшись. Как-то в то же лето Митечка однажды из города на ночь не вернулся. Ни мать, ни сестры начем не выразили удивления. Когда день спустя М. в обычное время приехал, его семья ничем не реагировала, а мне было горько и наедине с ним я разревелась. Пару лет спустя мне было ясно, что М. давно связан партийными политическими интересами - и его объяснение, что ему было нужно с кем-то встретиться - (вероятно конспиративно в сумерках бульвара) - где между прочим к нему приставал какой-то мужчина с "ненормальными склонностями", к его насмешливой забаве - это объяснение вполне соответствовало истине.

с. 210 В.А. с дочерми и мною, сидя на балконе слушала наши разговоры о цели жизни. Как водилось в ту эпоху, девиц в семьях ни к чему не готовили, безмолвно родители и дочери как-то дилетантически надеялись на замужество - совершенно пассивно ожидая случайного знакомства с мало-мальски подходящим мужчиной... У дедушки А.И.Зубова - у отца В.А. еще устраивались в свое время смотрины через посредство свах. После такого визита "жениха" поставлен был вопрос "Ну как - Саша или потом Варя, или потом Левтюша или Клавдюша - Тебе понравился он?". Ответ однажды был "Да с заду-то он как-будто ничего - Ну, слава Богу, выходи за него". И так они все четыре повыходили - и все четыре попали впросак - ежели разглядеть их последующую жизнь поближе. Федота Герасимовича мы уже poznали - тяжело ведь было с ним. В.А. слыша его шаги по лестнице при возвращении из города - трепетала - зная, что

с. 211 он "выпивши". Клавдюшин муж - Егоров - маленький невзрачный, но неглупый человек, совершенно не подходивший к красивой высокорослой сдержанной жене, терпевшей его с достоинством - пил запоем. Еще на даче в Малаховке Митя не раз должен был после розысков в поле, лесу или в канаве доставлять в тачке мертвецки пьяного дядюшку домой. Другой дядюшка Федор Иванович Гетенко для его жены Олевтины (Левтюша) - был абсолютно неинтересен, хотя внешне очень благообразен лицом и сложением. Маня Вин<окурова> как-то слышала разговор этих двух теток, уже имевших троих и четверых детей. Обе вздыхали над своей жизнью с этими мужьями: "Мой-то дурак" (Левт<юша>, одаренная необыкновенно крепким низким голосом, дочь ея Анята очень нравилась Оте). А тихая Клавдия Ал.: "Лучше дурак, чем пьяница". Кстати: у Егоровых была дочь Нат. Георгиевна Егорова - артистка Художественного театра, игравшая центральную роль в "Грозе" Островского. (Фото в Heidelberg - в этой роли у Ольги Федотовны. А у тети Левтюши сын Иван - талантливый бас в провинции,

с. 212 в конце жизни кажется в Ростове, а потом в Одессе - где он в старости

пел теноровую партию Ленского (Чайковского опера) "Евгений Онегин"). Его жену навестил Алеша - сын Ольги Федот. по случаю туризма (нынешнего времени 1960-1975) - об этом позднее.

А я на балконе вопрошала Маню: "Какая цель Твоей жизни?" Мамаша В.А.: "Ах, да что Ты, оставь это, нет, не надо об этом" - с испугом, что тут может быть конфликт. Но результат этого разговора какой-то был. Марья Федотовна одно время преподавала в церковно-приходской школе (кажется без жалованья) русскую грамоту?

Вера Федот. ухаживала за больной матерью и вела хозяйство с двумя прислугами.

Ольга и Кланя еще ходили в Мариинский институт и позднее окончили высшие женские курсы - естественно-историческое отделение.

Наступил сентябрь. Было тепло, мы еще оставались на даче. В.А. видимо лихорадила и таяла. С 8-го на 9-ое сентября она начала задыхаться. Мы все оставались дома. Мертвенно бледная со втянутыми щеками, подпертая многи-

с. 213 ми подушками она едва держалась полусидя на постели и от недостатка воздуха начала терять сознание. Вера, Маня и Митя по очереди приняли ее благословение. Мы сообща тут же хотели помочь. Сестры попросили меня достать подушку с кислородом, чтобы хоть мало-мальски смягчить удушье. Я схватила велосипед и поспешила в следующую аптеку. Но ни в Томилине, ни в Малаховке аптеки не оказалось, в следующей станции - Удельной - была аптека, но желанной кислородной подушки не имелось. Пришлось вернуться с пустыми руками. В.А. уже отходила и была без сознания. Тревожить ее ради моего благословения мне не хотелось. Наступил конец. Я, Дим. и сестры впервые в жизни близко увидели смерть. Очень тяжело, Дим. вдруг ужасно зарыдал в своей комнате.

Помню похороны, длившиеся с утра до 9-ти часов вечера. Из Томилина двигалась похоронная процессия по шоссе в экипажах с духовенством и певчими - шагом до московской заставы. По дороге были остановки

с. 214 для молитвы с церковным пением. Мы доехали до родительского дома Зубовых, до приходской церкви в Москве, где была отслужена панихида. Встреча с дедушкой и бабушкой Зубовыми и далее, к Даниловской заставе - на кладбище. Там панихида и погребение. [за душу хватающие, много раз в пути и далее - "Со святыми упокой" и "Вечная память"...] Оттуда путь на Полянку, в Спасский переулок в наш дом. Вся родня Винокуровых собралась к поминкам вместе с духовенством нашей Спасской церкви в Наливках. Когда все разъехались, наступил уже вечер. Остались две монахини, очередно читавшие вслух денно и ночью, 9 дней, Евангелие, стоя у водруженного в зале аналоя при свечах. Мы - сестры, я и подруга сестер Надя Гесли, жившая у нас, с этого дня носили строгий траур. Недавно, увидев иллюстрацию в газете по случаю смерти Датского Короля Фредерика, я вспомнила нас шестерых молодых женщин в траурных, длинных до полу платьях по одному покрою из одной и той же материи - в точности этот вид представляла наследница и ее сестры - нас в те времена.

с. 215 Итак я попала в русскую семью, состоявшую из очень молодых людей, точнее из пяти барышень, старшей было 24 года (Мане) и одного мужчины - Димитрия 20 лет, не претендовавшего на авторитет; смеясь он говаривал: "восемь девок, один я". За общим столом председательствовала Маня. Молоко к заключению обеда и ужина - кстати от собственной хорошей коровы. У нас на просторном дворе стояли два амбара - в одном из них был сеновал и постой (?) для коровы. Ну и ледник в земле для съестных припасов. Утренний чай и кофе - кому что нравилось [и вечерний чай] ведала старушка Марья Федоровна (Тимофеева) - вдова, скромно жившая в нижнем этаже, всегда готовая помочь что-нибудь принести "дай, я сбегаю", на что покойница В.А. замечала:

Зачем ты "бегаешь"?

с. 216 Ритм нашей совместной жизни устанавливался сам собой, так как каждый из нас имел свою задачу (перед собой). Смерть В.А. всех нас сблизила и объединила.

Занятия на курсах. Завалишины. Сокурсницы

Начались лекции на курсах; читал их физик Давыдовский. Тут Митя отметил, что у Д. он учился в Практич<еской> Академии, а математик Виноградов - учительствовал в Александровском Коммерч<еском> училище. Значит, давно знакомый коллега Н.П.Цурикова. Но это ничуть не умаляло моих трудов - моих школьных познаний не хватало до этой программы курсов и приходилось догонять. Например "Бином Ньютона" и дифференциальное и интегральное исчисление. Рядом со мной однажды сидела приятная сдержанная курсистка. Мы ближе познакомились: то была Екатерина Дмитриевна Завалишина - с которой я не расставалась с этого дня в течение многих лет в большой дружбе - вплоть до ее ранней смерти - 33-х лет она заболела белокровием и угасла в 1916 году в страшных муках в Петербурге в хирург<ической> клинике Военно-

с. 217 медицинской Академии. Но этого трагического конца мы обе и не чуяли - мы вместе с Софочкой Барышниковой долбили физику - "шар с паром", "шар без пара", "пар без шара"... и раскатисто хохотали, когда мы, между прочим, запутавшись в каких-то формулах услышали Катенькино указание: "это нам будет ещё более понятно, если мы..." Катенька была "привлекательна и тиха", если схватить первое впечатление, исходившее от нея. Выше меня ростом, стройнаго, пожалуй, хрупкаго сложения, светлая блондинка в высокой причёске (коса вроде короны тщательно подобранных богатых волос невидимыми шпильками). Она всегда держалась очень прямо (как и я - мы обе этим выгодно отличались во всех аудиториях нашей дальнейшей академической жизни [-аго пути]). Внимательные серые глаза с характерным славянским серпообразным срезом верхних век - эту особенность заметил однажды позднее (в Цюрихе) один антрополог, сделавший

снимок и с ее разрешения поместивший его в своём "учёном труде". Очень белая кожа лица, не казалась болезненной благодаря постоянному легкому румянцу щек. Сил у Катеньки было мало - руки с очень узкими (аристократическими) кистями и худые ноги с типичным для аристократов высоким подъёмом стоп дополняли впечатление [этот портрет] - ?

с. 218 В первую зиму моего замужества Дим. и я взяли абонемент на симфонические концерты в знаменитом здании Консерватории. Митечка тогда мало понимал в музыке и иногда засыпал при скучноватых длиннотах некоторых вещей. "Ну, это лучше, чем при Adagio Бетховена, вдруг заводить часы" сказал однажды коллега Л. И вдруг мы там же увидели Катеньку среди слушателей абонированных на более дешёвые "стоячие" места! В смятении Митечка сорвался со своего места с предложением К., с которой он ещё был едва знаком, поменяться местом. Она, кажется один раз приняла это предложение, а потом мы её там как-то больше не встречали. Катенька жила далеко - в Кожевниках, во 2. Гусятниковом переулке, в скромном деревянном двухэтажном домике. Там находилась народная школа т.е. одно из отделений, и служили при ней две учительницы Мария и Вера Завалишины - старшие сестры Катеньки. Они втроем тут же имели квартиру и держали одну прислугу кухарку.

с. 219 Очевидно средств у них было очень мало. Обстановка была вроде как дачная. Зимой там было холодновато. А местность по ближайшем рассмотрении можно было просто назвать трущобами. В этой скромной обстановке существовали эти "три сестры" - слова в то время, в эпоху Чехова и восходящего Художественного театра имели особенный звук для нас. Эти три сестры были дочери декабриста Дмитрия Иринарховича Завалишина. - По словам Катеньки род их числится под этим именем со времени царицы Елисаветы Петровны (?), даровавшей в войну отличившемуся при одном бою [бое] у реки Волхов, где он чуть не утонул - "завалился", почему он и получил это имя [по дарственной грамоте дворянство]. Дм<итрий> Завалишин, участник восстания 14 Дек. 1825 года в Петербурге на Сенатской площади подвергся расправе Царя Николая I. в числе прочих офицеров - был сослан в Сибирь (см. "Записки декабриста", его же, 2 тома, изданные дочерьми около 1905-1910 года) - на приблизительно последние 5000 р. сестёр). Издание осуществилось так поздно из за цензурных (доселе) препятствий.

с. 220 В течение этой зимы Дм-ию понадобилось зачем-то съездить в Петербург (сегодня мне думается, то было не коммерческое дело, а конспиративно-партийное краткосрочное совещание). Он мне предложил поездку по той же Николаевской железной дороге [тому же пути] до станции Валдай и навестить моих знакомых из ранних лет: девиц Зиновьевых (племянниц моей учительницы музыки FrI. Adele). С ними я стояла в переписке. В самом деле, этот план мне понравился. Поездку эту я совершила и была семьей З. очень радушно принята. За 6-7 лет они все, конечно, да и я, очень переменялись; было интересно встретиться. Леонтина Георгиевна - мать семейства лежала в постели, страдая женской болезнью переходного возраста; я ее не видала. Отец, Николай Ардальонович по зимнему времени посиживал как-то без дела. Не было видно, в чем заключались его обязанности земского начальника. На другой вечер он завязал длинный разговор со мной. Дочери ушли в свои комнаты, а я осталась в

гостинной в разговоре, интересовавшим²¹ меня.

с. 221 и тут же пожалела, что не ушла - о Н.А-виче я и прежде слышала, что он большой бабник. Так и тут, он вдруг переменял тему и быстро-быстро зашептал, подвигая своё кресло ко мне, какие-то комплименты, глаза растерянно влажно устремлялись на меня... мне стало жутко и я поспешила в мою комнату. На утро я простилась. А на станцию по зимнему делу [времени] пришлось ехать с кучером в санях по глубокому снегу. Провожал меня (тот же) папаша Н.А. В пути он, сидя рядом со мной, вновь принялся, что называется, "ухаживать" за мной, обхватывать [-я] меня. Я старалась отодвинуться, но это в санях, как известно, трудно сделать; но всё таки: он вдруг с досадой двинул меня локтем и процедил: "Рыба!" - и слава Богу, мы под'ехали вовремя. Подошел поезд, и Митечка явился тут же - так мы укатили благополучно. Как-то позднее я ему рассказала об этом приключении. - "Ха!" - усмехнулся Митечка [он]с удовольствием. Учёба наша на курсах шла своим чередом, мы долбили математику, физику, химию, минералогию, зоологию, ботанику, кристаллографию и в главных предметах надо было сдавать зачёты. Катенька и я были заняты вполне и с хорошим успехом.

с. 222 Лекции в Политехническом музее (по физике и математике) происходили [читались] в этом здании, потому что [временно так как] отстраивалось другое в Мерзляковском переулке вблизи Арбатской площади, вернее расширилось (между прочим строила - женщина-архитектор).

Когда я впервые пришла на лекцию - с робостью и любопытством, я увидела в этой исключительно женской публике, заполнившей всю аудиторию, чрезвычайное разнообразие возраста [-ов] и типа [-ов] этих слушательниц. Вскоре я заметила очень серьезное отношение всех к делу и видимое большое прилежание [большое усердие во всем] да еще одно: истинно-товарищеское, дружеское отношение ко всем и воодушевление, с которым все учились. Этого воодушевления не найти на западе, как я потом убедилась. Быстро создались кружки, собиравшие, как водится, средства для всевозможных вспомоществований. [Были так же, как и среди студентов, кружки, называвшиеся землячествами.] Мне вспомнилось сейчас между прочим, что и городское управление в Москве со своей стороны устраивало всевозможные пожертвования, взывая например большим плакатом на фургоне, ездившим по всем улицам,

с. 223 собирало все, что угодно - "Пожертвуйте, что вам не нужно" - белье, одежду, мебель... Среди курсисток были дочери профессоров, из дворянства, купечества, из столиц, также из глухой провинции, из богатых и из бедных семей. Быстро создавались знакомства на почве общих научных интересов. Так и в моем случае - Барышникова Софья, Крестовникова Лидия, Завалишина Екатерина и я - мы брали совместно пару месяцев уроки математики у одного студента. Мы усердно работали, погрузились и в физику - и сейчас не знаю, почему мы вчетвером так много и весело острили и хохотали, рассевшись на нашем большом диване в гостиной.

Весной мы сдали все предписанные экзамены по естественно-историческому

²¹ Следует: интересовавшим.

отделению и перешли на второй курс. Как полагалось - наступили каникулы до первого сентября.

Поездка на Кавказ. Репетиции с Богдановичем и его концерт. Прогулки верхом. Встречи со знаменитостями мира искусств. Дамская поездка по военно-грузинской дороге. Инцидент у станции Казбек. Поездка под Эльбрус Дмитрия с Францом

Душевно вся семья Винокуровых постепенно оправилась после потери матери. На сей раз мы все вместе решили поехать на лето на Кавказ. При посредничестве Н.П.Цурикова мы на всё лето наняли в Кисловодске целый этаж в доме его знакомого Давыда Осиповича [старика] Аглинцева - (кажется кабардинца), жившаго в Кисловодске с семьей. Младшая дочь училась в Московской консерватории - помню ее хорошее исполнение одной Бетховенской сонаты на рояли.

с. 224 Широкий горизонт открывался нам с нашего этажа - на бесконечную равнину под синим куполом неба. Такого воздуха, такого солнца и приволья [раздолья]

мы москвичи, [хоть и привыкшие к хорошей дачной жизни] знавшие и любившие хорошую дачную жизнь, еще не знали. Вероятно мы все себя так хорошо чувствовали, оттого что Кисловодск расположен гораздо выше, нежели наша Москва (хоть она и стоит на "семи холмах", как известно).

Приехали мы с прислугой Натальей, кстати сказать с лица необычайно некрасивой женщиной, не умеющей готовить. Бедная Вера, взявшая на себя хозяйство, меньше всех нас могла предаваться удовольствию долгих прогулок в парк, игры в теннис, купанью. При собственном большом самоваре, со столовым серебром, постельным бельем и подушками и одеялами - помню мы сдали в багаж поезда 9 пудов при отъезде из Москвы. В те времена на билет каждого пассажира железная дорога везла 1 пуд багажа за даром. - С нами ехал кроме Нади Гесли приглашенный на все лето мой младший брат Франц, очень дружный с Митей - нас было 9 человек.

с. 225 Разместившись в нашем "бель-этаже" и подсчитавши предстоящие расходы, мы сдали в наем две свободные комнаты. Одну - Николаю Павловичу Ц. а другую - по знакомству через Ц. - по посредству нашего знаменитого артиста Собинова, его знакомому, Александру Владимировичу Богдановичу. - Итак, за столом на просторном балконе - кстати мы там тренировали игру в теннис, когда хотелось - наша семейная республика состояла из 10 человек. Много было смеха,

шуток, разговоров, пения хором студенческих и народных песен. Все это под влиянием Н.П., опытного педагога, знавшего жизнь - он уже был стар на наш взгляд: ему было 40 лет! Алекс.Влад-у шел 27-ой год. Ал. Вл. нам всем "бабам" очень нравился. Сын священника из Смоленска выросший на скромных началах вместе с тремя братьями. Окончил медицинский факультет со званием лекаря в [при] Казанском университете. Но хороший природный тенор его увлек на дорогу в театр. Он брал уроки пения в Италии (у Броджио?) и представился в Москве - в Императорском Большом театре.

с. 226 Ему к августу текущего года (1902) был назначен дебют - роль Ленского в "Евгении Онегине". Богданович очень обрадовался, узнав, что я играю на рояли. Из Пятигорска было (на повозке) доставлено приличное пианино и поставлено в комнату сестер. С этого момента мне пришлось ежедневно, вплоть до августа проходить с Ал. Вл. его упражнения, а затем и все теноровые роли его оперного репертуара. Большая честь и радость для меня. До сих пор вспоминаю с благодарностью об этой серьезной, напряженной работе, давшей мне новый кругозор и большое наслаждение - Господь одарил А.В. прекрасным голосом и отличным слухом. Я в то время по молодости лет, по незнанию, и неопытности в области пения да и художества вообще не понимала, что и художество требует большого труда, да и конечно была далека от мысли о создании карьеры в искусстве. Сегодня я знаю [вижу], как настойчиво трудится каждый музыкант над своей задачей и только таким, подчас героическим напряжением, разработкой последних деталей - достигает совершенство [-а?].

с. 227 В то время мы были довольны, когда воображаемое выступление шло без запинки (я при этом подавала своим голосом нужные реплики) - в тексте, в нужном темпе и с нужным [-и] оттенком [-ами]. Позднее, слушая в Большом - Собинова или Збруеву, или Нежданову (ученицу проф. Mazetti) или Гукову (тоже ученицу Mazetti) я видела какая тонкая художественная музыкальная и сценическая разработка каждой из ролей стояла за этими выступлениями [предшествовала этому выступлению].

Итак мы проходили Ленского (Евг. Онег.), Германа в Пиковой Даме, Надира в Искателях жемчуга, [Князь в Русалке - опера Направника -] ... в Травиате, в Князе Игоре, ... в Псковитянке, ... в Снегурочке, некоторые роли тоже из драматических теноров. Лоэнгрин - Я Лоэнгрин, я чаши той слуга! - Индийский гость - в Садко, да и частью самого Садко, герцога в Риголетто, кажется и Паяца Леонкавалло, [Фауста Гуно! высокое "до"! "Чародейка" Чайковского] и несколько романсов конечно - Чайковского, Черепнина, Рахманинова. Ах, много чудесного мы слушали с большим наслаждением.

Однажды А.Вл. погрузившись в текст арии Ленского - он пропел слова: Забудет мир меня - и вдруг сказал: - Не правда ли! - мы в этот момент оба молча поняли: конечно!

с. 228 или: я в этот момент с испугом поняла: "да, конечно!". Но пока мы жили в лазоревом царстве радостно и безмятежно. Прислушиваясь к нашим оперным текстам за дверью - окружающие неминуемо на балконе изображали соответствующие сцены в свободные часы. Мефистофель - кажется уже тогда знаменитый бас Шаляпин нами бесконечно повторяемый [-лся] на все лады: "На

земле весь род людской чтит один кумир священный", или сцена Меф<истофеля> с Маргаритой: "погибла ты, тебя ждет ад!", или "И тонким ядом - влейте Маргарите в сердце" причем слово "ядом" каждый из нас старался протянуть возможно ядовитее "яааадом"... Или из Онегина охотно повторяли куплеты Трикэ "Ми все приехали сюда...." и дальше "Ви роза, ви роза, ви роза belle Tatianaa!" и конечно Ольгу: "вот Вам наказание за ревность Вашу". "Ах, Ольга..."

с. 229 Из Риголетто - арию Герцога на балконе дополняли выступлением баса-разбойника Спарафучиле - корректив Цурикова: "бас не просто идет по сцене, а с пафосом.... понимаете - каждый шаг - трагедия!". Так мы с большой забавой старались выступать с трагедьей в ногах. Проскакивал опять Шаляпин в песне о блохе - на все лады мы подражали: ха-ха-ха-ха - хе-хе-хе! Тут однажды Ал.Вл. вспомнил об одном спектакле в провинции - Татьяна явилась на сцену с князем Греминым, надев вместо малинового берета, как требовалось в тексте - неожиданно зеленый. Онегин показал большое присутствие духа обращаясь с вопросом к Гремину - [пропев]: Кто эта дама в зелёновом берете? - Конечно, мы много шумели на нашем балконе. Под нами жила семья директора Тифлисской консерватории с двумя детьми лет 6-8-ми, иногда капризничавшими. Как-то мы слышали слова их отца: перестань, послушай, как наверху смеются. Они прислушались и перестали.

с. 230 Много мелких волнений переживала Вера в течение всего лета, взяв на себя все кулинарные заботы. Прислуга наша могла разве лишь ходить на базарную площадь для закупки припасов - и то это было не просто, народ там собирался явно не русский, не всякий из кавказцев владел русским языком. Плита и печь на кухне были не привычные. Даже уголь для самовара добывался с некоторым затруднением. Так и получалось не раз, что Вера являлась к обеду с пятнами на щеках и с конфузом говорила: "сегодня у нас неудачное блюдо" - обычно - какой-нибудь задуманный десерт недопеченный или перепеченный или простоквашу переокисшую или наоборот - недоокисшую. Мы покатались со смеху, как однажды Ник. Павл., глядя на крынку из которой показалась густая простокваша, с восторгом воскликнул "Братцы!.. кусками пошло!" Но в общем мы питались прекрасно - мы все хорошо поправились, лишь Вера потеряла 10 фунтов.

с. 231 Ник. Павл. уже 10 летних сезонов проводил в Кисловодске. Большой любитель верховой езды, он и в этот сезон по старому знакомству с местными кавказцами-лошадниками и русскими курортными извозчиками выбирал подходящего коня под седло. Между прочим сёдла были на выбор - "английское" (довольно плоское, выделанное из кожи), казацкое - с деревянным "домиком" над хребтом коня и толстой кожаной подушкой, монтированной на нем ремнем, а еще употреблялось кабардинское - более плоское, а посадка полагалась на очень коротких стременах, колени следовательно необычно высоко были подтянуты. Кабардинцы привычно передвигались в Кавказских горах "проездом" - кавказская особенность конского шага - (не английский ритм, а довольно живое перебирание ногами, - так что в общем темп передвижения был хорош, и конь не перебивал ни при подъеме, ни при спуске).

Ник. Павл. нас всех научил ездить верхом, строго следя за корректной посадкой и верным руководством коня.

с. 232 Было это не просто, конечно. Но в результате мы очень наслаждались нашими прогулками в окрестности Кисловодска, причем часто приходилось пересекать речки бродом. Немножко жутко бывало, когда лошади, поняв, что путь ведет обратно домой, почти закусывая удила, брали очень быстрый темп. Скакать, сидя в дамском седле мне не нравилось. Я сшила себе из черного ластика штаны, Франц мне дал свои легкие сапоги с голенищами, где то достали мы кавказский бешмет темного цвета - как носят туземцы, поверх его темнокоричневая шерстяная черкеска по моему росту - от кавказца-лошадника Володи-брехуна, как его называл Н.П. за лживость; волосы сплетенные в косу я скрывала завернув их за ворот, а на голову я надела белую папаху - имевшуюся уже откуда-то - единственная не стильная часть моего костюма. Я быстро приспособилась к езде верхом в мужском седле. И вот

с. 233 однажды Н.П. предложил мне одним светлым утром прокатиться с ним в недалекую "балку" под Кисловодском. Прокатились, остановились, оглянулись. Увидали всадника, старого кавказца, - породистаго с головы до пят. Н.П. узнал в нем старого туземца знакомаго. Я остановилась, Н.П. подъехал и разговорился со стариком. Тот его прервал: "Хорошо сидит этот мальчик", (рассказал) передал мне потом Н.П. Наивысшая похвала, которую я могла себе представить! Ведь из уст кавказца! "Кто это?" - "Это не мальчик, а московская купеческая жена". "?" кавказское молчание.

Курортный сезон в Кисловодске разгорался. Подъезжали из столиц знаменитые артисты и писатели. Мы видели Собинова, Оленину - сестру Станиславскаго. Очень изящную молодую, высокого роста даму, замужем за баритоном (талантливым артистом Большого театра). Наш Н.П. познакомившись с ней, с удовольствием "спускался в культуру" как он называл свои прогулки в парк - чтобы встретиться с Марьей Сергевночкой, как он ее называл, уже

с. 234 немножко влюбившись в нее. Мы "дамы", тоже охотно спускались с нашего холма, где стояли два дома Аглинцева, в парк, там играла иногда музыка и так интересно было угадывать знаменитости среди публики. Мы встретили певицу Евгению Ивановну Збруеву, сестры возобновили знакомство с ней. Услышав о нашей верховой езде, Збруева обрадовалась возможности "похудеть на 20 фунтов" и вместе с Собиновым присоединилась к нам. В один прекрасный день наша кавалькада - считалось нас с проводником Володей 10 верховых и неск<олько> дам в коляске - шагом, в строгом порядке под началом Н.П. мы выехали из Кисловодска. То был незабвенный день. При прекрасной погоде, в этом исключительном обществе нам довелось побывать вблизи этих знаменитостей. Но странным образом, у меня ничего особенного от этой встречи в моей памяти не осталось. Знаменитости ради начала ехали в коляске. Во всяком случае, одно у меня отметилось с неожиданностью: они не пели,

с. 235 а конечно - говорили - как и все другие!

[Пауза]

Мужчины наши иногда ходили любопытства ради в купанье неразбавленным кислородным нарзаном (12° только выше нуля), по рассказам с

очень оживляющим действием. А мы дамы ходили кажется в баню. У нас по соседству на другом холму стояла дача - там жил художник, картина которого [его кисти] висела в Третьяковской галлерее²² "Всюду жизнь" - трогавшая нас до слез: железнодорожное окно (зеленая 3-яго класса) с решеткой ? за нею видны ссыльные (в Сибирь, за каких повинности?) с детьми, кормящими голубей своими крохами. Не знаю сейчас имя художника²³ (Руб.?) [Нестеров]. С этим художником жила его родственница Веруся [ведавшая хозяйство] (Н.П.: Стервуся - почему?). Приехал туда и Н.К.Михайловский, критик, с именем в истории русской литературы - "Наш учитель" многозначительно произнес Н.П., и однажды при случайной встрече в парке представил ему молодую чету - меня с Димитрием. "Учитель", между прочим старик в необыкновенно [слишком] элегантно светлом

с. 236 сером костюме, не очень уверенно шагавший старик, остановился поглаживая белую бороду, поглядел на нас влажными, чуть пьяными глазами, он стоял под ручку [опираясь на руку] с Верусей и спросил: " [В каком Вы возрасте] Сколько Вам лет: "Нам вместе 38!" - "Ах, а мне одному, как раз сегодня, в день моего рождения, ровно вдвое: 76!"

Tableau. С Верусей была дружна молодая незначительная актриса Ольга Михайловна Садовская из династии знаменитых Садовских, актеров Малого Императорского Театра в Москве в 3-ем поколении. Мне в тот день не снилось, что мне суждено было встретиться года через 2-3 в Швейцарии с этой семьей при очень трагических событиях [обстоятельствах]...

В наших выездах к нам однажды присоединился молодой, привлекательный, избалованный богатством москвич, Флорентий Васильевич Хлудов, из семьи владельцев знаменитых московских бань. Он вероятно немножко подражал своим нарочитым эстетизмом Оскару Уайльду, которого [о котором] мы ещё не знали. Мы впервые [по инициативе] по соблазну от Н.П. вкусили сенсацию криминальных романов и зачитывались "Собакой Баскервилей" и Шерлоком Холмсом.

с. 237 Декламировали на все лады: Свершилось убийство ночью порой... и труп поглощён был глубокой рекой". [Потом последовал Нат Пинкертон, а Франц потом всех нас покрыв, подняв палец, прошептал: "А, Ник Картер... ах".] Мы пели с тремолом в голосе цыганские романсы "Вас позабыть, возможно-ль", "Но чуется сердце, ты мне изменишь, и нас постигнет разлуки час". На балконе была к стене приделана "моталка" - из резиновой верёвки, нечто вроде силомера - можно было делать гимнастику, натягивая концы с кольцами для кистей рук. Каждый из нас делал шуточные движения, на все лады смотря по смыслу декламации. Флорентий Хлудов приходил к нам играть на скрипке (хорошо) Бетховена и Грига. Он был довольно требователен. Как эстет, он морщил нос проходя мимо нашей примитивной уборной, как бывало на даче? - "CS²" - химик, инженер?

Лазоревое царство! Именно. Солнце, синяя даль... Совершенно внезапно что-то "зашипело в природе между небом и землей", не то белая широкая молния, не то что то другое, неведомое над нами, под нами - стало в

²² Следует: галлерее.

²³ Ярошенко.

секунду гораздо темнее

с. 238 и адски забарабанило все вокруг нас. То был ураган разразившийся ужасным градом - в пару минут на нашем балконе [полу нашего -а], открытом [-аго] лишь с одной стороны - очутилась мокрая куча льда. Тут мы поняли, что это был град и гроза. Не больше 15 минут длилось это светопреставление - и вновь сияло солнце на чистом синем небе. Но было свежо, с опустошенного сада тянуло холодом, темпер<атура> с 35° упала на 11° - Старик Аглинцев, привычный авторитет среди туземцев [удачно угадывал заранее грядущую погоду - мы тоже руководились его советом в сроке и цели наших (поездок) выездов.], похаживал в высоких сапогах, одетый в шерстяное, осматривал повреждения в его владении. Одна прохожая дама: Ах, Давыд Осипович, какой мы ужас пережили... Когда будет опять такой ураган?" - Он, с достоинством: "Я Вам скажу, когда придет!"...

В парке маленькая канавка-реченка Оляха превратилась к общему изумлению в клокочущий поток, сорвавший даже один из мостиков. Публика там исчезла на неделю. Но потом все

с. 239 приняло обычный хороший вид. Н.П. в серой фётровой шапочке узким пирожком, помахивая тростью отправился в парк повидать Сергевночку. Как-то в разговоре она ему что-то ответила вроде: Ну, Н.П. куда нам, с Вами, ведь мы старики.... Это он дома повторил, добавив: Я Вам покажу, какой я старик! - Не кокетничай!.

Пошел на днях в Кисловодске слух о прошедшем в дальних окрестностях нападении абреков... Это бывало на Кавказе от времени до времени. В том же году было известно, что в одном из городов Кавказа был ограблен банк вооруженными... Грабители не были схвачены. Н.П. из любопытства направлял нарочно разговор на эту тему. В парке в пару дней публика только и думала и говорила об этой опасности. Но все таки М.С., Веруся, еще какая-то пожилая дама и артист Севастьянов соблазнились на поездку в коляске в пару лошадей в романтическую лощину в 15-ти верстах. Решили ехать через 2 дня, под вечер

с. 240 при восходящей луне. Кучера-извозчика Митьку Свистунова наняли через [по] посредничеству Н.П. В парке, убедившись, что план поездки будет исполнен, хотя с некоторым страхом, "Но, ведь с Вами будет кавалер, защита!.." Н.П. дома подбил Дмитрия и Франца вместе с ним изобразить "абреков"-кабардинцев, [из любопытства поглядеть, как будут себя вести "курсовые" в мнимой опасности] - сказано, сделано. В наших кавалерах пробудился вдруг вкус к авантюризму и с большим удовольствием все трое живо стали болтать между собой "по-кабардински" : "Ххазяйн в Бакку уехххал", "Кызбек-Эльбрус-Тифлис!" и (всякую) подобную чушь. Меж тем они наняли верховых лошадей, наших обычных, к назначенному вечернему часу - батюшки, выходит луна! наши сели [вскочили] в свои привычные седла - два английских, третье казацкое, покрылись бурками, головы покрыли чем то незнакомым, хотя погода была сухая, и отправились «проездом» туда, где рассчитывали встретить экипаж. Они исчезли, мы дома трепетали, как бы наших "абре-

с. 241 ков" туземцы, обидевшись за маскарад и скандал, не угостили бы

побоями.

На утро все, конечно, жадно слушали наших "героев". Их авантюра прошла очень удачно. - седоки в коляске, да и извозчик очевидно перепугались, когда на дороге перед ними показались всадники, откуда ни возьмись, и явно угрожающе толковали между собой... Извозчик, завидя и не узнав их, неуверенно окликнул их раза два: "эй..., эй!". На это всадники стеснили лошадей, с явным намерением отпора... В панике Митька круто повернул коляску назад, дико нахлестал своих лошадей и в карьер примчался со своими седоками не солоно хлебавши домой. "Абреки" ему по разбойничьи лихо свистнули вслед, погалдели, тронув лошадей, едва удерживаясь от хохота и вскоре вернулись домой. Поздним утром Н.П. спустился в парк и с неописуемым, скрытым наслаждением услышал рассказы о совершенном ночном нападении на экипаж Олениной. "Ах, Ник. Павл., представьте, Вы были правы - с нами случилось..."

- "Что же?" " Ужасные разбойники ружьями нам угрожали на дороге

с. 242 к "Живым ключам" и упорно нас преследовали... мы едва спаслись. Я всю ночь не спала!.." "Ужасно. Ах, какая неловкость, никто не попытался Вас защитить?" - "?" - Н.П. с своей стороны каверзными репликами и придуманными подробностями "нападения" в разговоре со знакомыми в парке довел публику до заметного [сильного] волнения и страха. Так, что некоторые думали уже уехать. Дома, на балконе стояло недоумение и хохот - как "у страха глаза велики". Оружия у наших вообще не было. Разве что Н.П. захватил свою трость. Непонятно было нашим, что Семка не разглядел, хотя была яркая луна, лошадей - каждый местный лошадиник точно с первого взгляда узнавал всех лошадей своей округи. Под Францем шел спокойный пегий Сокол с большим белым пятном на левой задней, а под Н.П. трепетно перебирала всем известная пугливая Джальма.

с. 243 Ах,ах. Но осторожность всетаки была нужна - как бы Семка задним числом не догадался - нашему главному "абреку" не бывать больше в Кисловодске в таком случае.

Ал. Вл. делал успехи в пении, мы радостно его слушали. В обхождении он был очень приятен и скромно. Красотой он не блистал. [Лицом он был как-то темен] Густые черные волосы, клином посреди лба, черные густые брови, сходящиеся над переносицей. Но совершенно синие вдумчивые глаза и обворожительно приятный голос не только в пении, но и в говоре очень привлекали всех. Если Н.П. выделялся в обществе хорошим стилем языка - немудрено, - ведь он был учитель словесности, знаток русской литературы, то Ал. Вл. не менее блистал не только ловкой игрой в теннис и крокет - причем он так увлекался игрой, что "противника он искренно мог ненавидеть" по собственному признанию. Но и при случае рассказами из его ранней врачебной деятельности в провинции. Так однажды в женской клинике он, дожидаясь вместе с профессором момента родов, стоя рядом в коридоре, слышит стоны родильницы - дамы из круга зажиточных еврейских семей.

с. 244 Oh, mon Dieu,.. mein Gott, oh... Ал. Вл. уже порывался пойти на помощь или утешение. Проф<ессор> его останавливает, нет еще рано!.. Вдруг истошным голосом: "Акушоррочкээ!... помохайтэ мэнь!!!" - "Вот, теперь пойдём".

Одно забавное наблюдение Ал. Вл-а. Его знакомые держали годами попугая. Однажды, придя в столовую к обеду хозяева застали милого попугая, усердно клевавшего потолок над столом с громкими возгласами [громко кричавшим]: Что ты делаешь, Что ты делаешь!.."

Разговоры о верховой езде у нас не прекращались, тем более, что и Ал. Вл. захотел присоединиться к нам, хотя он подходящей одежды для этого не имел. Но в этом отношении в общем затруднений не было. Все "курсовые" более или менее в этом деле импровизировали. Одно он знал твердо, с какой стороны и с какой ноги следует подниматься в седло. На одном провинциальном спектакле случилась на его глазах [он был свидетель] до слез смешной ошибки одного актера - он правой ногой вступил в левое стремя, взвился и очутил-

с. 245 ся лицом к хвосту коня. Кажется то было в роли Иоанна Грозного в "Псковитянке".

В соседней даче художника Нестерова? появилось новое лицо - композитор и пианист Аренский. Быстро создался контакт А. Вл. с ним и с Евг. Иван. Збруевой. Они согласились участвовать в концерте Богдановича в ближайшей неделе вечером, на эстраде под открытым небом, вблизи кофейни над парком. Публика заинтересовалась и расхватала афиши. Случайно накануне этого дня мы все как раз опять собрались прокатиться верхом. Володя-брехун подал лошадей - Ал. Вл. не устоял, ему захотелось ехать с нами. Н.П., помня старое мужское правило - из ревности создать унижительное или смешное положение для соперника, тем он будет кончен [верный конец ему будет] в глазах дам, - Он тут же предоставил ему опасную для неопытного седока [ездока] Джальму, уже оседланную, и вручил А. Вл-у свою продолговатую пирожком шапочку. Мы оглянуться не успели, только было взяли наших коней под уздцы - наша Джальма, ощутив чуждаго наездника взвилась на дыбы, скакнула и исчезла карьером за воротами.

с. 246 Мы вслед, но мы быстро с испугом потеряли его из вида. Нашу поездку мы провели в беспокойстве и вернулись раньше обычного. А.Вл-а все еще не было, он местность знал плохо. Наконец он вернулся в изнеможении, как и надо было ожидать, в совершенно мокрой от пота чесучевой рубашке, без шапки,.. Джальма в мыле,.. Димитрий и Франц помогли бедному всаднику сойти с коня и войти в дом. Тут его сердешного уложили в постель. Мы все с ужасом думали о завтрашнем дне [концерте].

Утром из комнаты А. Вл. были слышны лишь слабые хриплые попытки дать обычный теноровый сигнал: *Mata mia* - К завтраку он вышел желтый, небритый, сумрачный, едва передвигая ногами и осторожно сел на стул с явной болью в спине и седалище, как водится после таких внезапных спортивных выступлений [напряжений]. Димитрий проводил бедного в медицинское купанье, в надежде на действие горячей ванны и массажа. Облегчение он получил, но не очень

с. 247 был далеко не на высоте самочувствия [здоровья] и волновался при мысли о предстоящем концерте. И странное дело - он ничего не приготовил для выступления - не было фрачной тройки, не было подходящей крахмальной сорочки с белым галстуком и манжетами. Все это доставал Дим. в Пятигорске в

день концерта, а в последние полчаса перед выступлением Митечке пришлось бежать на базарную площадь за пуговками и манжетными запонками - лавки в этот час уже были закрыты. [Он] каким то нюхом Митечке удалось разыскать [разыскал] торговца,- объясниться с - персиянином ! и получить все нужное и доставить буквально в последнюю минуту – то было чудо! Да, за эти два дня больше всех нас волновалась Вера - мы все на этом [за этим] житейском [-им] опыте [-том] постарели!

Наступил вечер. На Кавказе как-то сразу темнеет. Мы поспешили к эстраде; уже почти все места - скамьи на вольном воздухе - были заняты. Там стояла рояль, освещенная электр<ической> лампочкой, и пара стульев. Тут же пришли Аренский и Богданович с нотами в руках, встреченные аплодисментами.

с. 248 (Приветственные аплодисменты). В программе первый номер - романс Рахманинова "Я не герой, я не боец, я Божьей милостью певец!" - в музыке последние четыре слова идут сильно вверх при возрастающем форто. - И на этом высоком форто наш герой, начавший было с блеском, осекнулся и как наши кавалеры после выразились "дал петуха". Вижу, Митечка от стыда совершенно невольно очутился на корточках перед своим местом. Музыканты кончили трудный романс хорошо. Ясно, что лишь по неопытности концертант мог выбрать первым номером программы такую трудную для голоса вещь, притом не распевшись предварительно. Публика любезно благодарила. Позади нас [наших мест] слышался дамский французский говор. После нескольких успешных номеров программы из Чайковского и Черепнина наступила пауза с радушными аплодисментами. Мы оглянулись на соседних иностранных двух дам; завязался разговор – то были приезжие из Австрии

с. 249 Пожилая элегантная графиня Lautrec de Toulouse - тётя с племянницей; они осведомились у нас об Ал. Вл., хотели знать его адрес. После паузы выступила знаменитая опытная Евг. Ив. Збруева, контр-альто, - дает [дарит] же Бог этакое богатство звука и музыкального вкуса - то были незабвенные минуты наслаждения; слушая ее мы то уносились в оперную сцену, то в романс. Внезапно эл<ектрическое> освещение прервалось, наступила полная тьма. Замешательство и пауза, пока из кофейни явился слуга со свечой в подсвечнике. Аренский развернул ноты Збруевой, и тут по программе прозвучал его голос:

Не зажигай огня...

Не отгоняй мечты!..

Это совпадение случайной темноты с текстом песни артистки [романса] совершенно очаровало публику. К концу Ал. Вл. с большим успехом пропел [спел] арию Ленского. Под большие аплодисменты графини приблизились к нему и сказали несколько приятных слов. А на следующий день ему был прислан старинный деревянный коробок; в нем оказался серебряный бокал с каким-то приборчиком, с инициалами графини.Voilà. Всеобщее изумление. Дам этих он не знал.

с. 250 Сезон клонился к концу. К заключению возникли разные планы. Димитрий с Францом захотели устроить поездку в горы, под Эльборус верхом в компании с одним молодым человеком, сыном сановника из Петербурга. С

кавказцем-проводником [-ами] и запасной лошадей для поклажи. Цуриков собрался в Москву, Ал. Вл. туда же. Надвигался его дебют в Большом театре. А мы, дамы, решили хоть немного познакомиться с гористой частью Кавказа - значит проехать по военно-грузинской дороге. Прислугу Наталью мы снарядили в Москву. А сестры и я - вот сейчас не помню нашего точного пути - Железноводск - оттуда по жел<езной> дороге до станции Владикавказ. В вагоне возле нас сидел красивый молодой офицер кавказского типа, рядом с ним молодой грузин в туземной одежде, высокого роста, узкогрудый и бледный, в высокой папахе. Они узнали в беседе с нами нашу цель поездки. Офицер забеспокоился - как это

с. 251 женщины без мужской защиты отправятся в далекий путь в почтовой линейке... мало ли, что может случиться. Он поговорил со своим товарищем (по грузински), представился нам, передав визитную карточку на которой мы прочли: Князь Эльдар Инналович Дударов, офицер гусарского полка, Ст. Петербург. Он представил нам товарища: Каурбек Татарова, двоюродного брата. Кавказцы честно почувствовали²⁴ себя ответственными за красоту их страны, за поведение их земляков во всем предстоящем пути, за успех нашей поездки вообще; Так, молодой Каурбек подчинился распоряжению князя - быть нашим проводником и советчиком на всем пути до самого Тифлиса, ежели мы пожелаем. Увидав нашу легкую летнюю одежду, кавалеры настояли принять от них бурки с указанием на возможность холода в высоких горах. Пришлось принять. По дороге я почувствовала от бурки совершенно очаровательный аромат тонких духов - я удивленно [с удивлением] взглянула на князя, он с улыбкой произнес: "Coer de Jeannette, Houbigant, Paris". Oh!

с. 252 На станции Владикавказ князь с нами простился с хорошими [добрыми] пожеланиями, а Каурбек уже помогал приладить нашу поклажу в почтовую линейку, рассчитанную человек на 10-12, ?? с запряженных [-ой]²⁵ кажется четверкой лошадей. На этой почтовой станции стоял, ожидая возможности присоединиться попутчиком, тоже пожалуй до Тифлиса, - чем больше участников, тем дешевле для каждого - господин в хорошем акуратном костюме, блондин в соломенной шляпе, с чемоданчиком в руке. Он представился: Julius Glembin, из германского консульства или посольства в Варшаве. Мы согласились. Он сел в конце линейки; мы поехали. Я сидела между Каурбеком и Ольгой. А Маня и Вера к нам спиной, как водится в линейках. Кланы и Надя Гесли в конце. Чем дальше тем интереснее, хотя пока не очень, - широкие довольно пустынные поляны под мелким камнем

с. 253 почти незаметный подъем пути. На первой станции мы ненадолго остановились, дальше выше, дорога уже и извилистее. Где то возвышался Машук и - ближе грандиозный Казбек - весь в каменистых блестках (Glimmer?). А где то еще горный угрожающий навес над дорогой под названием "пронеси Господи". Под грохот нашего экипажа мы не стремились разговаривать. Мой сосед Каурбек явно русским языком владел не очень свободно, а австро-поляк Glembin сидел на отлете - там не разговоришься. Настоящий черкесский костюм моего попутчика меня

²⁴ Следует: почувствовали.

²⁵ Следует: запряженную.

заинтересовал - на груди у него были по обычаю "газыри" в симметричном порядке, а на ременном узком поясе висел кинжал в ножнах черного серебра знаменитой кавказской работы [-аго искусства] [ювелирного мастерства].

- "Какая интересная вещь".

- "Возьмите, она Ваша". С этими словами К. отцепил кинжал и подал мне его в руки. Я опешила и отказывалась. К. изменился в лице - "Вы меня обидите, если Вы не примите [-е-]те от меня этот подарок". Ужасно неловко. Кинжал лежал у меня на коленях.

с. 254 Сестры слышали это и обернулись [оглянулись] в некотором недоумении. Мы приехали к почтовой станции Казбек. Уже темнело. У входа стоял смотритель станции, пожилой растолстевший армянин в черной закрытой долгополой одежде. В комнатах кроме диванов обтянутых черной кожей и клеенкой почти не было мебели. Пожалуй стоял кое где простой стол и стул. Мы, дамы утомленные путешествием, выпили чашку чая и распределились [расположились] в трех комнатах на собственных подушках и одеялах. Мужчины ночевали в мужском отделении. Стало холодно и темно. Утром в условленный час мы поднялись и начали укладываться. Ольга уже вышла из моей комнаты; вдруг, чуть постучавши, вошел Каурбэк, взволнованный чем-то. Он, поздоровавшись, пристально смотрел мне прямо в глаза и вдруг опустился передо мной на колени со словами: "Я люблю Вас!", сам потрясенный этим признанием, почти рыдая. "Я замужем, я Вас совсем не знаю" (чтобы не сказать, Вы мне совершенно чужды). Он поник к моей руке и

с. 255 быстро стремился высказать все свое потрясение, что он знает, ему недолго жить, порок сердца!.. В это мгновение из задних комнат послышался какой-то шум и почти истерический [исступленный] крик армянина - какой-то скандал. Слава Богу, на этот шум Каурбэк сорвался вон. Через пару минут весь соседний аул заполнил все станционное здание. Сестры растерянно бегали из угла в угол, опасаясь среди чужого народа потерять багаж. А народ толковал, стараясь понять, что случилось. Настроение, видимо враждебное, росло против нас. Армянин кричал больше всех. Кто-то догадался призвать местного атамана-казака, для порядка. Явился (очень быстро) рослый картинный казак светлицы и светловолосый в полной казачьей форме, с башлыком на спине, в высокой папахе, он и без того был высок, в отличных высоких сапогах, спокойно-уверенный в своей власти, молча подождал объяснения. У австро-поляка пропал за ночь револьвер. Накануне вечером

с. 256 он его показал Каурбэку - а утром, при сборах - револьвера не оказалось. Австриец сделал заявление армянину о пропаже. В ответ на это тот устроил скандал и вероятно навел [отвел] подозрение на Каурбека и на нас. Ясно, что надо сделать обыск у дам. Обыск осуществим лишь в присутствии чиновного начальства. Вот и атаман на-лицо. Начали развязывать нашу поклажу. Верочка в тихом ужасе - как это при всем честном народе будут раскладывать дамское белье! Ужас! Каурбэк с своей стороны пришел в бешенство от оскорбительного подозрения, направленного на него: он скрежетал зубами, хватаясь за кинжал, при виде австрийца. А кинжал сестры успели передать К<аурбеку> по принадлежности ему с просьбой понять, что подарок этот мужу моему, так как я замужем, создаст

неприятность. К<аурбек> понял и принял кинжал.

с. 257 Никто из нас в этот момент крайняго волнения не ожидал и так и не понял - по какой причине внезапно все разрешилось само собой, в тишине. Сказал ли атаман вещее слово, или кто другой - но багаж наш оставили в нашем распоряжении, и мы могли без всяких препятствий уехать. Тут же были поданы лошади - армянин уверял до сих пор, что лошадей нет. Мы вышли на улицу - небо в серых тучах, летят снежинки. Горцы предсказывали дурную погоду, не было смысла ехать дальше в горы... Нам совершенно расхотелось путешествовать; только бы поскорее вернуться домой, по Чеховски: в Москву, - в Москву! Мы стали садиться [начали усаживаться]. Каурбэк по данному слову князю Дударову разумеется [конечно] решил проводить нас назад до Железноводска. Сели и было тронулись, а тут оказался еще пассажир: австриец в соломенной шляпе с чемоданчиком в руке! Как? этого субъекта сажать к нам, после такой неприятности? - Ни за что! - подумала я и сказала! Вера и Маня: "Ну, пускай едет". Сел. Поехали. Каурбек как тигр ... рука у кинжала.

с. 258 В дороге он придумал месть - по приезде в Железноводск он принудит австрийца переночевать с ним в гостиннице и там он докажет ему, что револьвера у него не было и нет: он снимет при нем всю одежду! - (заперши дверь комнаты на ключ) Вот.

Димитрий и Франц в свою очередь привели свой план в исполнение: верхом к Эльборусу. Две недели они с проводником, в компании с незнакомым юношей провели под открытым небом. В восторге от непривычного образа жизни, новых красот природы, от солнечных горячих очень ярких лучей (для глаз было трудно без темных очков), от ночного черного неба усеянного небывало большими яркими звездами. Ночлег на земле под буркой на холоду - наконец у Эльборуса - костры, шашлык, и видели пару медвежат! Лучше и не придумаешь!

Учеба на курсах в Москве. Студенческие волнения. Дебют Богдановича в Большом театре и его женитьба

Хотя Франц пережил затруднение: у него вскочил от езды верхом большой фурункул на заду (много-много лет спустя у него оказался диабет) - а в дороге сосал леденцы.

с. 259 Кавказец-проводник ему помог - оторвал с куста шип и проткнул гнойник с успехом.

В Москве началась учёба на курсах. Встреча с Катенькой Завалишиной. Она тоже была на Кавказе. Ея сестры приобрели в Сочах - тогда мало известной местности, по плану министра Витте участок земли - почти

бесплатно, под условием поставить жилое помещение не позднее двух лет. Завалишин»ы поставили забор и через короткое время легкую небольшую постройку и тем пустили там корни. Катенька этим летом съездила туда и в компании со знакомыми молодыми людьми купалась в море. Однажды она в волнах потеряла силы и стала тонуть, один из кавалеров вовремя заметил ее исчезновение и вытащил на берег. К. сознавала, что он ее спас. К концу 1902 года происходили студенческие волнения. Были сходки и диспуты. Студенты различно определяли политическое направление профессоров... Так однажды Митя услышав фамилию нашего профессора минералога Вернадского отметил: он "седой"= эс. дек. = соц<иал>-дем<ократ>.

с. 260 Других, консервативных профессоров студенты подчас бойкотировали, освистывали. Сходки начальство запрещало. Бывало иной раз сходку разгоняли с помощью казаков. - По приказу Генерал-Губернатора - в то время Великого князя Сергея Александровича (дяди царя) казаки окружали данное здание, или часть бульвара - конным отрядом и ловко направляя послушных лошадей боком-бокком теснили толпу: так, от университета на Моховую и прямо - в манеж. Вот и все. А из манежа полиция выпускала студентов по одиночке и по подписке и т.п. Пошли исключения из университета и ссылки в места весьма отдаленные.

Ал. Вл. в Москве, наперво, жил похолостецки и знакомился [входил в жизнь] Большого театра. Близился его дебют. Мы познакомили его с моими родителями. В день спектакля мы взяли ложку и с трепетом [особенным конечно] следили за выступлением Ленского.

с. 261 Онегина, кажется, пел Гончаров. Все сошло благополучно. Лирика удалась хорошо. Сцена ссоры с Онегиным была очень драматична, ария была хороша. Дуэль. Смертельно раненый Ленский упал эстетически и реально-хорошо. Успех. А.В. был принят на службу. После спектакля мы по условию встретились у входа театра. Мои родители пригласили нас с Ал. Вл. к себе - закусить и отпраздновать дебют. Маме А.В. очень понравился, она растроганно отметила, что он, как настоящий артист, очевидно сильно переживал свою роль, и теперь надо бережно с ним обходиться. Выпили, поздравили, тихо побеседовали и разошлись. На наших глазах, т.е. моих, Ал. Вл. прослужил 20 лет, если не больше - (я уехала из России в 1921 году). Громкой карьеры певца он не сделал. Но пел он хорошо, хотя не разрабатывал роль до тонкости, как это делают знаменитости, вокально и сценически. Но, по верной оценке доктора при театре - Ал. Ад. фон Борхманна (ухо, горло, нос) - то был полезный, надёжный певец - он всегда - здоров!

с. 262 Др. ф. Борхман был очень музыкален, хорошо играл на рояли и komponировал (позднее, вещь под названием [оратория?] "Вопна"). В Большом появилась молодая певица Марг. Георг. Гукова, родом из Житомира, ученица проф. Мазетти, очаровательное меццо-сопрано, брюнетка, небольшого роста, с правильными красивыми чертами лица. Ал.Вл. через год или раньше женился на ней. Повенчались, поехали - в Кисловодск - туда - туда - где так радостно весело жилось с семьей Винокуровых, - там лазоревое царство и непередаваемая безмятежность... Приехали. Наняли комнату. Обед в ресторане. Ах, - пойдём в парк,

мы там так веселились, ах, знаешь, Маргусечка, в теннис я бы поиграл - вот мы, знаешь, с Винокуровыми...; а верхом мы... бывало, вон там,... а мы с Винокуровыми в крокет...

с. 263 Маргусечка, конечно, как и каждая [-ый] новобрачная [-ый], на ее месте посвящение в счастливое прошлое в Кисловодске с чуждой ей семьей Винокуровых, слушала терпеливо дней четырнадцать, - но не дольше и потребовала "перемену мест". - Как она нам потом со смехом рассказала. Переменили.

Третий курс естественного отделения. Сокурсницы. Вера Муромцева и ее помолвка с И.Буниным. Обыски. Арест Дмитрия. Встреча студентов с участием В.И.Качалова

Весна 1903 года. Экзамены. Катенька Завалишина и я выдержали и перешли на третий курс естественного отделения. За ту зиму мы очень погрузились в аналитическую, неорганическую химию - я с большим энтузиазмом работала в химической лаборатории и засиживалась там до 9 с ½ часов вечера. Меня однажды вежливо но определенно оттуда вывели подруку, пора закрыть двери. Лаборатория была оборудована донельзя скромно, в двух комнатах, со слабой вентиляцией, очень простыми деревянными столами без изоляции для химических составов, с простыми табуретками. За каждым столом работало двое. Завалишина и я, а рядом Фидлер Наталья и Крестовникова Лидия, Пархоменко и Вера Муромцева - племянница председателя первой Государственной Думы, очень прозрачно бледная, высокая, с почти классическими чертами лица - пришла с опозданием

с. 264 на несколько недель, только что отболевши тифом; поэтому волосы (средней блондинки) были коротки для прически, но декоративно вились, как это бывает после тифа. Проф. Зелинский ее очень радостно приветствовал, растроганный ее болезненным видом. Он был хорошо знаком с семьей М. Рядом еще работала рослая мужеподобная одинокая курсистка с шапкой курчавых русых волос, крайне бедно одетая в черную ластиковую (сатин?) блузу и черный фартук, Балабанова, во всей повадке и говоре - на "о" - настоящий семинарист. На ее столе очень часто происходили какие то вонючие взрывы. Однажды она стояла перед нами неузнаваемая при таком взрыве - совершенно черная в лице и волосах, молча утираясь. Испуг и смех. - Фидлер при сюрпризах такого рода: "Ай, батюшки мои!" В кругу Ф. и М. постоянно было оживление. Пархоменко очень стеснялась и боялась встречи с нашим профессором химии Зелинским. Она уверяла нас, что он ее непременно на зачете или на экзамене провалит - по той причине, что ее брат-студент имел какое то столкновение

с. 265 с Зелинским и должен был покинуть университет. В течение нашего курса полагалось решать аналитическую хим<ическую> задачу. Проф. Зелинский сам составлял в соседней комнате в колбе смесь, которую каждая группа потом должна была проанализировать по элементам и дать ему отчет. Катенька и я в том числе получили хим<ическую> задачу и решили ее. Много лет спустя – мне сообщила Ольга В. (в Гейдельберге!), что я, по наблюдению Лидии Крестовнико<во>й, с которой я была дружна и в те семестры совместно микроскопировала по ботанике и друг. вместе тоже готовилась к экзаменам, что я подглядела состав хим<ической> задачи проф. Зелинского, и следовательно верно решила [-в] задачу, совершила обман!

Мне тогда в голову не приходило, что Л<идия> Кр<естовникова> уже тогда интересовалась Митечкой!

Вообще в тот год происходило многое. Муромцева как-то некоторое время на курсах отсутствовала - за это время она помолвилась с писателем Ив. Ал. Буниным. Мы ее очень приветствовали. Помолвка была повидимому очень официальная. Коллеги подарили Бунину яхту "Вера" - не знаю комнатную модель или настоящую.

с. 266 А на помощь Пархоменке мы делали сбор по случаю ея – родов, тайных! – Николай Вас. Таланов тоже, как Митя, рано женился на хорошенькой серьезной барышне Ольге Дмитр. Дубенской, кончившей гимназию и занимавшейся музыкой. У него был сделан обыск, после чего его посадили, а потом сослали на много лет в самую восточную, самую северную часть Сибири - Верхнеудинск (Верхоянск?). Земля там никогда не тает. 70° Реомюра. Ольга Дм. последовала за ним. В 1920 году они жили во "флигеле" нашего дома в Спасском пер. Таланов пел тенорком "ай, дуб-дуба, дуба-дуба...!". Он был нездоров - почками, служил в банке. Ольга Дм. брала уроки музыки - в голодное время едва передвигая ногами, с нотами, в валенках, с частыми позывами помочиться, от голода!

У нас в 1902 году тоже был обыск. Ночью, наш дворник Андрей вдруг с черного хода должен был впустить троих полицейских - или сыщиков с одним полицейским из нашего участка. Ужасно унижительное неслыханное про-

с. 267 исшествие. Забрали паспорт, письма, просматривали книги... Через пару дней Митечка оказался в Таганской тюрьме наряду со знакомыми – прис<яжным> пов<еренным> Евгением Адамовичем Фальковским и Борисом Яковлевичем Гринберг, как мы потом узнали. Причины ареста никто не знал. Вероятно это было по доносу какого-нибудь агента. А может быть и потому, что Митечка было записался вольнослушателем в Моск<овский> университет на юридический факультет. Он слушал Ключевского, Хвостова - которого он насмешливо критиковал. И скоро, со скукой заметив, что все это я знаю, он оставил университет. Из тюрьмы его через 2 недели выпустили, без видимых последствий. Других двоих подержали подольше.

Зинаида Завалишина кончила в Петербурге женский мед<и>ц<инский> институт с успехом и вышла замуж за некоего Панкова. Катенька З. крестила ея сыночка.

Вера З. в Петербурге лет через 5 поступила на юрид<ический>

факультет и кончила с успехом.

с. 268 Весной незадолго до конца нашего с Катенькой семестра, товарки по курсу вскользь меня спросили, можно ли у нас им собраться для дружеской встречи и для сбора пожертвований в пользу нуждающихся курсисток? Пожалуйста. И вот в один вечер часам к 8-ми к нам потекли одна за другой, а то и втроем, четвером к нашему удивлению - наши барышни, человек до 60-ти! и вдруг еще звонок - мы обомлели - вошел сам Василий Иванович Качалов - уже тогда очень любимый публикой артист Художественного Театра - Как это надо было понимать? Очевидно, мне самой сути не поведали - что собрание было до некоторой степени конспиративное, с неизвестной для меня и для Винокуровых целью. Расположились в зале и гостиной. Наскоро мы смобилизовали чай с печеньем. Качалов восседал у праваго первого окна между пальмами, придвинуты были ломберные столы! Явилась старушка

с. 269 Марья Федоровна для разлива чая - шепотом мне сообщив, что большой "людской" самовар закипает и молодого нашего второго дворника в людской кухне, смазливого краснощекаго Степана, черноброваго, волосы посередь на пробор смоченные квасом, кумачовая чистая русская рубаха-косоворотка, черные шаровары, сапоги с голенищем ослепительно глянцевитые, со скрипом, белый большой нагрудный фартук - не мужик - картина! - внизу в людской дворник Андрей, няня Марья Максимовна, горничная Наталья, кухарка Ольга, Марья Федоровна - все надрывались от смеха, глядя как Степан по молодости для пробы прохаживался при их наставлениях по кухне. Самовар поспел - медный, ярко чищенный, ведёрный (употреблялся для прачек). Крепкими руками Степан благополучно принес его по лестнице и коридору в ярко освещенную залу и торжественно поклонившись [как-то туго] поставил его на стол... "Хорош!"... загляделся Качалов, с наслаждением видимо записав в своей памяти эту благодарную для сцены картину.

с. 270 Качалов что-то прочитал, кажется из Чехова, а потом очень невинный анекдотик об одной эстонке (он сам был родом из Эстонии [Литвы]) - : У реки она стояла, жалостливо указывая на воду, с криком: ах, репьянка, ах! - бросились помогать спасать - вытащить ребенка - нет, ничего, - оказалось, она уронила гребёнку - гребешок.

Публика что-то собрала. Качалов под аплодисменты уехал. Все разошлись. Мы после этого неожиданного сборища некоторое время побаивались (полицейских мер [последствий]), так как наше жилище было в тихой местности и собрание это конечно могло быть замечено. Но ничего видимого не произошло.

Студенческие волнения возрастали. Университет был закрыт. Наши курсы стояли перед тем же решением.

Карл и Димитрий решили поехать на Нижегородскую ярмарку, знаменитую большими торговыми оборотами и купеческим разгулом, под цыганские песни, пьянство и пляс.

с. 271 Дим. предложил мне присоединиться до Нижняго, а там пароходом проехать по Волге до С. и обратно одной без него - так взят был и билет. Погода

была весенняя, у меня наступили [были] каникулы. Вечером мы выехали, утром мы были в Нижнем. Меня проводили на пароход и простились. Я впервые - у большой реки. Чистый белый сверху до низу, двухэтажный пароход. У меня одиночная приятная каюта. Почти все занято. Чистая приятная публика, воздух пахнет рекой и рыбой. Батраки грузят какие-то узлы, ящики, сундуки. Я с робостью прошла по палубе, - через полчаса мы тронулись. Погода была теплая, без ветра, на мне было лёгонькое очень простенькое летнее платье, помню в мелкую светло серую клеточку, белый воротничек с манжетками, часы на длинной бисерной (самодельной) цепочке, заткнутые под кушачок. Пальто летнее - синее, легкое, в $\frac{3}{4}$ длины, с широкими рукавами, шитое хорошим портным, соломенная светлая шляпа остались в каюте. Рядом появились было две молодые девушки, но рано исчезли.

Поездка в Нижний Новгород, Казань. Протоиерей? Исакиевского собора в Петербурге (отец) В. М. Смирнов

Среди пассажиров, находившихся на палубе была небольшая группа, видимо интеллигентных

с. 272 людей, оживленно разговаривавших с очень благообразным, чтобы не сказать красивым священником средних лет, высокого стройного роста, как водится с бородой (но небольшой) и холёными, для священника сравнительно короткими русыми волосами, в чесучевом хорошо скроенном до полу, в темных брюках и хороших башмаках. На груди у него был особенный знак, вроде ордена, мне незнакомого. В руках он держал бинокль и с интересом вглядывался в окрестности, обмениваясь впечатлениями.

Доехали до Казани. Пристали, грузили и разгруживали, не спеша. Потрясающе примитивная пристань - деревянный мостик у воды - с него идет путь в город по деревянной примитивной некрашеной лестнице ступеней в 80 вверх; - по бокам можно подниматься и просто по Господней земле, - вернее по скользкой глине - изъерзанного побережья - туда же вверх. В городе Казани есть университет. Лев Толстой там учился, - (Ал. Вл. Богданович тоже.)

с. 273 Пароход шел медленно, от времени до времени чей-то голос сообщал какие-то числа... матрос, ботсман? измерял глубину Волги, капитан давал распоряжения; временами мы продвигались осторожно, а однажды легонько сели на мель. Дали ход назад и после некоторого раздумья благополучно проскользнули дальше и дальше. Местность стала интереснее. Пассажиров стало меньше. Обед можно было получать на палубе. На корме был накрыт стол на - нас двоих - священника и меня. Подали уху и стерлядку кольчиком, - а под нами в нижнем этаже внезапно завопили - живые крепкие поросята, тесно посаженные в корзину, перед кухонным окном. Мы невольно расхохотались и тут же

познакомились. Протоиерей? Исакиевского Собора в Петербурге (отец) Виктор Михайлович Смирнов, академик? Недавно совершивший по его рассказу большое путешествие в западные страны, по этой причине волосы и борода были "европейского" размера [вида].

с. 274 Вспоминая об этом, мне теперь думается, что отец Виктор не просто был за границей. Вероятно, он съездил по поручению православной Церкви - к прихожанам Исакиевского Собора числилась Государыня Императрица Александра Федоровна была родом из Дармштадта, Гессенского герцогства. По обычаю приняла православие. На случай ее посещения были отстроены православные церкви в Дармштадте, Висбадене, Баден-Баден, Берлине? и в Лейпциге? - В Лейпциге мне позднее довелось видеть [увидеть?] в часовне? или церкви при памятнике "Völkerschlacht-Denkmal" среди других знамен знамя в память русских бойцов (Казачьего полка?) - вышитое рукой царицы - с каймой и непрерывным узором свастики. Посетители памятника громко удивлялись, не понимая "Schon damals Nakenkreuze?" - (То была эпоха расцвета Гитлеровского неистовства.) Императрица Александра и ее сестра Елисавета (супруга московского губернатора Сергея Александровича) были как известно высокообразованные дамы, знавшие не только языки, толк в юридических, исторических и богословских науках. Обе с истинно-германским усердием при вступлении на русскую землю и принятии православия, погрузились основательно в историю и все догмы православной церкви, - Этим знанием они стояли превыше всех окружающих, включая царя Николая.

с. 275 Но что подумал Николай, отрекшись [уже после отречения] (за себя и за свое семейство от престола) - услышав однажды одобрительную оценку Александры Федоровны - из уст Керенского [или: при словах Керенского] : "Какая она у Вас умница!"

[царь Николай с семейством]

При прекрасной погоде отец Виктор и я все дни проводили на палубе в очень оживленных разговорах. Началось с того, что я себя назвала "курсовицей", слышав однажды это слово от Димитрия - вместо курсистки, - что явно не понравилось моему собеседнику: "Прошу Вас, никогда не употребляйте это слово". - Я поняла, что это был "faux pas"... Очень удивлен он был, что я дочь иностранцев, - что я училась в немецкой гимназии и в настоящее время уже перешла на третий курс, естественница - хочу быть врачом и конечно помогать русскому народу. Мы говорили о жизни в университетах, о революционном настроении молодежи. Говорили о Толстом. [У меня не было повода ему сообщать, что я замужем, обручальных колец мы не носили, но бриллиант красовался на моей левой руке.]

с. 276 Отец Виктор был очень начитан, и Толстого он оценивал высоко, как художника, но был им оскорблен за церковь, над которой Т. глумится. Зачем Т. это делает? Говорили, кажется, не пропустив ни одного из русских писателей, особенно новых - начала 20-ого столетия. [Чехов, Горький, Андреев.] Говорили о музыке, о концертах [одаренный хорошим баритоном о. Ви<ктор> в молодости колебался при мысли о сцене]- говорили о Германии, о Мюнхене и музеях... Боже мой, с утра до вечера обменивались мыслями и впечатлениями. Местность - правый берег Волги становился круче и живописнее. Одним вечером мы

засиделись на нашем обычном месте на корме - поросята к вечеру утихли, мы их забыли - их сменили к нашему восторгу - соловьи! - их было слышно с Жигулевских гор. То был чудо-концерт - до глубокой ночи -незабываемый [незабвенный], при лунном свете - к довершению чуда.

[В нашем начальном разговоре я на вопрос о причине и цели поездки этой, я упомянула: "я от людей устала" - что-то заставило задуматься.]

Доехав до Самары, мы, предвидя менее интересную [-ый] путь, покинули наш пароход и дождавшись встречного, тут же направились обратно. Такой же

с. 277 белый уютный пароход, те же сигналы и приказы капитана, но темп хода чуть медленнее.

Отец Виктор к концу мне вдруг сказал, что он не встречал такого живого ума в таком юном возрасте - "Это не интеллект, а "интеллектище" - а я ему в ответ, что муж мой - я два года как замужем за другом детства, не только хорошего образования, но и от природы высокого "интеллекта", но и с даром высокого интуита. Отец Виктор со своей стороны поделился своим горем - пару лет тому назад умерла матушка, его жена, оставив дочь; ей теперь 8 лет - к его большой печали, дочь больна пляской св. Вита (St. Veit). Живет в Финляндии, недалеко от Петербурга. Он сам в монашестве по закону православной церкви, поэтому он принят в духовенство Исаакиевского собора.

Так прошли почти 14 блаженных дней - можно сказать вне времени и пространства.

с. 278 В последний вечер, я ему призналась, что я в него влюбилась, (так он мне нравился). Он в ответ: "И я Вам должен признаться в том же". Мы расстались. Утром причалили в Нижнем. Я собрала в каюте вещи, вышла в шляпе и пальто. Навстречу вышел о.В., мы протянули друг другу руку и со словами "Мы никогда не увидимся. Прощайте" - "Да." - и с крепким поцелуем в уста он быстро ушел. Я его никогда больше не видала.

Дачная жизнь в Клязьме. Друзья. Смешная история с хирургом Постниковым. Рассказы друзей о поездке в Соловецкий монастырь

В Москве наступило дачное время. Отец купил дачу на станции "Клязьма" Ярославской дороги - река эта действительно там протекала - речонка, особенно - после Волги! - но ничего. Новый почти курортный вид местности - в аккуратных просеках отстраивались новые хорошие дачи. Вблизи станции, через поле, на углу [одной из] просек(и) стояла дача отца, в два этажа, большой балкон внизу, поменьше наверху - закрытый с трех сторон, очень уютный с красивой драпировкой внутри порядоч(с. 137)наго размера (с. 136) комнаты,

с. 279 предоставленной мне с Митей. Дача была поместительная - брат Карл с женой Катей и дочерью Женичкой, брат Отто - как раз купивший славную лошадку - рыжаго киргизскаго малорослаго, горбоносаго уже не молодого добраго иноходца - для катанья в шарабане, также и под седло. Брат Франц, перешедши в Михайловское училище "стремился в Технич<еское> высшее - готовился на уроках студента-соседа, к конкурсному экзамену - (как уже тогда полагалось). Отец с матерью держали кухарку, горничную и слугу для сада, частью и для конторы в Москве. Совершенно непонятно - у меня сохранилась фотография этих троих людей, сидящих в нашем саду при большом самоваре, уже убравши чайную посуду за голым длинным досчатым столом.

Добрый Отушка - ах, он маленьким мальчишкой еще мечтательно говаривал: Эльс!... когда я буду большой, я тебе хорошую лошадку подарю!.. Да, он любил дарить.

с. 280 и тут - оказалось прекрасное дамское седло, обтянутое светло-серой замшей (замшевой кожей.) Имелось конечно и мужское английское седло - и тут на днях Митя, под вечер оседлал добраго киргиза - (под именем "Бокал") и проехал по ещё не совсем уравнинным просекам, - уже приближаясь на наших глазах к даче - Бокал на рысях споткнулся о корягу и Димитрий упал на землю через его голову.

Отушка тут же подбежал, лошадь стояла, и Митя тут же поднялся, вероятно (чуть) испугавшись, с некоторой болью в правой лопатке - этим местом он ударился [обзёмь] при падении (обзёмь). Слава Богу, ничего не случилось. Мы - я, мама и Карл все это точно видели и тем убедились, что ничего страшнаго не случилось и "перешли к порядку дня." - А может быть ему было немножко стыдно - что он свалился, или досадно. Мама чуть с добродушной иронией что-то проронила о его "верховом спорте". Вечером наедине я Митечке рассказала о моей осо-

с. 281 бенной встрече со священником, и что мне грустно. Тут у меня и у него потекли слёзы... "Знаешь, это половое чувство"... "Как такое, мне это совсем не нужно". "Ах, а я уже почувствовал, Ты совсем не испугалась, когда я упал". На это я не нашлась, что сказать - (я испугалась, но вместе с другими увидала, что повреждения не было-). Я, как будущий врач, старалась уже с Малаховских времен смотреть на реальность без ахов и охов - Я тогда следила за движениями помогавшаго врача, но не упала в обморок при виде крови, когда у железной дороги валялся раненый пассажир - совсем дельно, без сенсаций... Но это изложить Митечке я была не в состоянии. Кончился этот разговор иронией - "Ты говоришь, у него голос был хорош" - что ж он Тебе пел "Господу помолимся" или что другое? - Мы рассмеялись. Мы зашли в эти дни к Францу; недели три тому назад он перенес операцию после аппендицита у знаменитаго хирурга - Петра Ивановича Постникова. И теперь поправлялся здесь на даче. У Франца

с. 282 было осложнение после операции - вздулся живот, было похоже на паралич кишок. Петр Иванович все заходил [подходил] к его постели в безпокойстве, один день, два дня, живот всё рос и вдруг взмолился к нему: "Францка, пёрни, ради Бога" - Францка от смеха пёрнул, и стало хорошо.

Среди молодежи создалось много знакомств, - мы много играли в

теннис. - Место для игры было в продолжении нашей просеки, как раз там выстроена была красивая деревянная (православная) церковь, на средства, собранные дачниками - а позади ее - был наш теннис. Во время службы мы играли редко и в тишине. Катались на лодке в четыре весла, купали<сь>, а то вечерами при луне под гитару и мандолину пели студенческие песни из нашего кавказского репертуара. На берегу стояла большая барская дача - принадлежавшая Моск<овскому> городскому голове - Алексею - отцу нашей красавицы Анны Сергеевны - эпохи Кисловодска -

3-я с. обложки - отцу Артиста и создателя Художественного Театра - по сцене - К.С.Станиславского - В даче был еще свет. На наше "Серенадное пение" - в верхнем этаже кто то вышел на балкон с аплодисментами... Нам стало немножко стыдно за наше дилетантское пение, с нарочитым тремоло при словах песни "укажи мне такую обитель, где бы русский мужик не страдал" - (на что Бунин однажды с яростью кричал - почему это придумали именно мужичье страдание").

Band III

с. 283 Куда девались знакомые и друзья Франца тех времен? Между ними были интересные юноши, только что окончившие училище, уже поступившие – кто в университет, кто в технич<еское> высшее училище, а кто и остановился на полпути. Появился какой-то юноша Рибас – должно быть литовец родом. Он гостил у моих родителей на Клязьме – Маму он приводил в отчаяние неустанным разговором с утра до вечера с очень настойчивыми вопросами философского содержания. Он однажды – как в воду канул – исчез неизвестно куда. Так он остался для нас загадкой. Длительно дружил с Францем товарищ по училищу Фестер, рано потерявший отца, воспитанный

с. 284 в сиротском доме, учрежденном немецкой колонией в Москве. Мы знали нескольких видных деятелей, выходцев оттуда. Очевидно воспитатели там были хорошие. Фестер себя хорошо держал в опрятной училищной форме, он был скромн, учился хорошо – еще бы! можно сказать – при таком просторном черепе и широком лбе и таким живым взглядом глаз. Но и этот юноша как-то простыл, неизвестно куда. Это было не позднее 1904 года.

Еще был друг приятель Николай Флорович Булашевич – уже студент техн<ического> училища. Он натаскивал Франца по математике, играл с ним на гитаре и пел, с вида рыжеватый со светлыми глазами, небольшого роста как Франц, тихаго характера.

с. 285 Семейство Булашевич жило тоже на Клязьме. Сестрица Елена, прехорошенькая, кокетливо заигрывала с Отушкой. Однажды она увидав его верхом – ах, Отто Карлович, как это Вам не страшно..? – «Садитесь, я Вас покатаю»... «ах?» – И в миг он ее втянул к себе на седло – и вдвоем – как на картинке Manasse... получили свое удовольствие, на удивление мамы, видевшей эту забаву [сцену].

На Клязьме родители мои – снимали одно лето другую дачу – у семьи Шолматовых–, на той же просеке. Митя и я тоже провели там одно лето. Гостила там и Катенька З. побывал там и Ал. Вл. Б<огданович> две недели – и конечно пел – помню мы проходили Фауста «привет тебе привет священный –; несколько тактов, потом высокое «до» – это Франц – конечно в отсутствие Ал. Вл. тоже старался выводить – к удивлению соседей, к нашей забаве и шутке.

с. 286 Гостил там и товарищ по школе Герман Бломберг – тоже полусирота, москвич, из немцев. Он тоже еще носил школьную серую форму с ремнем. Он был тих и слушал почти с благоговением разговоры Бо<гданович>а с нами. Ал. Вл. взглянув на молчаливаго юношу, вспомнив вероятно «Германа» из Пиковой Дамы – вдруг обернулся к нему со словами из оперы и шутливо пропел «Скажи мне Герман, что с тобою... Ты чем то недоволен?» – и Герман в ответ совершенно неожиданно серьезно пропел без голоса, очень скромно: «со мною ни-че-гооо!» –

причем последний слог прозвучал тонкой высокой нотой – к общему смеху и удивлению.

Было очаровательно Ал. Вл. был в ударе – пел с удовольствием – арию индийского гостя – Не счесть алмазов в каменных пещерах...

с. 287 А специально для мамы – он пропел из Лоэнгринга – где конец гласит: «я чаши той слуга». С зоркостью любителя грибов А. Вл. нашел случайно у нас в саду белый гриб у края дорожки. Место этой находки он покрыл листьями и тайно наблюдал его. Однажды он принес маме охапку грибов «сюрприз из Вашего сада» – действительно сюрприз – тут он нам открыл свою тайну. Общее удовольствие. Молодежь – братья Зубаревы с сестрой, Тимофеевы, – и длинный красивый блондин Бундшух собрались на богомолье – часть дороги – в Архангельск! – Пешком, а оттуда в исторически интересный скит или монастырь? Недель 2–3 они были в пути – Вернулись загорелые, несколько изможденные. Они ознакомились со строгой монастырской жизнью, известного древнего Соловецкого монастыря. Много толковали о право-

с. 288 славии, о монашестве, о проступках монахов и с ужасом в глазах поведали о страшной форме наказания, применяемого в «былые времена», а может быть еще и теперь: на просторе, у [на] деревьев [-ях] им показаны были [приделаны] деревянные клетки со многими отверстиями – голаго монаха сажали туда на съедение комарами [говорят – до смерти]. На севере, в летнее время в дремучих лесах как известно большие кусачие комары тучами нападают на все живое. - Наши богомольцы явно убедились на собственном теле в нечеловечности этого наказания. В связи с этой экскурсией интересно было видеть – как наши юноши овзрослели. По старому житейскому опыту – человека узнаешь в пути – одни из них больше сблизились, другие отмежевались – дискуссия о Толстом, его отношении к церкви, к религии христиан и вере в Бога, к христианству – конца тому не было.

с. 289 Все вернулись к теннису. Во время игры все старались острить и каждый удар получал оценку. Франц, делавший успехи в игре, явился однажды случайно в чесучевых брюках из отцовского отложенного гардероба. При каждом ударе возглас участников «ай, да штаны...» При ударах Мити: «Браво, купец!» или «Тит Титычу, advantage» – отчасти объяснялись по английски, – еще бы, в таких штанах! то-ли не спорт.

Катя З. за это лето успела съездить за границу. Побывала в Испании – в Мадриде, вместе со старым знакомым из Петербургской Академии Художеств Ильей Яковлевичем Гинзбург, она изучила там знаменитые музеи и конечно видела бой быков: *corrida del toros* – кажется на самую главную гадость она не глядела.

Поездка в Швейцарию на учебу. Встречи с Доброхотовым, скульптуром Гинзбургом (история о Л. Н. Толстом). Занятия в анатакуме. Забавная медицинская история. Акушерка М. Замыслова. "Неприличный скандал"

В Швейцарии она навела основательные справки. Оказалось, что она и я могли быть приняты в уни-

с. 290 верситет – например в Zürich. – на медиц<инский> факультет, вольными слушательницами до сдачи экзамена по латыни (8 Классов). – которой у нас не хватало – а потом и полноправными студентками с допущением к докторскому экзамену; как иностранки – без права практики в Швейцарии. Все это мы обсудили с Митечкой. В виду того, что студенческие волнения в России продолжались, университеты и курсы были закрыты. Потерю времени было трудно переносить. К осени, Катенька и я собрались ехать в Цюрих. Помню, как меня охватило лихорадочное желание поступить в унив<ерситет> как можно скорее получить врачебный диплом. Для путешествия отец мне подарил сумку на ремне через плечо. Я за неделю до отъезда все носилась в доме с утра до вечера с этой сумкой. Митечка молча

с. 291 глядел на это ребячество.

Присоединилась еще старшая сестра Мария Завалишина, ея подруга молодая Анастасия Протопопова, и их знакомая Марья Николаевна Замыслова. День их отъезда по каким-то причинам был отсрочен на пару дней. В моих делах все было готово – включая согласие моего мужа на выезд за границу с пометкой в моем паспорте в полицейском участке – От нетерпения я решила ехать одна.

* Митечка, его товарищи Таланов, Ченцов, мои родители и Франц проводили меня на вокзал.

* До отъезда Митя и я съездили с визитом к дедушке Александру Ивановичу Зубову. Ему было под 70 лет. Он был в заботе, бабушка Ольга Алексеевна лежала больная. Уход за ней был труден «очень она грузна, да и водянка тоже». С дедушкой было

с. 292 трудно разговаривать, он терял слух и говор его звучал страдальчески. Разговор шел о политике царя и его министров. – Был открыт скандал – касавшийся подкупа министра внутренних дел. Митя «да ведь он жулик» – «Ах, как это Вы говорите, ведь его государь призвал». Тут они кончили. Дедушка Зубов, взглянув на меня. «Вы завтра уезжаете?.. Отчего у Вас губы подсохли [сухие]?» Я не знала, что на это сказать. Вероятно от волнения перед отъездом. Мы простились. На другой день вечером около 9ти часов на Смоленском вокзале * меня проводили Митя, мои родители, Франц и Митины товарищи – Таланов, Ченцов. В багаж был сдан мой приданный сундук, сопровождавший меня уже два раза на Кавказ, а теперь «заграницу» – Я мало вещей взяла

с. 293 с собой, рассчитывая сделать покупки в Швейцарии. Ручной багаж

содержал лишь самое необходимое. – И вдруг подошла мама к окну моего купэ с подношением – большого бисквитного торта, собственного изделия. – очень трогательно и очень мне некстати – пакет невозможно было держать в одной руке – а как я буду в Варшаве с чемоданом, зонтиком и тортом в руках менять поезд с одного вокзала на другой?.. Ну, ничего. Потоптались, поговорили, а Митя и товарищи пошептались, оглянувшись. Первый звонок, второй, свистнул поезд, простились, поцеловались. Митечка шепнул «номер твоего вагона записан – вероятно, за тобой будет наблюдение». Пассажиров я как-то до Варшавы не заметила. Я ехала в курьерском поезде – сутки кажется. В Варшаве была не-

с. 294 приятность – переправа на другую железнодорожную линию там лишь возможна через город, – на извознике. Поляков я впервые тут разглядела как врагов России – и русских. Они не понимают русского языка [русский язык] или нарочно делают вид, что не понимают. Наконец извозчик понял – на другой вокзал. Путь препротивный по мосту крытому чугунными плитами в виде вафлей (каково лошадям!) – у другого вокзала неприятность извозчик – мужик явно нахально запросил цену и громко скандалит. Это между прочим я переживала на всех моих поездках через Варшаву – и ни в одном другом городе [-й другой стране]. В другие сутки вечером на переезде через польско-австрийскую границу, помнится, на какой-то станции вроде Ченстохов длительно звонил элек-

с. 295 трический звонок, наводя какую то тоску. В вагоне я была одна. Тихо открылась дверь и тихо сел в дальнем конце австрийский офицер. У меня было впечатление, что он за мною наблюдает. На австрийской станции кажется «Trzebin-ja» (?) – был осмотр моего ручного багажа (в чемодане) и в сундуке. Вероятно, странно было осматривать – во всем сундуке оказалось – лишь мое летнее белое легкое нарядное платье с ушками на розовом [-й] шелку [-ковой подкладке]. Странно, что едет молодая элегантная дама за границу с пустым сундуком! Но ничего, все обошлось. Вена – вокзал Linz, – Salzburg – дивная панорама, – вдруг остановка на пути – длительно – со свистками – беготня. Наконец известие, что путь на мосту над рекой Inn непроходим для поезда. Товарный вагон предыдущего поезда сошел с рельс. Всем пассажирам нашего поезда пришлось поодиночке с чемоданом в руке – пройти по доскам, привязанных веревками

с. 296 без перил пройти [перейти] через провал моста. Внизу пенилась большая река Inn. Все прошло против ожидания благополучно – потом Innsbruck – и наконец с превеликим опозданием Zürich поздно вечером. Вышел из вокзала – на сонной площади световая реклама Hotel Terminus. Туда я вошла. Оказалось – самая дорогая гостиница. Я очень стеснялась по молодости и неопытности. На утро я по плану старалась ознакомиться с городом. где университет, где анатомия, и конечно уже пожалела, что не подождала Завалишиных. А как и где мы встретимся – об этом мы забыли условиться! Пойти обедать в ресторан, мне, молодой иностранке, было неловко и странно. Но в моем Terminus было даже почти обязательное полное продовольствие. В столовой

с. 297 – очень большом нарядном зале – я к обеду очутилась одна под наблюдением дюжины фрачных мужчин и пары подростков „piccolo“ – На расписании я указала „Seezunge“ не зная, что это такое. Подали нечто очень сухое,

плоское как лист бумаги ... зажаренное, к моему тайному удивлению: рыбное блюдо. Я, голодная после постных дней моего путешествия, вернувшись в мою комнату, была рада маминому хотя уже засохшему бисквиту.

С моими милыми москвичками я встретилась кажется на улице – слава Богу, я «со своими». – Наша «группа» конечно шумно-громко, по русски, тут же решила, что лучше мы останемся все вместе под общим кровом, так как двое из

с. 298 нас – Замыслова и Протопопова особенно первая из них, по-немецки, сверх того на цюрихско-швейцарском наречье ничего или почти ничего не понимают [-ли]. По совету одного совершенно незнакомого молодого человека мы поселились у одной старой еврейки Fuchs («Фуксихи») в трех комнатах. Выдержали мы там две недели. – оказалось, что было грязно, не было прислуги для уборки, всюду было невообразимо пыльно – старуха однажды при нас замела сор под ковер – сейчас случайно в 1976 году в газетах нахожу незнакомый мне дотоле оборот речи какую то проблему кто-то «замел под ковер» (пролетарский метод?). Но главная неприятность: у Фуксихи нас блохи почти с'ели. – (сейчас никто наверное не знает, что это такое.)

с. 299 Мы отказались от этого жилища – пришлось заплатить за весь месяц,

–

[В поисках комнаты мы наткнулись на]

Катенька З. и я нашли комнату вдвоем на Plattenstr. 55, в квартале техн<ического> высш<его> училища, вблизи мед<ицинских> учреждений, в пансионе немецко-прусских пожилых сестер Engelbrecht, державших свое дело в двух этажах – Гостей там было за столом человек 10–12, отчасти пожилых постоянных жильцов. напр<имер> Frl. Klein, старая сухая очень длинная с маленькой головой, жидкими волосами, собранными в жалкий пучок на затылке. Больная подагрой или ревматизмом она двигалась с трудом в мягких ночных туфлях, одетая в черном [-е] очень скромном [-е] платье. К приветствию она с опаской протягивала свою больную в суставах руку, заранее закусывая от ожидаемой боли губы. Говор ее был нарочито Цюрихский. Присутствующим иностранцам – инженеру норвежцу,

с. 300 фармакологу шведу с милой женой из Финляндии, русской молодой чете – химику, писавшему дипломную работу Остромысленскому с женой из города Козлова – мне с Катей З. из Москвы – цюрихское наречье [этот говор] было конечно непонятно – (но со временем я его понимала и шутя иногда цитировала из речей профессоров, или вот этой Frl. Klein.)

В университете Катя З. и я были приняты на Зий семестр мед<ицинского> факульт<ета> вольными слушательницами, при условии что мы в течение нашего ученья сдадим 8. классов ученья латыни. Мы это исполнили в два семестра, разыскав одного пожилого, огромного роста студента-Одессита, прекрасно знавшего древние языки. Экзамен мы этот сдали успешно – в каникулы наши –

с. 301 в Москве в мужской гимназии на Новой Басманной «на Разгуляе»! у автора прекрасного учебника латыни Никифорова, по которому мы приготoвились. Мы обе хорошо знали французский язык. – Катенька училась в Москве в частной гимназии Constant, окончила с золотой медалью (ах, однажды

позднее в нужде отдала ее в ломбард, забыла срок уплаты процентов, потеряла медаль!) – франц<узский> язык нам очень пригодился, было «все знакомо». На экзамене Никифоров с удовольствием нас прослушал, как мы Тита Ливия переводили à livre ouvert, Virgil и Horaz, и тут же выдал нам надлежащие свидетельства с добрыми пожеланиями. При имматрикуляции Катя и я очутились «арийцами» единственным исключением из всех 200 иностранцев принятых в этот семестр. То были главным образом

с. 302 евреи из России, почти все из черты оседлости. Ясно, им, по законам царского режима, не было в России дороги в университет. То была интересная публика. Отчасти избалованные сыновья и дочери богатых родителей, элегантно одетые, ходившие по улице группами, громко разговаривая, останавливаясь на перекрестках. В речи заметно было не полное владение русским языком, но также и немецким. Часто было слышно «мы тоже русские» *) На ряду с этими замечен был другой тип евреев – очень тихих, скромных, явно бедных, очень прилежных. Все они быстро спланивались между собою и быстро узнавали что и где нужно что-то делать. Многие из них должны были, по недостатку их школьных знаний

* [Так что швейцарцы пришли к неоспоримому убеждению, что русские „die sind schwarzhaarig, sehr laut u. nicht ganz stubenrein“ по замечанию одной видной студентки, супруги прив<ат> доцента Höber, урожденной Marx. Karl Marx ihr Groß-Onkel]

с. 303 и соответствующих свидетельств подвергнуться вступительному экзамену, в том числе мои милые знакомые-москвички Мария Завалишина, Анаст. Протопопова и Мария Замыслова. Они записались вольнослушательницами на первый семестр и параллельно готовились к экзамену у одного педагога, испокон веков готовивший студентов в этом положении, знавший все требования предстоящего испытания.

Трудно, очень трудно было нашим барышням – «без языка». Мария З<авалишина> победила; Анаст. Прот<опопова> на половину – ей было разрешено повторить экзамен, но она предпочла уехать через семестр домой – ее грызла тоска по родине, впрочем всех нас не меньше. А Замыслова провалилась безнадежно. По чьему-то совету она уехала в Берн, там попробовала экзаменоваться, опять безуспешно, но продолжала слушать лекции.

с. 304 Говорят всегда, что русские очень способны к языкам – да и нет. Я многих встречала, абсолютно лишенных этой способности. Так и Марья Николаевна – через 2 года ученья в Швейцарии, она однажды, уже решив покинуть унив<ерситет> за границей, обратилась ко мне: Вот, что я хотела у Вас спросить, Эльза Карловна, Вы не обидитесь? – Вот на лекциях профессора часто одно слово говорят, что это такое, ну, как это, вроде как: «беабáхтен» – что это такое? (Beóbachten!!)

В Цюрихский период нас (с К.З.) навестил Др. Доброхотов-папаша, совершенно неожиданно – из Москвы, Кисельного переуллка, – очень громко, шумно дыша, рассказал, как он разыскивал наш пансион на Plattenstrasse – Он, зная нем<ецкий> язык, никак все-таки не понимал отвечавших ему людей, говоривших по Цюрихски,

с. 305 и решительно потребовал: «выньте по крайней мере сигару изо рта», но и это не помогло. Он прощаясь с нами, растроганно нас поцеловал с добрыми пожеланиями. Приезжал и мой дядя из Швейцарии, брат моего отца, строгий вегетарианец (к удивлению моего отца.) Onkel Otto. Он без знания медицины, основал санаторию (Sarnen, am Sarner See, „Friedenfels“) и лечил людей вегетарианским режимом и некоторых и голодом. Помню, как я и М.Н.Замыслова с’ездили однажды туда. Место это было неопишимо прекрасно – озеро бирюзового цвета, горы чудесные в лесах, каких то сказочных очертаний и красок.

Приезжал раза два художник скульптор, петербургский академик Илья Яковлевич Гинзбург. Маленький старый лысый человечек, с овальным че-

с. 306 репом и очень пропорциональными конечностями, чрезвычайно живой, говоривший по еврейскому инстинкту довольно ловко на всех языках – Он только что побывал в Лондоне и Париже, где кто-то в обществе ему с некоторым разочарованием заметил, что известного художника не ожидали – такого невзрачного роста, на что он любезно ответил: „Madame, vous voyez que ce n’est pas la quantité, qui fait la chose.“ Гинзбург собрался создать прижизненный памятник Толстого, город Житомир дал ему это поручение. Вероятно, по знакомству с пианистом (евреем, сейчас не помню его имени²⁶, но помню его концерт – прекрасно играл – ах, nocturne Chopin’a!) – блондин, нейтрального вида – он и Чертков много имели прикосновения к Толстому (по мнению Софьи Андреевны эти лица имели сильное влияние на Л.Н. в том смысле, что они как толстовцы – были „plus royalistes que le rois“. – были более толстовцы нежели сам Толстой (были виноваты в размолвке С.А. с Л.Н.)

с. 307 Гинзбург по знакомству с пианистом проник в Ясную Поляну и получил разрешение делать эскизы и рисунки, но с условием, что Л.Н. позировать ему не будет. Г. несколько раз бывал в Ясной Поляне и делал свои наброски; Однажды, во время шахматной игры с пианистом, рядом сидел Чертков. Приехал в этот день известный публицист Стасов – с целью получить от руки С.А. ее жизнеописание. Толстой, враг мелкого честолюбия, с некоторым неудовольствием принял это ко сведению. В соседней зале происходил живой разговор Стасова с С.А., старавшаяся убедить С.А. А она отклоняла, указывая на то, «ну кто же я, вот Л.Н., это другое, зачем же я...» (А Стасов вновь что то возражал, шумно ступая туда и назад) – Тут Л.Н. тихо произнес над шахматами: А ведь он ее уломает. И: Через некоторое время в зале с поцелуем руки С.А. Стасов замолк. «Сдалась» сказал со вздохом Толстой и двинул ход.

Гинзбург нам однажды показал курьезный снимок: Лев Толстой верхом на «холстомере» – вдвоем с Гинз<бургом> на крупе.

с. 308 До того Т<олстой> [он] в жизни не видел на коне [сживал на лошади]. Памятник удался и был в самом деле воздвигнут в Житомире. Г. подарил мне на память плакетку из красной меди (?) к цепочке часов. – с рельефом бюста Т<олст>ого его работы.

Приехал к нам однажды Юлий Рис, школьный товарищ Карла. Рис

²⁶ Имеется в виду Гольденвейзер.

успел окончить мед<и>цинский> фак<ультет> в Берн-ском унив<ерситете>, имел доцентуру и был женат на «Мире Яковлевне» – тоже доцент – у психиатра Bleuler. Юлий Рис кончил нехорошо. Он сделал подарочек одному знакомому доценту самодельной подделкой под какую то индийскую старину. [Будто старинная рукопись из Индии на листьях экзот<ического> дерева, засушенных и обработанных кислотами. –] Доцент принял эту вещь за настоящую, удивлялся этой большой редкости – Вслед за этим ученый увидел, что он попался на удочку и посрамлен. В ответ на это Юлию пришлось кончить академическую карьеру. Дальнейшую его судьбу я не знаю. Лет 20 спустя, я обнаружила исчезновение одного из томов в Oncken's Weltgeschichte – Индия, старинные рукописи и как раз подходящая по содержанию глава!

Очень грустный факт.

с. 309 Марья Николаевна Замыслова, акушерка, почти вдвое старше меня – рассказала о своей жизни – В нормальной купеческой семье, росла с сестрой. Однажды, расшибив себе колено, еще в малом возрасте, она осталась калеккой: колено не разгибалось. Лечения целесообразного она не получила, и ее «хрѳмушку, отдали на кухню» (моя мама знала о таких судьбах «некрасивых девочек» – во французских семьях – аргумент один и тот же «замуж ее никто не возьмет» – такую дочку (тоже) отдавали «в деревню» или в монастырь.) Наша М.Н. научилась грамоте у случайно приходивших студентов и – при их же помощи экстерном, тайно, сдала выпускной экзамен женской гимназии. Она стремилась быть врачом. В женск<ом> мед<ицинском> инст<итуте> в Петербурге (единственном) ее не приняли, дали совет: пройти акушерские курсы. (4 года?) Кончив с отличием, она представилась вновь в Петербурге – Отказали: «Вы стары!» Тогда она метнулась – в Цюрих, в Берн...

с. 310 – Как мы видели – безуспешно. Мы с грустью проводили ее на вокзал. Она держалась очень храбро, давая нам советы житейские, а сама, думается мне, едва сдерживала слезы огорчения. Позднее мы однажды получили письмо – это уже, когда мы сами были опять в России, об этом позднее.

В анатомикум мы попали быстро. Впечатление было, конечно, сильное. Но все таки, надо сказать, что Цюрих как раз в это время открыл новое хорошее здание по новейшим данным. Трупы сохранялись в чистоте, под формалином в подземном вентилированном холодильнике. Первое впечатление при виде трупа было, конечно, некоторое потрясение от факта смерти человека. Этот человек лежал перед нами на груди и задача наша заключалась в анатомии спины. Когда мы сняли кожу с этой спины мы, или вернее я была поражена красотой этой спины – строение мускулов, гармония слоев – заглядение, чем дальше в слоях тем интереснее. Мы анатомировали над этим несколько недель. Ежедневно нас прове-

с. 311 рлял проф. Руге, гроза всем студентам. Помню, что ногу мы анатомировали целых шесть недель. Были еще наблюдатели-доценты, один из них Ar. Гросе – итальянец, – почему то позднее о нем ходил слух, что он покончил самоубийством. Еще была романическая драма – проф Martin (сравнительная анатомия или антропология,) женатый, связался с молодой студенткой-румынкой. Она покончила с собой. А еще случился неприличный скандал в кустах города –

кто-то обнаружил студенческую пару в позиции последней взаимной близости. От испуга у женщины случился такой спазм, что мужчина потерял сознание от боли – чету свезли в карете скорой помощи в клинику, где под наркозом удалось кончить чрезмерное объятие.

с. 312 Однажды приехал интересный Петербуржец-дворянин, инженер Бахметев с поклоном от Катинной сестры Зинаиды Дмитриевны, кончившей там женский медич<инский> институт. Уже замужем и «при сыне».

Бахметев (не без татарских кровей?) благообразный тщательно одетый мужчина лет 30ти, в песнэ – «у меня, знаете, глазник обнаружил внутреннее косоглазие». В тот момент я не поняла, что это такое. и показалось нам, начинающим медикам, чем то мистическим. В те дни вся наша «русская цюрихская колония» была в волнении. Один черненький маленький не слишком молодой еврейчик Бак, мелькавший в анатомикуме то туда, то сюда – как только поднимешь глаза от трупа, так видишь спешит к двери Бак – то в белом халате на распашку, то наоборот из двери с шумной поспешностью в штатском темном костюме уже Бак опять обратно – неизвестно зачем. При виде этого, пожилой ассистент вдруг,

с. 313 в отчаянии, неожиданно для самого себя произнес: «Dieser Kleine da, der hackt mir die ganze Leiche kaputt – so!» – с этими словами он скальпелем показал, как Бак искромсал поперечными бессмысленными ударами ножа фасции и мускулы препарата – непоправимое дело. Едва ли в связи с этим, вероятно по совершенно другой причине – этот Бак кому-то сообщил о своем намерении покончить с собою. Вмиг вся «колония» в панике бросилась «спасать несчастного». в том числе и я с Катенькой почувствовали себя обязанными сделать все от нас зависящее. – мы поспешили конечно в направлении к озеру – в близлежащий перелесок; случайно тут нас перехватил Бахметев в потемках, с громкой иронией, сразу догадавшись о причине нашей поздней прогулки и длительно поучал нас, что люди, оповещающие весь свет о таком намерении, – будьте

с. 314 уверены, никогда этого не делают. – В самом деле, ничего не произошло. Но Бак, слава Богу, покинул Цюрих и был вскоре забыт.

А Бахметев, повидимому, как мы догадывались задним числом, выполняя какую-то партийную миссию, съездил в Женеву на какой-то, должно быть, тайный съезд, и вернувшись, подводил этому съезду крайне отрицательный итог – «Следовало бы бомбой всем этим господам ответить.» Там решалась революционная программа крайней левой – и решено было крестьян лишить земли «без отрезков», за которых стояли, как известно, социалисты-революционеры. – Жутко подумать, – какое направление взяла бы история России, да и всей планеты нашей, если бы Бахметев исполнил тогда свое желание!..

Кто-то придумал поставить пьесу Чехова «Свадьба» силами любителей, никогда не выступавших на подмостках, среди них предложили Катеньке роль молодой акушерки Змеюкиной. Вероятно было много забав на репетициях, да сама пьеса, как известно, богата комизмом многих сцен и оши-

с. 315 бок языка и многого другого. Задача Катеньки заключалась в

претензии на образованность и устремлении в «другую сферу» в словах «дайте мне бурю, дайте мне атмосферу» в ответ на слова ее поклонника: «Сударыня, Вам извините за выражение, не акушерством заниматься, – а...» Но Катенька, на мой взгляд, от застенчивости и непривычки говорить громко на сцене говорила тусклым голосом и неуверенно, так что кроме образа хорошенькой стройной блондинки в легком летнем платье в красных крапинках впечатления не оставалось; но, впрочем и роль была совсем третьестепенная. Но забавно было, что после удачного спектакля публика занялась танцами и песнями, затянувшись до полночи и неожиданно Катенька с Рабиновичем – зна-

с.316 комством этого вечера – «в вихре вальса» куда-то исчезла. Я, потоптавшись, поплелась домой. На утро я получила открытку из Davos'a – с видом снежных вершин и словами: «Ах, куку, куку!..» Это она в тоненькой пелериночке-«шотландке» с места в карьер очутилась в горных снегах! Но ничего, вернулась веселая, розовая, не простудившись... А с Рабиновичем то была единственная случайная встреча.

Мы прилежно работали. Известно, что медики всегда во всех университетах по необходимости практических работ требуемых в каждом семестре (в химии-ли, при трупе или микроскопе) принуждены к прилежанию. Так и тут в Цюрихе – через три семестра мы уже сдали полудокторский экзамен. Не без курьёзного инцидента. В ответ на наше требование прислать свидетельство о наших занятиях в Москве на «курсах Герье» – т.е. о сданных экзаменах – на естественно-историческом отделении высших женских курсов

с.317 мы получили требование прислать запрос от имени декана Цюрихск<ого> университета. То был наш очень чтимый паталого-анатом проф. Paul Ernst. Стиль и тон его лекций никем из множества моих академических учителей не был превзойден. – Он любезно исполнил нашу просьбу. В ответ на это мы спустя пару недель получили к изумлению нашему и профессора Ernst'a бумагу в одну страницу, гласившую об успешно сданных испытаниях второго курса двумя курсистками – Завалишиной и Винокуровой. Подпись проф. Герье. Наш уважаемый проф Ernst в жизни видимо не встречал такого насмешливого пренебрежения достоинством людей (нас студентов) и учреждения. „Man kann Sie doch nicht als Siamesische Zwillinge dokumentieren...“

с. 318 В ту эпоху никому не снилось, что не дольше, как спустя 13 лет все Российское государство впадет в полный хаос и потеряет – вот уже дольше полувека – свой этический лик.

Поездка в Италию. Милан. Флоренция. Генуя. "Полудокторский" экзамен

Весной, в мартовские каникулы Катенька, я и полька, очень усердно и умело готовившаяся к полудокторскому экзамену, Henryka Rozenblat – собрались в Италию, на удешевленные круговые билеты. Наш путь: Zürich – Chiasso – Milano – Genova – Nervi – Pisa – Florenz – Milano – Zürich – предполагался на 4-хнедельный срок. Как забавно сейчас в 1977 году вспоминать наше путешествие: как, к примеру, мы осторожно подсчитывали наши швейцарские франки и сантимы – мы обе жили очень скромно – Митечка присылал приблизительно 100 фр<анков> в месяц, у Катеньки бывало и того меньше – поэтому

с. 319 мы в Rucksack взяли с собой эмалированный таз, спиртовку и чугунный простой утюг – белые блузы – (английского фасона того времени) и носовые платки – да и наши длинные волосы мы мыли сами – разумеется, тайно от глаз хозяйки.

Первое приключение нашего пути: в Chiasso – итальянской пограничной станции жел<езной> дороги. – мы должны были перейти в итальянский поезд. Наши чемоданы были тяжело набиты книгами, необходимыми для предстоящего экзамена. Поэтому мы увидав, что рельсы ведут в тупик вокзала, мы прыгнули с чемоданами прямо поперек полотна [(через) на полотно] к ужасу и протесту двух полицейских, бросившихся к нам. К нашему счастью все кончилось благополучно, подвернулся еще носильщик. и в миг мы очутились

с. 320 в надлежащем поезде. Носильщик удивился тяжести наших чемоданов со словами, знакомых мне из уроков музыки „troppo pesante“, на что я авторитетно с’импровизировала ответ „sono libri“ – (наверно ошибочно конечно) – но верно понято, что книги – мужчина с почтением на нас поглядел.

Все вышеупомянутые города, начиная с Милана, мы тщательно осматривали по путеводителю Vadeker – в те времена (1900–3 год) всемирно (известной) признанная книга – Задним числом – через 70 лет невозможно передать все зрительные впечатления от знаменитых своей красотой зданий, скульптур, музеев. Осталось большое впечатление от нарядной оперы „La Traviata“ в La Scala с дивными певцами – и публикой, знавшей каждую ноту – покидая театр певшую услышанное уже на улице. Тут мне вспомнился Ал. Вл. Богданович – 1902 г.) на Кавказе в Кисловодске, вспоминая свое учение пения у (Brodgio) в Италии – тоже упомянул – была премьера в Milan’<e>

с. 321 «Евгений Онегин» – публика при выходе из театра или чуть-ли еще не в зале, не выдержав повторений некоторых мотивов Чайковского, с чуточной насмешкой их уже напевала от себя...

В Милане мы прошли в знаменитый Campo Santo – кладбище – выставка памятников, можно сказать: буржуазно-католической скорби в виде аллеи из мраморных крестов, украшенных пальмами и розами, распятиями всех размеров, скульптурами скорбящих над саркофагами – Запомнилась фигура рослого мужчины в черном сюртуке и галстухе, театрально закрывшаго рукой глаза, облокотившагося на подломанную мраморную колонну. От театральности застилалась печаль. Вероятно поэтому мы внимательно-сухо прослушали у крематория слова служащего в темном одеянии, с булавой в руке, указавшаго на печь с окошечком в которое предлагалось наблюдать сожжение покойников: Une heure pour les riches, et une heure et demi pour les pauvres – ça dépend.

с. 322 Флоренция. Генуя (а). Красота бирюзово-изумрудоваго [нрзб.] моря. Аромат воздуха, простор – неопишимо!

Мы поселились в доме садовника – casa Matteo Crovetto на улице St. Ilario в Nervi. С чудесным видом на море из наших больших окон. Питались мы тут-же, кстати сказать скромно, иногда, к ужасу нашему, жареными птичками. Итальянские дети криком возглашали при виде нас – блондинок с большими косами – „bionda, bionda“ – очевидно непривычный для них вид.

К экзамену мы прилежно долбили все необходимое. Но все таки совершили чудесную поездку в лодке вдоль побережья в Rapallo! – Как много нам сейчас говорит это слово! Договор.

А в Москве в это время мама лежала оперированная в женской клинике. В картонной легкой коробочке я по почте по предложению садовника послала несколько роз. Мама их получила с радостью; но розы конечно тут же развалились – на 5ый день пути...

с. 323 В Rapallo в тот день была «битва цветов» – между прочим – перед нами разыгралась в самом деле настоящая битва (цветов). При большом очень оживленном сборе публики – туземной и приезжих иностранцев – в нескольких омнибусах английских и американских, роскошно декорированных живыми цветами – желтыми колокольчиками, нарциссами – на наш северный взгляд – картина дикой расточительности.

Пропускаю Florenz – встречу с Лизой, двоюродной сестрой Винокуровых, жившей там с мужем-итальянцем...

Мы пунктуально вернувшись в Zürich сдали «полудокторский» экзамен, конечно с трепетом, но с успехом. – письменно и устно.

Клинические семестры. Патологическая анатомия, проф. Ernst. Вскрытия.

Рост недовольства народа в России. Призывы к вооруженному восстанию. История с пистолетом Дмитрия. Учеба в университете Гумбольта

с. 324 В России быстро росло недовольство - японская война, окончившаяся тяжкими поражениями – Цусима, гибель крейсера Петропавловск и пр.

– тяжкие потери в войске. Неурядица в чиновничьем мире, раскрытие воровства и подкупа – все приводило к протесту и критике существующего (состояния) [строя]. Шла подпольная агитация среди интеллигенции и студенчества, теперь явно встречавшая (сочувствие) поддержку широких слоев населения. Все сводилось к лозунгу «Долой самодержавие» – и чтобы подкрепить это требование,

провозглашалось «вооруженное возстание» –

Вот к этому пункту неожиданно судьба привела и меня, хоть я в то время ничего не понимала, да и конкретно в столицах ничего явно противозаконного еще не происходило. В осенние каникулы 1905 года Димитрий, провожая на вокзал меня в отъезд в Берлин, попросил купить револьвер для него, – марки Броунинг – Он слышал, что в Германии продажа оружия не запрещена. Я забегаю вперед – сказано-сделано

с. 325 – в Берлине, мне 22хлетней студентке, в надлежащем магазине продали Браунинга с приложением металлического футляра с десятью патронами и кратким устным примечанием продавца: «Не забудьте, что при пустом футляре – десятый патрон может находиться в револьвере.»

– Вот, это самое и случилось... Через полгода: Митечка среди своих сестер и друзей, в нашей столовой, в разговоре об оружии, (уже после совершившегося в Москве – наряду со многими другими городами вооруженного возстания) достал этот самый револьвер, подняв левый локоть до уровня груди, и положив дуло на него, со словами: «так стреляют кавказцы», спустил курок – именно десятая пуля на волосок, чуть не убила сестру Ольгу, сидевшую за столом облокотившись левым локтем. Пуля пронизала обеденный стол и исчезла в паркете с ошеломляющим грохотом. Tableau! До сих пор непонятное счастье.

с. 326 Сейчас я думаю – состоит пожалуй, связь этого происшествия – грохот ведь непременно был услышан в нижнем этаже, где жила вся наша прислуга – и мог быть сознательный или случайный донос в соседний полицейский участок. Ибо арестован был Митечка сначала по «100 статье» (смертная казнь: «с оружием в руках», измененная в 101-ую статью – не знаю сейчас какое наказание) в те дни или недели острой политической опасности – зимы и лета 1905/6 года в Москве.

А я, как упомянуто, – с Катенькой З. в Берлине приискали себе комнаты в районе поближе к клиникам. Помню, я поместилась недалеко от Lehrter Bahnhof, район Scharnhorststr. в узеньком тупике Kielerstr.: а комната была узкая, треугольником как гроб. Старушка сдавала, очевидно, свою личную комнату, а сама помещалась в маленькой проходной кухонке, через которую надо проходить с улицы. Было скромно-бедно, но тихо и чисто. Как Катенька устроилась не знаю

с. 327 На Scharnhorststr. строился за деревянным большим [глухим] забором большой дом. Как-то в утренний час вижу, вглядываясь в сучок забора, остановился парнишка, корзинка с хлебцами на голове... прохожий ему: „Was schaut? is keene Badeanstalt!“ –

До моего сознания как-то в Берлине не доходило, что я учусь в университете – именно знаменитом Humboldt-Universität – туда мы кроме [из-за] церемонии имматрикуляции не были вхожи – мы бегали по клиникам и слушали там лекции – например помню Langenbeck-Klinik – не ведая, что я много лет спустя – «уже» врачом-специалистом – на конгрессе ортопедов буду стоять у гардероба с пальто в руках в длительной очереди в толпе коллег – в послевоенной бедности было мало прислуг – слышу голос: „Na, so geduldig warten, das vermögen nur wir, Orthopäden“ – общий смех...

В тот семестр была слякотная зима. Движение трамвайное и на извозчиках с

высокими козлами и клеёнчатыми сиденьями. Кучера говорили лошади: „hü-ah“, а при остановке вертели рукоятку тормоза с шипящим звуком рта щщ для лошади. После Цюриха – здесь очень живое движение большой массы людей, добродушной невежливого обхождения –

с. 328 под точном наблюдением порядка стоящих на посту сытых мундирных полицейских («шуцманов»)

знаменитость проф. Ernst v. Bergmann хирург – неужели тот самый, что оперировал кайзера [Kronprinza] Фридриха – мы женщины не удостоились слушать его лекции – мы были допущены к его заместителю проф. Hildebrandt – рыжебородый великан, приветливо-снисходительного стиля, и параллельно учились у проф. Pels-Leusden – помню нашу первую операцию²⁷

²⁷ Рукопись обрывается на полуфразе.